

ПЕЧОРСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАЕВЕДОВ

Не прервётся связь времён

Сборник трудов печорских краеведов

Выпуск 10
Часть II

ПЕЧОРЫ
2024

ББК 63.3(2Рос-4Пск.)
НЗ8

Составитель:
В. А. Шувалова

На обложке:

На снимке сверху — печорские поэты (слева направо): Анатолий Афанасьев, Василий Весский, Василий Воронков.

На снимке внизу — момент слёта передовиков торговли Печорского универсального торгога. В президиуме, в центре снимка — председатель профсоюзной организации Н. И. Бедовый.

Автор оформления обложки
и титульного листа — Сергей Маркелов

НЗ8 **Не прервётся связь времён** : Сборник трудов печорских краеведов / сост.: В. А. Шувалова. Вып. 10. Ч. II / Печор. центр. район. б-ка — Печоры, 2024. — 180 с.

© Печорская центральная районная библиотека, 2024
© Коллектив авторов, 2024

III. ЗДЕСЬ РОДИНЫ МОЕЙ НАЧАЛО

Матвеев Николай Петрович,
краевед, член Псковского регионального отделения
Союза краеведов России

Лезги — деревня у истоков древности

На 15-м километре по дороге из Печор в Псков через Печки, при выезде из лесочка, слева, начинаются первые строения жилых домов. В настоящее время там видны две постройки, одна — хижина уже наполовину развалившаяся. В ней после войны жил старый вояка Иван Иванович Зимёнков. Он воевал ещё в русско-японскую войну 1904–1905 годов, был тяжело ранен в грудь, пуля насквозь пробила лёгкое, но Иван Иванович выжил и уже в советское время работал в колхозе бензозаправщиком. Бензозаправка находилась в метрах ста пятидесяти от его жилья, напротив животноводческой фермы времён развитого социализма в стране. О советском прошлом ныне напоминают её развалины, а когда-то здесь кипела полноценная жизнь.

За скотным двором на пригорке жило пять семей, некоторые поселились на новых землях ещё при Петре Столыпине, их называли «новинами». Расселение по хуторам продолжалось и при Эстонии. В то время много семей из Лезгов поселилось за ручьём, напротив скотного двора, некоторые называли это место Фёдоровкой. В настоящее время этих поселений уже давно нет, осталось всего три дома с левой стороны от дороги, да остатки развалившейся фермы. Недавно во время ремонта дороги дорожники установили здесь указатель «Лезги», но до самой деревни ещё надо ехать километра полтора.

Раньше дорога из Печор за скотным двором раздваивалась, влево шла в сторону Гверстони, а прямая через поле направлялась в южную часть деревни. Центральная улица с севера выходила на «большую» дорогу. Но когда в 1991 году распался Советский Союз, а Эстония закрыла свои границы, Обозерье оказалось в изоляции. Единственная связь с большой землёй оставалась от Киршино через Крупп с выходом около Гверстони на дорогу Печоры-Псков. Но эта дорога тогда была грунтовой и в скверном состоянии. Перед властями встала острая проблема — срочно реконструировать этот путь, и работа закипела. В кратчайшие сроки была заасфальтирована новоизборская дорога до лезговского поворота и далее ещё более расширена и покрыта асфальтом до Кудиной Горы. В народе её прозвали «политической дорогой».

На время строительства прямого участка этой дороги, проходящего через глубокую впадину, был устроен временный объезд через деревню Лезги, мимо Николаевых и деревню Сорокино. Для этого центральная улица была заасфальтирована, в центре деревни установлена автобусная остановка. После завершения строительных работ на дороге Печоры — Гверстонь автобусную остановку «Лезги» с расписанием проходящих автобусов из деревни вынесли на магистраль. Деревня от неё находится на расстоянии порядка трёхсот метров.

Деревня Лезги довольно древняя. О глубине её старины можно судить, сославшись на «Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. XXXIV: Псковская губерния. Список населенных мест по сведениям 1872–1877 годы» (СПб., 1885). В этом издании деревня значится как Козаревы Лезги. Об этом рассказал и житель деревни Виктор Степанович Федулов. Его отец слышал рассказ от своего деда о том, что когда-то его предку, некоему Козареву, возможно, и не местному, за какие-то заслуги царь подарил земли в Лезгах. Он завёл семью, в которой родилось три сына. Когда они выросли, то в деревне завели свои семьи. Раньше фамилии крестьянам давали по имени отца, а одного сына у Козарева звали Федулом.

Вот почему так много в Лезгах семей Федуловых и их корней, а в названии деревни Лезги появилась приставка «Козыревы»

Согласно спискам того времени в деревне числилось 36 дворов, с числом жителей мужского пола — 101 человек, женского — 87. А через 10 лет по изданию И. И. Василёва «Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии» (Псков, 1882) в деревне уже значится 41 двор. Следовательно, корни Лезгов уходят вглубь веков.

О найденных древностях около деревни была напечатана информация в газете «Печорская правда» от 09.09.1952: «Археологическая разведка в Печорском районе около деревни Лезги вскрыла 8 курганов. В одном из них обнаружено 26 погребений XII века с богатым инвентарём: бронзовыми браслетами, кольцами, застёжками и другим. Можно судить о высоком уровне искусства ремесленников славян-кривичей. В двух километрах севернее Лезгов найдено донная стоянка человека каменного века».

По преданию, в древности река Обдѣх была столь многоводна, что по ней плавали ладьи до самого города Трувора (по-славянски Изборск с добавкой — Старый). Он существовал ещё в VIII-м веке, одновременно с Новгородом, Смоленском, Киевом и другими. Поэтому на этом пути так много курганов, видимо, на местах древних поселений, которые со временем исчезали, оставляя после себя дошедшие до нас могильники. Со временем населению в семьях становилось тесно, не хватало земли, и члены семей начинали отделяться и селиться там, где есть водоёмы и места для земледелия. И постепенно, с годами, в разные сроки возникали деревни на печорской земле, в том числе, и деревня Лезги.

В старину после Троицы в деревню Лезги из Псково-Печерского монастыря ходил крестный ход. В те времена дороги на Новый Изборск не было. Молящиеся тогда сворачивали влево за деревней Вашина Гора и двигались вдоль реки Обдѣх, по опушке леса в сторону Лезгов. Потом крестный ход стал ходить за железнодорожной станцией Ливомяэ, вдоль «железки», а далее по той же опушке леса. Деревня Лезги оставалась слева, а молящиеся двигались далее мимо Гверстони и достигали конеч-

ной цели — деревни Печки. Старожилы утверждали, что ещё в более древние времена крестный ход ходил до самого Пскова. И после войны крестный ход из Псково-Печерского монастыря ещё продолжал ходить по этому маршруту, я неоднократно наблюдал за ним. Было интересно. Народу шло много. Несли иконы, на телегах, запряжённых лошадьми, сидели дети, старики, но многие ребятишки семенили ножками рядом со взрослыми. Отец Евгений (Пелешев) рассказывал, что он по молодости тоже принимал участие в этом крестном ходе до Печков.

Когда-то, облюбовав место на древнем водном пути, первые поселенцы прижились, образовали деревню Лезги, с годами стали расширяться и на своём веку много повидали и пережили. Оставила свой след и Первая мировая война в судьбах жителей деревни Лезги. Псковщина оставалась на западных рубежах линии обороны Петрограда слабо защищённой, поэтому в кратчайшие сроки с 1914 по 1917 годы Россия начала обустривать оборонительные рубежи и устанавливать крупнокалиберные батареи. Такие орудия были установлены вдоль реки Обдех. Одна пушка была установлена недалеко от Лезгов. Для подвозки таких орудий и боеприпасов к ним была проложена железнодорожная ветка, которая доходила до деревни Лезги и шла далее в сторону Гверстони.

В годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) деревня Лезги оказалась в центре революционных событий. Зимой 1919 года недалеко от деревни была установлена артиллерийская батарея красных. Белоэстонцы хотели её захватить. С западной стороны, в поле, около домов стоял небольшой отряд красноармейцев из дивизии Фабрициуса, дислоцирующейся в Изборске. В морозный день, глубоко зарывшись в снег, бойцы мужественно отбивали атаки идущих на них цепью по глубокому снегу белогвардейцев, их поддерживал огнём из пушек подошедший к деревне бронепоезд. От его снарядов пострадало несколько домов в деревне. А противник, падая от метких выстрелов красноармейцев и огня пулемёта, вновь и вновь поднимался, шёл в атаку, чтобы разделаться с горсткой отважных бойцов. Ряды защитников редели, в пулемёте оставалась последняя лента с патронами, ког-

да белогвардейцы, понеся большие потери, больше не решились атаковать и стали отползать с поля боя, оставляя на нём убитых. Так красноармейцы у деревни Лезги одержали победу. В тех революционных событиях в России и на полях Гражданской войны многие жители Печорского края тоже принимали участие. И один из них — житель деревни Лезги Русаков Пётр Степанович, 1898 года рождения. Он даже был награждён орденом Красного Знамени, первой наградой, учреждённой советским правительством. Ею награждались бойцы за действительно героические подвиги в боях.

Красная армия, в итоге, не могла противостоять эстонско-финским войскам и удержать Советскую власть в Эстонии. В 1920 году был подписан Тартуский мирный договор. В результате Печорский край на 20 лет оказался в составе буржуазной Эстонии, в которой жизнь населения не улучшилась. Жили в бедности, в постоянных невзгодах, малограмотные, а то и вовсе не грамотные, как при царизме, так и при эстонской власти, начиная с 1920 года по 1940 год. Об этом периоде говорил А. Узай, выступая перед уездными и волостными выборами: «Уже сейчас десятки тысяч семейств голодают. Детей нет возможности послать в школу из-за отсутствия одежды, обуви, пищи. Безработица достигла грозных размеров, как в городе, так и в деревне» (Из газеты «Голос народа» от 23.02.1930).

О трудностях обучения крестьянских детей в школах при буржуазной Эстонии была опубликована статья в газете «Советская деревня» № 31 от 07.11.1940: «При Эстонии было 6-летнее обучение, но окончить его могла только одна пятая часть учеников. Остальные бросали учиться уже после 3–4 класса. Учитель Изборской школы Копылов за 8 лет педагогической работы не помнит, чтобы окончили 6 классов более 25 %. Многие способные дети бросали учёбу и шли батрачить в 12–13 лет». Это подтверждается «Похозяйственной книгой деревни Лезги» за 1950 год. Из числа жителей, родившихся ещё в царское время, практически почти все неграмотные, а те, кто стал учиться уже при эстонской власти с 1920 года по 1940 год, могли окончить только 3–4 класса, а с 6-классным образованием крайне мало.

О каком образовании можно было говорить, если крестьяне едва сводили концы с концами. Работать негде, а что произведено было своим трудом, едва сбывалось. Об этом писалось в газете «Советская деревня» № 33 от 17.03.1941: «Плохой сбыт. Зато безраздельно царствовал организованный грабёж трудящихся спекулянтами, скупщиками и купцами-мародёрами. Государство поддерживало их действия, не предпринимала никаких шагов для обеспечения цен и сбыта. Нормальной ценой, по которой скупалась закупщиками в Печорах клубника, считалось 7–8 центов, продавалась от 50 до 70 центов за килограмм. Или воз огурцов за 45 центов».

Несмотря на притеснения в Эстонии русского населения, в Печорском крае оно, наоборот, старалось не растерять свой язык, свои традиции и культуру. В крае была создана сеть просветительских организаций. Велась культурная работа и в русских деревнях. Так и в Лезгах было создано Просветительное общество, имелась небольшая русская библиотечка.

В первых числах июня, к дате рождения А. С. Пушкина, в Печорском крае повсеместно проводились Пушкинские дни «Печерский край». В Лезгах в эти дни показывали сцены из поэмы Александра Сергеевича «Борис Годунов». В Лезгах ставились пьесы и других русских авторов. Так, перед односельчанами был показан спектакль Антона Павловича Чехова «Предложение». В нём были задействованы местные артисты: деревенская молодёжь, школьные учителя, инструктор Союза русского просветительного общества.

Когда в 1940 году Эстония вошла в состав Советского Союза, жизнь населения стала налаживаться. 12. 01.1941 года в стране проходили выборы в Верховный СССР. От Эстонской ССР кандидатом в Верховный Совет шёл Иоганнес Лауристин, а в Совет национальностей шёл Арнольд Веймер. В Печорском крае было 14 избирательных участков. Лезговский избирательный участок № 10 назывался Краави, голосовали в Лезговской школе.

Становление Советской власти в Эстонии и, в частности, в Печорском крае, прервала война с фашистской Германией. Лихая

година выпала на долю всего советского народа. Кровавый след оставила война и для жителей деревни Лезги. Были расстреляны местными националистами омакайтсе те, кто сотрудничал с советской властью, а именно: Губановский Александр Петрович, Косенков Александр Петрович и Штенев Михаил Теодорович. Не вернулись с полей сражений лезговские воины, защищавшие свою страну и освобождавшие Европу от фашистской нечисти: Боровьёв Никифор Иванович, Крайнов Николай Александрович, Кудрявцев Николай Павлович, Подгорский Пётр Михайлович, Решетников Дмитрий Фёдорович, минёр Штенев Николай Иванович, Штенев Николай Фёдорович.

Вернувшиеся домой лезговские солдаты Великой Отечественной войны были израненные, но не павшие духом, начали строить новую мирную жизнь в своём уже Печорском районе. В 1944 году деревня Лезги стала центром сельского Совета со всей инфраструктурой.

Исполнительный комитет Лезговского сельского Совета депутатов трудящихся Печорского района Псковской области начал свою работу 16.01.1945. Он объединял деревни: Вашина Гора, Сорокино, Грабилово, Заболотье, Кукуевка, Крохово, Саурово, железнодорожная станция Ливамяэ, Соха. Председателем назначен Клименко Василий Степанович, секретарём Лапин Фёдор. Членами Совета исполнительного комитета стали: Голубева Антонина, Николаев Иван, Севериков Георгий, Сухинов Павел, Клиновский Семён и Решетников Алексей.

В разные годы председателями Лезговского сельсовета становились: Аграномов Иван Павлович, Поручиков Василий Егорович, а с 26.12.1950 им становится житель деревни Лезги Голубев Николай Михайлович. Он работал до упразднения сельского Совета. На этой же сессии была утверждена смета на строительство в Лезгах медпункта, на ремонт квартиры фельдшера и на пристройку к избе-читальне.

На долю Лезговского исполкома в первые послевоенные годы выпала работа по определению ущерба, нанесённого краю войной, оказание материальной помощи семьям военнослужа-

щих, благоустройство братских могил бойцов и офицеров Красной армии. На сессии Лезговского сельсовета от 20.11.1945 был утверждён список многодетных семей для оказания им материальной помощи. Например, у Севериковой Анны Михайловны — 8 детей. Все проживают с матерью в деревне Лезги. У Лапиной Веры Васильевны — 6 детей, деревня Лезги. У Щербаковой Евдокии Ивановны — 6 детей, деревня Вашина Гора. Для обездоленных, одиноких матерей, беженцев на сессии Лезговского сельсовета от 27.02.1947 были введены хлебные карточки. Таковых в сельсовете было 23 человека. Моя мать на меня по такой карточке тоже получала раз в месяц один килограмм муки, которую потом по одной столовой ложке добавляла в пищу. Вот так и жили в чужом краю после войны беженцы. В Лезговском сельсовете много внимания уделяли сельскому хозяйству, позднее — налаживанию работ сельхозартелей. В последующие годы исполком направлял свою работу на дальнейшее решение народнохозяйственных вопросов, развитие социальной сферы, уделялось много вниманию разбору жалоб и заявлений граждан.

После войны в Печорском районе сельских Советов было больше десяти. Такая раздробленность территории оказалась малоэффективной. Спустя время, путём объединения сельсоветы стали сокращать. Так, в 1952 году в связи с малочисленностью населения Лезговский с/с был упразднён. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.06.1954 Лезговский с/с присоединили к Ивано-Болотинскому с/с. Спустя семь лет решением Псковского облисполкома от 14.10.1961 года № 380, в связи с перенесением центра в деревню Крупп, Ивано-Болотинский с/с присоединили к Круппскому с/с. Населённые пункты бывшего Лезговского с/с, кроме Сохи и Кукуевки, вошли в состав Печорского с/с.

В годы, когда Лезги являлись центром с/с, в деревне был открыт магазин. Находился он в одной половине старого дома Федулова Степана, в котором он же и работал продавцом. Была открыта Лезговская начальная школа, в которой преподавала Гвоздева Антонина Степановна.

Ученики Лезговской начальной школы, 1952 год

В медпункте работали разные медики, даже одно время лечил крестьян фельдшер из Ленинграда. Работала почта и изба-читальня, которая стала впоследствии клубом. При Эстонии в этом здании было пожарное депо. Первым заведующим культурного заведения в Лезгах стал Соколов Николай Сергеевич. Он был не из местных. Как рассказал его сын, Соколов Виктор, отец после войны, спасаясь от голода, из Воронежа приехал в Лезги. Соколов Николай был инвалидом и не воевал. В конце войны его больную ногу лечили в госпитале, а рядом с ним лежал израненный боец. Звали его Решетников, родом он был из деревни Лезги Печорского края, недавно входившего в состав буржуазной Эстонии. За время лечения они познакомились. В разговорах каждый поведал о своём положении. Если Печорский край, где крестьяне жили своим хозяйством, и в годы войны меньше всего пострадали, немцы лояльно относились к своим союзникам, то Воронеж оказался городом с разрушенной промышленностью и разорённым в окрестностях сельским хозяйством. Надвигался голод. И Соколов Николай, чтобы убежать от него, обратился к своему соседу по

койке Решетникову с вопросом, можно ли будет после госпиталя приехать в Лезги? Он музыкант, играет на скрипке, домре, баяне, хорошо рисует. Работу найдёт.

Таким образом, после лечения из госпиталя в Лезги приехали два инвалида. Решетников был весь переломан, без корсета не мог ходить. Соколов Николай привёз музыкальные инструменты, кроме скрипки, по дороге её продал. Вскоре его в Печорском отделе культуре назначили в деревню Лезги заведующим избой-читальней.

Работая, Николай Сергеевич близко сошёлся с семьями Решетниковых. Его женой стала Антонина Фёдоровна из семьи Фёдора Михайловича Решетникова, прозванного в народе «Борисов». Семья Фёдора Михайловича ещё при Эстонии переехала на хутор ближе к деревне Грабилово. Фёдора все уважали. Он родился в 1893 году. Жил долго, почти сто лет, много помнил. К нему не раз обращались жители деревень о восстановлении своей родословной.

Алексей Фёдорович Решетников, друг «избача», как впоследствии в деревне стали звать Николая Соколова, тоже нашёл жену из своей деревни — Шуру Федулову, прозванную «Марьяхина». Они вырастили двух детей: дочь Валентину и сына Геннадия. Но Алексею Решетникову не суждено было знать судьбу своих детей. Он рано умер, сказались фронтовые ранения. А Шура «Марьяхина», оставшись молодой вдовой, долгое время жила одна. Работала в колхозе почтальоном, а потом стала жить с Михаилом Саушкиным. Теперь все они умерли. Судьбы детей Алексея и Шуры оказались не простыми. Дочь, Валентина, после окончания Лезговской восьмилетней школы поступила в сельхозтехникум и, получив диплом, пришла работать в колхоз «Маяк». Это было в мою бытность, тогда моя жена, Галина, работала в колхозе плановиком и то, что ниже написано, это правда. Молодая девушка влюбилась в парня и от неаккуратной любви забеременела, но её возлюбленный не хотел иметь ребёнка и уговаривал сделать аборт, но Валентина противилась. Наконец после мучительных терзаний решила на аборт. Узнав об этом, тогда работающая председателем колхоза «Маяк» Татьяна Андреевна Уйбо, воспротивилась. Она знала, что аборт для девушки, ещё не рожавшей, грозит в

дальнейшем остаться бездетной. Зачем человеку калечить жизнь, и Татьяна Уйбо, проявив мудрость, приезжает к молодым. Видимо, поговорив по душам, она согласилась отпустить Валентину Решетникову из колхоза. Парню, видно, это и надо было. Молодые вскоре уехали на родину будущего мужа, где жили дружно, воспитывали детей. К сожалению, в 2021 году Валентина умерла.

Судьба Геннадия Решетникова более трагична. Он женился на Нине Лапиной. Однажды при неясных причинах в их доме случился пожар, и Геннадий Решетников в нём сгорел.

Новая семья Соколова Николая Сергеевича поселилась в деревни Лезги в доме Наталии Штабовой, где она с матерью, Татьяной Тарасовной, жила в одной половине, а во вторую поселила «избача», который из своей зарплаты в 410 рублей платил за жильё 100 рублей. Сама Наташа была не полного ума и не раз стучала в стенку к Соколовым. Она влюбилась в Юрия Будилина, заведующего Лезговским почтовым отделением связи. Но он на такую «подругу» не смотрел. Тогда частенько она выходила на улицу и под окнами почты кричала на всю деревню в надежде, что возлюбленный обратит на нее внимание. Но возлюбленный ни гу-гу! Вот такая была в Лезгах «романтика». Но была и другая, более печальная, для некоторой лезговской молодёжи, но их уже нет в живых, и суда нет.

Свои художественные качества «избач» Николай Сергеевич первым делом проявлял в написании настенной агитации, плакатов, лозунгов тушью плакатным пером. Красиво писать таким способом — большое искусство. Он даже хотел научить красиво писать своего сына Витю.

Николаю Соколову вначале было трудно привлечь сельскую молодёжь к мероприятиям в избе-читальне без активистов. В Лезговском сельском Совете большое внимание уделяли культуре на селе. Для поднятия её уровня на сессии сельсовета от 14.12.49 в помощь Николаю Сергеевичу был избран совет избы-читальни в следующем составе: Гвоздева А. С., Николаев А. М., Назимов Н. М., Боровкова М. Ф., Подходящев А. В. и Федулов Г. И. Наиболее активными в культурной жизни деревни стали педагоги, когда в Лезгах была построена семилетняя школа сельской молодёжи. Из числа учителей был создан при Лезговской

избе-читальни хор художественной самодеятельности, которым руководил сам Соколов, туда потянулась и другая молодёжь. Драматический кружок возглавила педагог Дашенькова.

В 1950 году коллектив художественной самодеятельности из Лезгов принял участие в первом районном празднике песни, за что награждён Почётной грамотой. Но на сессии Лезговского исполкома от 26.03.51 г. указывалось, что надо еще больше активизироваться. Не делается пропаганда книги, как художественной, так и сельскохозяйственной, политической и научной литературы. В 1950 году не проведено ни одной читательской конференции. Для устранения указанных недостатков на сессии Лезговского сельского Совета от 26.03.1951 года был утверждён новый совет избы-читальни в количестве семи человек, вместо шести: Гвоздева М. С., Быстряков В. И., Николаев А. И., Назимов Н. М., Левин Ф. Ф., Федулов Г. И., Вальян В. К. Уже на другой год на сессии Лезговского сельсовета 21.08.1952 года было принято решение избы-читальню перевести в статус «Лезговский сельский клуб».

Среди односельчан в центре с баяном Николай Соколов

В Лезговском клубе, кроме кино, проводились концерты, на которых демонстрировали свой талант в сольном пении учительница Н. Иванова, колхозница В. Штенова и другие. («Печорская правда» от 15.01.1956 г. Из архива Музея города Печоры). Коллектив художественной самодеятельности из Лезгов не раз выступал и на других сценах района. До шестидесятых годов в Печорском районе не было электричества, и киноустановки в сельских клубах работали от передвижных электростанций. Другие мероприятия проводились при свете керосиновых ламп. И только в конце шестидесятых годов район был электрифицирован.

Не пришлось талантливому Соколову Николаю Сергеевичу поднять на высоту культуру в Лезговском клубе. Он рано умер, его сын Витя ходил тогда только в третий класс. После Соколова баянистом в клубе стал Михаил Туксин, завклубом работали Ушанова Александра, далее Саушкин Алексей. Последним лезговским завклубом была Поко Зинаида. Население в деревне сокращалось, детей становилось мало, и Лезговскую школу закрыли. В кино все меньше и меньше стало приходить зрителей, и его из-за нерентабельности вскоре перестали демонстрировать.

Культурная жизнь в деревне угасала. Клуб все реже открывался и оказался не у дел, его списали с баланса. На месте бывшего очага культуры в Лезгах теперь заросли кустов. Такова судьба нынешних деревень.

«Альма-матер» в Лезгах была в зачаточном состоянии. Деревенское население, родившееся в царское время, в основном, оставалось неграмотным, а если кто читать и писать умел, то не выше уровня трёх классов. Такой же школа оставалась и при Эстонии. Её здание во время немецкой оккупации сгорело, так что уже после войны, при Советской власти, начальные классы размещались в двух крестьянских избах. Два класса в доме Краевых, по аналогии с фамилией, их дом находился в конце деревни, в сторону реки Обдѣх. Вторая школа была открыта в доме Подходящева, в деревне их обычно называли Федотовы, они были богатыми, и позднее их раскулачили. Их дом был на две половины, в одной половине жили хозяева, а во второй учили детей. Иногда в ней показывали кино. В пятидесятых годах эта школа с начальными классами была переведена в дом Николаевых. Завучем этих школ стала Метѣлкина В., учительницей Гвоздева А.

После окончания Лезговской начальной школы ученики из Лезгов дальше продолжали учёбу в Зимне-Борковской семилетней школе, до которой надо было ходить через деревню Иваново Болото порядка восьми километров через леса, болота, и в дождь, и в метели, и в темноте, и в стужу. По глубокому снегу дети проминали тропки, чтобы через три года получить свидетельство о семилетнем образовании и, по желанию, продолжить учёбу в ещё более отдалённых школах — в Новом Изборске или в Печорах. Не многие выдерживали такой марафон. Одна из таких немногих нашлась — это Лидия Петровна Туксина (Загорская). Она в 1956 году продолжила учёбу в Печорской средней школе № 1. Мы вместе с ней учились в одном классе «Г» с классным руководителем Евгенией Григорьевной Филипповой (Бежаницкой). После окончания пединститута Лидия Петровна несколько лет преподавала в своей родной деревне в восьмилетней школе. До выхода на пенсию продолжала преподавать в Печорах.

*Слева сидит Надежда Петровна Собачкина,
вторая справа — Лидия Владимировна Пиллер (Богданова)*

Новую семилетнюю школу в Лезгах построили в 1955 году. Первым её директором стал Пётр Филиппович Тихомиров, потом был Курбанов, его сменила Собачкина Надежда Петровна. После её ухода с поста руководителя последним директором, уже к тому времени восьмилетней Лезговской школы, стал Боровьёв Николай Никифорович.

Шли годы. В деревне после войны рождаемость детей сократилась, и постепенно учеников в классах становилось всё меньше и меньше. Дошло до того, что в старшие классы ходить стало некому. И Лезговская школа из восьмилетки превратилась в начальную. Директора Боровьёва перевели в Печоры на должность заведующего РОНО, а учителей распределили по другим школам. В конце восьмидесятых годов Лезговскую школу вообще закрыли. Теперь всё школьное хозяйство приобрёл и пользуется им печерянин Чапыгин Александр. С закрытием школы жизнь в деревне стала чахнуть и хиреть, а после ликвидации колхоза население в Лезгах осталось на выживание.

После войны жизнь крестьян в районе развивалась по восходящей. В конце сороковых годов стали создаваться колхозы. На территории Лезговского сельсовета возникло пять сельхозартелей. В деревне Вашина Гора — колхоз «Маяк», председатели Левин Ф. Ф. и Волин А. В., в Грабилах — «Радуга», председатели Голубев Н. М. и Илос Ольга, в Заболотье — им. Чапаева, председатели Аграномов И. П. и Ермошин В. М. В деревнях Соха и Кукуевка — колхоз «Луч коммунизма», председатели Лапин М. В. и Назимов Н. М. В деревне Лезги в 1948 году был образован колхоз. Назвали его в духе нового времени — «Заря коммунизма», руководители Соколов Н. С. и Николаев А. И. Общественное хозяйство, после личного, для крестьян Печорского района было новым, потому дела в колхозах первые годы не ладилась. Да как они могли ладиться! Я помню то время, когда почти в каждой деревне был свой колхоз. И вот что он из себя представлял. В какой-нибудь свободной крестьянской избе открывалось правление колхоза, где при свете керосиновых ламп, не имея телефонной связи, работали выбранный председатель колхоза и счетовод с канцелярскими счётами. В этом полутёмном доме время от времени собирались члены правления колхоза, выбранные на колхозном собрании, и решали дела на ближайшее время.

Рабочий день в колхозе начинался с утра. В условном месте, где-нибудь около конюшни или гумна, приходили на развод колхозники, мужчины и женщины. Колхозный бригадир расставлял их по рабочим местам. Труд первые годы в колхозе был сплошь ручным: пахали на лошадях, жали, косили, лён тягали руками. На скотных фермах электричества не было, район электрифицировали только во второй половине шестидесятых годов, а до этого скотники работали при свете керосиновых фонарей «летучая мышь». Ни машин, ни тракторов в колхозе не было, только гужевой транспорт. Технику выделяли из МТС, но колхозов тогда было так много, что за ней выстраивалась очередь и затягивались сельскохозяйственные работы. И только после реорганизации МТС по решению февральского 1958 года Пленума ЦК КПСС и Закона «О дальнейшем развитии сельского хозяйства», принятого в марте 1958 года на первой сессии Верховного Совета СССР пя-

того созыва, колхозы от МТС стали приобретать технику, а механизаторы, работающие там, стали возвращаться в свои колхозы. При этом люди в колхозе работали за «палочки», то есть трудовые дни, за которые в конце года почти ничего не получали.

В магазинах за «палочки» не продавали. Вот и приходилось людям крутиться, чтобы как-то заработать денег. А так живи, как хочешь, но на колхозную работу ходи. Это была главная причина малопродуктивного труда в колхозе и нежелания в нём работать. Не раз об этом печаталось в прессе. Так, в районной газете в статье «Нахлебники колхоза», отмечалось, что в колхозе «Заря коммунизма» хорошо работает молодёжь. Молодой полевод Миша Хомутов окончил 7 классов в Лезговской школе и остался в колхозе работать, стал одним из лучших в артели. На колхозной ферме работает молодёжь: М. Ключина, М. Кудрявцева, А. Звукова. У них нет опыта, но они стараются и добиваются успеха.

Но в деревне Лезги есть и колхозные нахлебники. Так, Сергей Ушанов живёт по принципу: «хочу — работаю, хочу — нет». Он занимается огородом, выращивает овощи и клубнику, с женой ездят на рынки в Ленинград и другие города. Ещё три брата Савушкиных: Михаил, Иван и Николай. Эти трое бездельников сейчас заняты сбором грибов и их продажей. Их не волнует, что надо идти на работу в колхоз (Газета «Печорская правда» № 117 от 20.09.1960. Из фонда Музея истории города Печоры).

И эта «палочная» система оплаты труда колхозников продолжалась до 1960 года, когда Советское правительство приняло решение о переводе колхозов на хозрасчёт, и за трудовые дни стали выплачивать деньги. Это несколько улучшило финансовое положение колхозников, но материальное состояние в хозяйстве по-прежнему оставалось на низком уровне. Вместо механических мастерских была всего лишь кузница. Руководить таким колхозом было не просто, и потому председатели часто менялись. Так в колхозе «Заря коммунизма» с начала создания были председатели: Захаров, Бухтияров, Логин, Голубев, Бовин.

О недостатках в колхозе часто отмечалось в местной печати. Например, в статье «Не готовятся к уборке урожая» отмечалось,

что люди в хозяйстве у председателя Бухтиярова не готовят кладовые к приёму зерна. Сельхозтехника не ремонтируется. Из-за безответственности в прошлом году под снегом осталось 6 гектаров картофеля, были допущены большие потери зерна и льна (Газета «Печорская правда» № 82 от 10.07.1957. Из фонда Музея истории города Печоры). В другой газете отмечалось, что в колхозе «Заря коммунизма» до сих пор не закончен обмолот многолетних трав. Председатель А. Бовин. (Газета «Печорская правда» № 128 от 26.10.1958. Из фонда Музея истории города Печоры). На следующий год в газетной статье «На самотёк надеяться нельзя» опять разгромный материал о том, что у председателя Бовина А. и его заместителя по животноводству Голубева Н. скотники содержат свиней и крупнорогатый скот в грязных стойлах. Самые низкие надои молока от коровы в районе — 7 кг, когда в других колхозах по 12 и более. Имеется пастух с гарантированной зарплатой в месяц — 600 рублей, а оплата пастуха должна зависеть от надоев. Колхоз не выполняет план по мясу и шерсти... («Печорская правда» № 73 от 21.06. 1959. Из фонда Музея истории города Печоры).

Колхоз «Заря коммунизма», постоянно являясь отстающим, в 1961 году вошёл в состав соседнего хозяйства «Маяк». Его возглавлял ранее работавший участковым зоотехником в Лезговском сельсовете Богаринов Владимир Кузьмич. Он сумел довести отстающий колхоз «Маяк» до передовых. В самой деревне Лезги, вошедшей в состав колхоза «Маяк», материальной базы, кроме скотного двора, построенного в начале деревни, да кузницы, почти ничего не было. Кузница находилась, так сказать, в «часовенном» крае деревни, являлась наиболее развитым сельхозпроизводством. Тут же находилась конюшня. Немного в стороне стоял рей, где сушили льнотресту, потом её тут же мяли на льномялке, представляющей собой большой круг с ребристым настилом. На него расстилали высушенный лён и по этому настилу с помощью лошади катали большой зубчатый валик, над которым крепился ящик с камнями. Рядом с реем находилось два сарая. В одном мужики трепали размятую тресту, а готовое волокно складировали во второй сарай-склад. Таким образом, в колхозах многие годы

проводился полный цикл промышленного производства льняного волокна. В деле получения прибыли это, конечно, было выгодно для хозяйства, но в то же время и слишком трудоёмким занятием, позднее от него отказались. Лён стали государству сдавать тrestой.

Кузнецом после войны в Лезгах был Михаил Пальянов. Родом он из Сибири. Женился на Быстряковой Валентине, соседке Федуловых. Когда они уехали в Таллин, кузнецом стал работать Михаил Поко из деревни Сорокино. Когда Михаил Пальянов вышел на пенсию, он вернулся в Лезги и продолжил кузнечные дела и сварочные работы. Но когда кузница в деревне развалилась, он в доме соорудил свою небольшую кузню.

В расширенном колхозе «Маяк» в деревне Смольник была создана колхозная инфраструктура с хозяйственной базой. Колхоз многие годы успешно развивался и успешно выполнял планы по многим показателям. Это продолжалось до пресловутой горбачевской перестройки. В конце восьмидесятых годов произошёл надлом хорошо настроенного механизма колхозного строя. Опять стали дробить колхозы и расширять их. Так успешно работающий колхоз «Маяк» снова развеличили на бывший «Заря коммунизма» и присоединили его к совхозу им. Мичурина, находящемуся на расстоянии 15 км в Печорах, а «Маяк» присоединили к соседнему колхозу «Заря». Такое скрещивание в начале девяностых годов привело к акционированию сельхозпредприятий, окончательному разорению их и в дальнейшем разграблению. Тем самым на сельское хозяйство в Печорском районе был поставлен крест. В настоящее время поля вокруг деревни Лезги заброшены, зарастают деревьями, и только часть полей обрабатывается предпринимателями в лице Соловьёва и Сотникова, живущих в Печорах, которые выращивают на них овощи и клубнику. Вот и весь сказ об общественной жизни населения деревни Лезги, увидевшего расцвет в Советское время и полный упадок своего развития при новой власти в стране. Остаётся рассказать о тружениках, воинах — людях, живших в деревне Лезги и творивших свою историю.

Количество семей в деревне Лезги в разные годы менялось, одни уезжали, другие селились. После войны 1941–45 годов в де-

ревне было несколько династий, так самая многочисленная была семья Ушановых — семь хозяйств, за ней Лапины — 6, по четыре семьи — Берёзовы, Федуловы.

Из династии Ушановых, пожалуй, самая известная в деревне Лезги была семья Ушанова Александра Петровича. Они с женой Антониной Павловной были одногодки — 1922 года рождения, у них до 1949 года было два сына, Николай и Владимир, и две дочери, Валентина и Нина. Позднее у них родились двойняшки, их нарекли Петром и Павлом. Но они, видимо, были по каким-то причинам слабы здоровьем и в цветущем возрасте один за другим умерли. Самым удачным и целеустремлённым в жизни оказался Ушанов Николай. Он после получения среднего образования уехал в Псков, поступил в вневедомственную охрану, получил служебное жильё. Позднее женился на фельдшере Лезговского медпункта Нине (фамилию запомнил). Стали жить в Пскове. Николай поступил в филиал Ленинградского Северо-Западного заочного института на вечернее отделение. Я тоже вместе с ним учился на одном факультете и не раз оставался в его семье на ночлег. Он, не имея своего жилья, мечтал о нём. Тогда в советское время тоже не просто было получить коммунальное жильё. Люди за ним стояли годами в городской очереди. Но в конце шестидесятых годов и в Советском Союзе начали появляться собственники жилья. Это называлось кооперативное строительство домов на вложенные деньги тех, кто желал иметь свою квартиру. В такой кооператив вступил и Николай Ушанов. В рассрочку выплатив нужную сумму, через два года на улице Текстильной в городе Пскове вселился хотя и в «однушку», но зато в собственную. Через год, получив диплом радиоинженера, стал работать на Псковском заводе АТС и дошёл до ведущего конструктора. Выйдя на пенсию, стал болеть и недавно умер.

Деревня Лезги, находясь на древнейшем водном пути славян в окружении болот и лесов, пахотных земель имела мало, а семьи увеличивались, сыновья отделялись и начинали жить своим хозяйством. Их тоже надо было наделять землями, вот поэтому многие уходили из деревни на хутора, где были просторы, или перебирались в соседние деревушки с пригодным земледелием.

При Эстонии все хозяйства в деревне и на хуторах имели своё, придуманное хозяином, название. Например, Берёзов Семён — «Новины», Подгорский Михаил — «Орехов» и т. д.

Таким образом, семья Ушанова Сергея поселилась недалеко от Лезгов, в деревушке Валуево. Это о нём в шестидесятые годы была напечатана критическая статья в районной газете «Печорская правда». И напрасно! Он в колхозе работал трактористом. И хорошо работал! На тракторе обрабатывал поля химикатами. Лидия Туксина (Загорская) вспоминала о своём крестном. Когда он умер, врачи при вскрытии его удивлялись, как он жил? Сосуды у него были хрупкие, ломались, как стеклянные. Это сказалась длительная работа с ядохимикатами. Тогда не очень в колхозе соблюдалась охрана труда. Работали без средств защиты.

О своей династии рассказал Виктор Степанович Федулов. У его отца, Степана Никандровича Федулова, 1911 г. р., и матери, Александры Ивановны, 1914 г. р. имелось шесть детей. Пять дочерей: Надежда — 1935 г. р, Лида — 1939 г. р., Мария — 1940 г. р., Анна — 1945 г. р. и Нина — 1954 г. р. Была ещё малышка, но она умерла, похоронили её в Зачереньи. Ещё был единственный сын, Виктор, 1948 г. р.

Отец Виктора, Степан Никандрович, поведал сыну о том, что он уже в своё время услышал от своего родича, дошедшего до него из уст прошлого поколения. Кто-то из их родословной от царя получил в Лезгах землю за какие-то заслуги. Возможно, даже он был не из местных. Поселившись на подаренной земле в деревне, он завёл семью. У него родилось три сына. Когда они выросли, расселил в трёх местах деревни. Одного около часовни. У всех позднее появились дети, но раньше фамилию рождённого давали по имени отца. Одного сына звали Федул, потому его детей стали звать Федуловы. У другого его сына в семье родилось три сына, и они расселились со своими именами, дав в деревне новые семьи и фамилии. Все они были из родословной Федуловых. Мать Шуры Решетниковой была Мария, её в деревне звали «Маняхина», а была она из семьи Федуловых.

Отец Виктора, Степан Никандрович, в августе 1944 года был призван в армию и воевал в Курляндии. Он входил в пуле-

мётный расчёт вторым номером, а пулемётчиком был эстонец. «Трудные шли бои, — рассказывал он после войны сыну, — немец простреливал всю местность перед нами. Бывало, лежишь, но стоило только приподнять голову в каске, как тут же начинали свистеть пули. Однажды сидели в окопе, ждали сигнал к атаке. Наконец в небо взлетает ракета. «Надо в атаку», — говорит эстонец-пулемётчик. «Какая атака, — отвечает Федулов. «Нет, Степан, надо!» И только выскочил, ему тут же очередь перебивают ноги. «Отволакиваю его, — продолжал рассказывать отец Виктору, — оказал первую помощь раненому. Потацил дальше, стал звать санитаров. Позицию нельзя было бросать. Вернувшись к пулемёту, сам начал стрелять по немцам, но оставаться с пулемётом на одном месте нельзя было. Постреляю, куда укажут, и тут же отползаю на новую позицию. В один момент оглянулся, а на том месте, откуда только что стрелял, дымится от мины воронка». Так успел поменять несколько мест, пока враг его не достал. От взрыва его сильно контузило. Взрывной волной было отбито всё тело. Очнулся только в госпитале. Вместе с ним лежал Заграйкин из Печор. Он был так же весь перебит, переранен. Победу встречали в госпитале.

Вернувшись с войны домой, отец плохо ходил. Уже работая в колхозе, однажды на машине с шофером вез зерно на Васину мельницу, расположенную на реке Обдѣх, недалеко от железнодорожного моста. Деревянная переправа через речку была старая, тяжёлую машину мост не выдержал, и она провалилась в реку. Машин тогда было мало, их берегли. Федулов Степан в воде помогал шофёру Берёзову Михаилу вытащить из речки грузовик и окончательно застудил ноги, потом несколько лет не мог ходить. Что тогда только не делали, ничего не помогало, ни разные мази, ни примочки. Была сделана муравьиная ванна. Однажды старый настой застоялся, прокис, и мать хотела эту жижу вылить. Но отец сказал: «Дай, я последний раз подержу ноги в этом настое». И, о, чудо! Полегчало! Видимо, муравьиная кислота получила качественные лечебные ферменты. И после этого он поправился. Стал ходить медленно, но бегать не мог.

Позднее у Федулова Виктора Степановича стала болеть мать, и её забрали дочери в Таллин, чтобы подлечить, и она там умерла. Сёстры Виктора не дали её везти на родину и похоронили там, а когда умер отец, его Виктор тоже увёз туда хоронить. Так захотели сёстры.

Сам Виктор Степанович после окончания Лезговской восьмилетней школы в 1963 году поступил в Таллинское профтехучилище № 6 и стал слесарем промышленного оборудования, а перед армией окончил курсы водителей транспортных средств и даже успел в Таллине 8 месяцев поработать шофёром. После этого был призван на срочную службу в армию и, отслужив, из Таллина приехал в Псков, где стал работать шофёром. В 1970 году сначала был направлен в Ростовскую область на уборку урожая, а потом переведён в Оренбургскую.

Со своей женой, Надеждой Петровной, Виктор познакомился, когда она ещё училась в Боровичах в техникуме. Надежда родом из Вологодской области, а он служил тогда в армии на Валдае в Высшем Волочке. Когда в начале семидесятых годов в Печорах открылся завод КДТ, Надежда Петровна стала на нем работать технологом по керамике, туда же весной в 1973 году перешёл и Виктор Федулов. Это стало стартом его своеобразного трудового марафона в родном краю. В нём 25 лет водил разные машины: МАЗы, КАМАЗы, ЗИЛы и другие. Виктор работал по первому классу, тогда в Советском Союзе шофера могли повышать свою квалификацию. Было три класса у водителей и за классность им платили. В Печорах была автошкола ДОСААФ, где учились на шоферов и повышали квалификацию у известного педагога Комарова. Федулов, кроме классности, имел все отметки о праве водить автобусы и ездить с прицепами.

Когда в стране началась непонятная никому перестройка, хозяйственный механизм в экономике начал давать сбои, из-за губительных реформ одно за другим предприятия стали хиреть и закрываться. В 1992 году Виктор Федулов увольняется из АТК «Псковмелкор» и переходит в ПМК-4, а через три года по той же причине переходит в ПМК-194 к Новоселецкому. Покрутив у него ещё три года баранку до развала этой большой строитель-

ной организации в Печорах, Федулов переходит контролёром в «Энергосбыт» к Шувалову Николаю и в этой должности проработал 22 года. За это время пережил начальников столько, что при пересчёте их пальцев на руках не хватит, так рассказал в беседе Виктор. Таким образом, его трудовой стаж составил более пятидесяти лет.

Надежда Петровна и Виктор Степанович Федуловы

За время работы вместе с женой заработали трехкомнатную квартиру на улице Юбилейной, но Виктор остался верен своей малой родине и всё время был прописан в Лезгах, а жена прописана в Печорах. Даже работая в Печорах, он постоянно ездил в родной дом, а теперь, находясь с Надеждой Петровной на заслуженном отдыхе, постоянно живут в новом добротном доме. Во второй половине живёт его сестра Лида.

Раньше у Федуловых был старый дом, который находился недалеко от Русаковых, но он сгорел, другой дом был построен недалеко от нынешнего, ещё с соломенной крышей. Этот дом состоял из двух половин. В одной половине был даже открыт магазин.

В Советское время лесхозы заботились о лесах и пополняли семенной фонд хвойных деревьев. Для этого в осенне-зимнее время стали привлекать население к сбору шишек этих деревьев и хорошо платили за них. Особенно это широко было распространено в Эстонской ССР, там даже выделялись лесные делянки, где пилили с корня, а с кроны спиленного дерева собирали зелёные шишки, и многие печеряне занимались там этим промыслом, в том числе и Федуловы. Им был дан лес в Вериора в Эстонии. И отец Виктора, Степан Михайлович, воспользовался этим и решил построить новый дом. И в 1964 году из Вериора Туксин Михаил на тракторе стал возить лес в Лезги для Федуловых.

Федулов Степан был мастеровой. Сруб стал рубить не как обычно в «чашку», а в «чистый угол» — красиво, но трудоёмко. Бревна мать с Виктором подтаскивали, а отец рубил венцы. Когда всё было готово, деревенской «толокой» собрали сруб, всё остальное Степан Михайлович делал сам. Доски пилил на пилораме, которой сам и заведовал. Она находилась недалеко от скотного двора. Пока не было электричества, из деревни Кошельки приезжал на тракторе Илья Мьяру и ремённой передачей от трактора приводил в движение пилораму.

Отец Виктора даже учился в Лазареве в СПТУ-18 на тракториста, но трактористом не стал работать, а ещё окончил бухгалтерские курсы. Когда колхоз «Маяк», в который входила деревня Лезги, в восьмидесятые годы был присоединён к колхозу «Заря», председатель этого колхоза Лисин назначил Степана Михайловича председателем ревизионной комиссии. Потом бывший колхоз «Заря Коммунизма» вывели из состава колхоза «Заря» и присоединили к совхозу им. Мичурина, который находился за 15 км в Печорах, начались хозяйственные изменения. Вместо МТФ сделали овчарню. На горке построили ещё вторую такую. Федулов стал работать сторожем на овчарне и однажды пресёк преступную деятельность «охотников», которые под видом любительской охоты «охотились» на совхозных овец. Отец Виктора обнаружил это, вызвал милицию, и «горе охотников» поймали. Вот таким был Федулов Степан. Умер он в 1988 году.

У них большая семья: две дочери и сын. Старшая дочь, Юлия, 1971 г. р., по первому мужу Рязанова, живёт в Санкт-Петербурге. У Юлии Викторовны два сына: Рома и Андрей. У неё образование по швейному производству, но в настоящее время работает парикмахером.

Средняя дочь, Виктория, 1975 г. р., вышла замуж за Смирнова, но свою фамилию не захотела менять. Она окончила Псковский политехнический институт и работает в Пскове. У неё сын Максим. Юрий Викторович, 1979 г. р., окончил коммерческий институт и одно время в Санкт-Петербурге работал директором магазина «Эльдорадо». У него сын Тимофей и дочь Таня.

В деревне были и другие Федуловы, такие, как Иван Григорьевич — двоюродный брат деда Виктора Степановича. Иван и его жена, Наталия Андреевна, были неграмотными. Но это Наталье не мешало быть повитухой. Она по деревням помогала женщинам при родах в домашних условиях. Медицина для простого люда была недоступна.

Лепести Иван Михайлович — он же Федулов. Когда при Эстонии крестьянам стали давать фамилии, Иван взял фамилию жены, она у него была сету, поскольку эстонцам предоставлялись некоторые льготы.

Корни династии Федуловых были обширны. Мать Виктора Степановича, Александра Ивановна, родом из деревни Вашина Гора из семейства Ёлкина. У неё был двоюродный брат Пётр Тетюхин. Он жил в деревне Гнилкино, был портным, хорошо шил шубы. После войны купил дом в Задребье и переехал туда жить. Он участник войны с первых ее месяцев, служил в Эстонском корпусе. Воевал под Великими Луками, где потерял ногу. Вот как это произошло. «В декабре 1942 года началась ликвидация великолукской группировки врага, — рассказывал Тетюхин после войны Федулову, — немцы оказывали дьявольское сопротивление. Бои не смолкали ни днём, ни ночью. Гитлеровцы, как одержимые, наступали на наши позиции. Советские бойцы держали оборону на какой-то возвышенности. Огнём своего пулемёта прижимал врагов к земле, но они опять вскакивали и бежали, и вновь приходилось косить их. Немцы засекли мою точку,

и начался обстрел из миномёта. Мины взрывались с недолётом, перелётом». От сильного толчка взрывной волны у Тетюхина на время потемнело в глазах. Придя в себя, видит, что фрицы, обходя трупы своих солдат, опять по склону упорно двигаются на наши позиции. Петр в пылу азарта, ничего не чувствуя, вновь прильнул к пулемёту и начал поливать свинцом гитлеровских вояк. В какой-то момент он оглянулся, в стороне увидел валенок со своей оторванной ногой и потерял сознание.

Пётр Тетюхин очнулся в госпитале. От тяжёлого ранения лечился долго и уже в госпитале узнал, что город Великие Луки был окончательно освобождён 16 января 1943 года. Из семитысячного великолукского гарнизона вермахта в плен сдались около 600 офицеров и солдат, остальные были уничтожены в ходе боёв. По своему характеру Великолукская операция напоминала контр-наступательную операцию под Сталинградом, только в миниатюре, с той разницей, что гитлеровский генерал-фельдмаршал Паулюс капитулировал и сохранил жизнь сотням тысяч немецких солдат, в отличие от коменданта гитлеровского гарнизона города Великие Луки. Узнав всё это, Пётр Тетюхин с удовлетворением отметил, что не зря потерял ногу в сражении.

Семейство Федуловых родственными корнями связано с династией Берёзовых. У Берёзова Семёна Николаевича, 1889 года рождения, были дочь Вера и сын Яков. Вера Семёновна вышла замуж в деревню Вашина Гора за Ёлкина Ивана, а её дочь Александра вышла замуж в Лезги за Федулова Степана Никандровича. У Якова Семёновича ещё был сын Пётр, который был женат на сестре Виктора Степановича Федулова, их сын Виктор живёт в Таллине, недавно похоронил свою жену.

У Берёзова Аркадия Николаевича, 1899 года рождения, и его жены, Авдотьи, было четверо сыновей: Иван, Михаил, Дмитрий и Александр. Сыны Александр и Михаил остались жить в Лезгах, Дмитрий и Иван живут где-то в Эстонии. Братья Семён и Аркадий Берёзовы ещё в царское время при Столыпине переехали осваивать новые земли, образовав хутора под названием «Новины». Дорога на эти хутора начиналась перед скотной фермой, справа, поднималась в гору. Там жило пять хозяев. В одном доме уже в

советское время жила продавщица, которая ходила в Лезги торговать в магазине. Эта квартира ей была дана от колхоза. Теперь на этих хуторах никто не живёт, а территорию превращают в свалку.

У Александра Аркадьевича Берёзова, 1918 года рождения, и его жены Ольги Михайловны, 1922 года рождения, было четыре дочери: Зоя, Нина, Валентина и Антонина. У Александра Берёзова была первая жена Светлана, откуда-то из России, но она рано умерла. Нина живёт в Эстонии, Антонина в Печорах. Валентина вышла замуж за Александра Павлова из соседней деревни Заболотье. У неё сын и дочь. Муж Валентины, Александр, умер. Теперь вдова живёт в доме около бывшей колхозной МТФ.

В Лезгах было два богатых хозяйства, одно из них — это семья Боровковых. Они жили на хуторе, называемом «Фёдоровка». Он находился напротив скотного двора, ближе к деревне Заболотье. Семейство Боровковых в сороковые годы было раскулачено и вывезено в Сибирь. В его национализированном имении были обширные постройки, которые в колхозе «Заря коммунизма» были переоборудованы под скотные дворы.

Второй зажиточный хозяин жил в самих Лезгах, звали его Штенев Иван Иванович, 1894 года рождения. У него была жена Ольга Ларионовна, родившаяся в 1902 году. Оба они имели двухклассное образование, но это не мешало им жить состоятельно. В их семье было три дочери: Прасковья, Александра и Вера. Штенев Иван имел много земли, молотилку, веялку и другой инвентарь, и ко всему не в меру скупой, и это сыграет ему злую мину.

После войны был создан Лезговский сельский Совет, в котором первые годы работал «Петроградец», это, очевидно, прозвище, т. к. он прибыл из Ленинграда, а настоящая фамилия — Клименко Василий. Жил он в Лезгах, в конце деревни, с левой стороны за Лапиным Егором Ивановичем. Однажды ему по служебным делам необходимо было явиться в соседнюю деревню Заболотье. Вот «Петроградец» и пошёл к Ивану Штенову просить велосипед, чтобы поскорее оттуда вернуться. На что Штенев ответил: «Что у меня велосипед — колхозная телега?». И не дал. «Петроградец» это молча проглотил, но в душе затаил злобу: «Ну, я тебе это припомню!». И припомнил! Когда на следующий

год начался процесс раскулачивания богатых людей в сельском Совете, хозяйство Ивана Штенова было первым в списке репрессированных, семья отправлена в Сибирь. Другой случай о жадности Штенова рассказала Лидия Туксина (Загорская). У небогатых крестьян в деревне часто не хватало зерна даже на засев своих полей. Такое случилось однажды и с отцом Лидии Петровны, и он пошёл к Ивану просить в долг зерна до следующего урожая. Тот и Петру Туксину отказал. Такой был человек, за что его и не любили односельчане. А тем временем семья Ивана Штенова, отбыв срок, вернулась из ссылки. Купили дом в Печорах на улице Мира.

Попасть в список на выселку можно было не только из-за богатства, но даже за использование наёмной трудовой силы в своём личном хозяйстве. Таким кандидатом оказался Ушанов Иван, на которого указали, что у него во время уборочной страды видели чужих людей. И Ивану пришлось объясняться на сессии сельского Совета, что это не правда. Была создана комиссия (Протокол № 4 от 26.09.1948).

У Штенова Ивана Ивановича ещё было два брата, но в Лезгах становилось жить тесно, да и земли вокруг деревни не хватало, а при Эстонии приветствовалось переселение семей на хутора, им же ещё и земли выделялись. Вот этим и воспользовались Николай и Егор Штеновы. Заведя семьи, они переселились на хутора в район деревни Вашина Гора.

В деревне Лезги ещё была одна династическая ветвь Подгорских. Два брата семьями жили на хуторах за скотном двором, ближе к деревне Заболотье. Семьи Подгорских Михаила Андреевича и Василия Андреевича жили в домах, расположенных у подножия небольшой возвышенности. Очевидно, и фамилия была взята созвучно местоположению их хозяйств. Внизу находилась ложбина, на которой были выкопаны пруды, называемые мочилами, в которых крестьяне замачивали лён. Ранее по ложбине протекал ручей, и местность была заболоченной, до тех пор, пока при Эстонии не провели мелиорацию.

В семье Подгорского Василия Андреевича и его жены Анастасии Ивановны было 6 детей. Сыновья, Иван и Михаил, уехали

жить в Таллин, Варвара вышла замуж в Гверстонь, Анна — в Лесицко. Сын Алексей Васильевич остался доживать в старом родительском доме. Место, где он находился, называлось «Пожень». Этот дом позднее сгорел, когда в пятидесятых годах в Заболотье свершился большой пожар. Евдокия Васильевна вышла замуж в свою деревню за Туксина Николая Михайловича. Их дочь Нина Николаевна рассказала, что она ходила до четвёртого класса в Лезговскую школу и учила её Русакова Прасковья Ивановна. После окончания школьного образования она поступила в Печорское медицинское училище. Училась в нём год, потом его закрыли. Курсантов распределили по другим училищам Псковской области. Окончила учиться в 1973 году и работала в Печорах в лечебных заведениях. Была замужем за Колпаковым, в настоящее время живёт в Печорах на улице Гвардейской. Лидия Петровна Туксина (Загорская) является двоюродной сестрой Нины Николаевны Колпаковой (Туксиной).

Виктор из династии Подгорских был хорошим столяром: делал колёса, кадки и различную мебель. Ему во время оккупации гитлеровцами района пришлось скрываться. Прятался в лесных землянках, боялся, что немцы его заберут в армию вермахта.

Когда в августе 1944 года был освобождён Печорский край от немецко-фашистских захватчиков, Виктор Подгорский был призван в Красную армию и отправлен на Курляндский фронт. Вспоминал, о тяжёлых кровопролитных боях в конце войны, на участке, где была прижата к морю крупная группировка немецких сил, войска Красной армии удерживали их, а в то время соединения 1-го Белорусского фронта громили врага уже в его логове. Вернувшийся домой после Победы Виктор Подгорский не раз выпивал и откровенничал с отцом Виктора Федулова, который тоже воевал на этом фронте, и обоим братьям по оружию было что вспомнить. Подгорский рассказывал, как на его участке гибли советские бойцы, которых раз за разом поднимали в атаку под шквальным огнём противника. При нём была прислана рота, порядка 100 человек, и за три дня при переключке осталось всего 8 человек. Виктор Подгорский был награждён орденом Отечественной войны. После войны он не стал жить на хуторе, а

поселился с женой Верой в деревне Лезги. У них две дочери, одна, Нина, живёт в Старом Изборске. Вторая дочь, Надя, живёт в Лезгах в доме родителей.

В Лезгах ещё жили две семьи братьев Хомутовых. В семье у Георгия Васильевича, 1906 года рождения, с женой Александрой Григорьевной, родившейся в 1916 году, было 9 детей. Шесть сынов и три дочери. Но сыновья до настоящего времени не дожили. Один из них, Виктор, имел специальность сварщика. Когда произошла катастрофа на Чернобыльской АС, его из Печор по линии военкомата вместе с другими отправили на Украину устранять аварию. Работая в зоне радиоактивного заражения, Виктор Георгиевич получил сильную дозу облучения. Вернувшись домой в Лезги из командировки, стал болеть. Лечение не помогало, и он вскоре умер. Из дочерей осталось двое.

В семье второго брата, Михаила Васильевича, 1914 года рождения, и его жены, Александры Васильевны, 1912 года рождения, росли дочь Лена и двое сыновей-двойняшек: Михаил и Николай. Елена живёт в Таллине, а сыновья до настоящего времени не дожили, они умерли. Михаил Васильевич в колхозе «Маяк» работал конюхом, и когда я работал в Лезгах кинемехаником, дружил с его сыновьями, часто бывал в их семье, мне нравилось беседовать с их отцом. Он был хороший собеседник, много знал. Михаил Васильевич тоже участник войны. Его призвали в армию в 1944 году и, как многих из Печорского края, направили на Курляндский фронт. О кровопролитных боях последних месяцев войны можно было понять, слушая Михаила Хомутова. Воевал он стрелком-автоматчиком. Его подразделение, находящееся на передовой, не раз подымали в атаки, постоянно тревожа врага, который был «в котле» прижат к морю. Но, несмотря на это, гитлеровская группировка была хорошо вооружена и имела глубоко эшелонированную оборону. Перед их позициями местность заминирована и пристрелена, и все попытки наших частей их атаковать заканчивались большими потерями. «Бывало, сидим в траншее. Ждём команды, — вспоминал Михаил Васильевич, — наконец в небе вспыхивает ракета. Атака! Мы старики не спешим, а молоденькие солдатики, ещё неопытные, выскакивают из

окопа и тут же падают, сражённые пулемётным огнём врага». «Зачем были в конце войны эти потери?!», — сокрушался бывалый солдат. И он же пересказывал воспоминание старого знакомого, воина Первого Украинского фронта, что Германия уже капитулировала, а бои в Чехословакии ещё продолжались. В уличных боях за Бреслау наше командование бросало на немецкие пулемёты присланных курсантов военного училища. Зачем было посылать на гибель молодёжь! Можно было подавить эти огневые точки артиллерией. Такова была правда прошедшей войны!

Михаил Васильевич, пройдя войну, умер, на первый взгляд, от безобидного удаления зуба стоматологом. Это обычное лечение перешло в раковое заболевание. Дальнейшее лечение не приносило облегчения. Ему присвоили вторую группу инвалидности, спустя полгода перевели на первую, а болезнь продолжала прогрессировать. Правая щека омертвела, ничего не чувствовала. Жаль было смотреть на когда-то здорового, жизнерадостного человека и теперь понимающего, что его жизнь сочтена. Вскоре он умер, оставив хорошие воспоминания о себе как о добром лезговском воине, труженике.

Семейство Николаевых в деревне Лезги — наиболее яркое и, в то же время, трагичное. У Прасковьи Николаевой, 1890 года рождения и её мужа, Ивана Николаева, было двое сыновей: Павел, 1923 года рождения, и Алексей, родившийся в 1924 году. Когда в 1940 году Печорский край вошёл в состав Советского Союза, перед населением края в разных направлениях открылись широкие возможности. И Алексей Николаев воспользовался этим — поступил в Таллинское пехотное училище. У него было шестиклассное образование, полученное ещё при Эстонии, когда Печорский край входил в её состав, что позволяло учиться в военном училище. Перед началом войны с гитлеровской Германией пехотное училище из Таллина перевели в один из сибирских городов. После окончания учёбы курсанты в звании младший лейтенант были распределены по боевым частям фронтов. Алексей Иванович Николаев до конца войны командовал различными подразделениями, героически сражался, за что не раз награждался боевыми наградами. Среди них был орден Отечественной войны

I степени. За какие заслуги был награждён, никто не знал. Сам Алексей Иванович о своих наградах не любил хвастать. Уже после смерти отца, его сын Борис обратился в военный архив города Подольск с запросом, за что был награждён отец орденом. Пришёл ответ, что в 1944 году при освобождении острова Саарема в одном из боев старший лейтенант Николаев Алексей Иванович смело поднял своё подразделение и повёл в атаку. В рукопашной схватке лично уничтожил четыре гитлеровца. За этот самоотверженный поступок он был представлен к ордену Отечественной войны I степени.

Остаётся парадоксом то, что боевой офицер, прошедший горнило войны, видевший все ужасы этого страшного кровавого изобретения человечества, не озлобил сердце солдата. Придя с войны уже в звании капитана, дома не мог убить курицу. Головы курам рубила его жена. Это поведал в беседе сын, Борис Алексеевич, о своём отце. А когда подходило время в хозяйстве колоть свинью, так дома возникала вселенская трагедия. Вот таким был Алексей Иванович, человек которого уважали в деревне. Вместе с Соколовым Николаем он был первым у истоков создания в деревне Лезги колхоза «Заря коммунизма». Он не раз становился в Лезговском сельсовете членом различных советов. Но судьба была не благосклонна к его семье, и это отдельная тема.

Брата Алексея Ивановича, Павла, в пятидесятые года на гулянье в деревне во время драки зарезали. Этот бандитский метод, очевидно, перешёл от буржуазной Эстонии. Тогда на кирмашах (сельских гуляниях) часто происходили стычки, драки различных слоёв населения, и многие с собой носили ножи, финки и часто пускали их в дело. Со стороны эстонских властей был слабый контроль, да и за убийство человека давали небольшой срок, порядка пяти лет. Вот и «расцвела» поножовщина, которая продолжалась и после войны.

Младший сын Николаевых, Алексей Иванович, вернувшийся с войны, женился на Анне Егоровне, 1921 года рождения. У них в семье было два сына: Борис, родившийся в 1946 году, и Василий, 1948 года рождения. После школы Борис уехал учиться в Таллин, а брат Василий, окончив Лезговскую восьмилетку,

оставался до армии дома с родителями. В шестидесятые годы в деревнях ещё было много молодёжи, так что скучать не приходилось. Работали в колхозе, гуляли на кирмашах, ходили на танцы, в кино по деревенским клубам.

В то время я работал в Печорской райкинодирекции и показывал кино в лезговском клубе. Василий любил кино и не пропускал ни одного сеанса, и мы с ним хорошо познакомились. Нашлось много общих интересов. Он так же любил ловить рыбу, и мы вместе с Васей часто рыбачили на реке Обдех. Тогда в реке очень много водилось разной рыбы. Иногда вместе собирали грибы, которыми изобиловали леса в окрестностях деревни. Вскоре мы обзавелись мотоциклами, и нам пришлось вместе с Васей в Печорах учиться в ДОСААФе, чтобы получить права мотоциклиста. Он был молодой парнишка, на 8 лет младше меня, но это не помешало нам дружить. Вася в праздники приходил в гости к нам на Вашину Гору. Он был привлекательным, симпатичным пареньком, и девчата с ним охотно знакомились.

Наконец подошло время, когда родина призывала молодое поколение к служению Отечеству, и Вася получил повестку из Печорского райвоенкомата для призыва в армию. В деревнях в те годы каждая семья, из которой призывался рекрут, устраивала пышные проводы своего сына. Приглашалась на застолье вся деревенская молодёжь, друзья, родные, соседи. Колхоз выделял к назначенному времени машину. В кузов садились провожающие новобранца и вместе с ним отправлялись в Печоры. В военкомате на улице Гагарина прибывших для прохождения службы в Советской армии оформляли в свои команды. Их уже поджидал автобус. Перед посадкой наступали последние минуты прощания. Объятия, слёзы, пожелания хорошей службы и не забывать — почаще писать. Понимали все, что это же не на войну, но какое-то чувство тревоги всё равно оставалось. Армия и в мирное время всегда на передовой и в любую минуту, если надо будет, готова дать отпор врагу.

Мы с Васей постоянно вели переписку. Он писал, что служит в погранвойсках в Карелии на финской границе. Его подразделение на вертолёте иногда отправляли нести службу на отда-

ленный пикет, там кругом лес, болота и много озёр. Он писал: «Николай, что мы с тобой дома ловили рыбу. Половить бы тебе у нас. Здесь в озёрах щуки крючки у блесен ломают. Вот такие тут «колоды» водятся!». По всему — служил он хорошо. Было присвоено звание ефрейтор, как говорят, «лучший солдат», а на второй год службы ему дали отпуск домой на десять дней.

На фото — Василий Николаев.

Прибыв на побывку, Вася несколько раз встречался со мной и много рассказывал интересного, того, чего нельзя было писать в письмах. В частности, в то время на южных границах Советского Союза в районе острова Даманский было крайне напряжённая обстановка с КНР. Китайские военные, откровенно сказать, просто наглели, тайно переходили российскую границу, прятались где-то в кустах, поджидая, когда пройдёт советский наряд пограничников. Дождавшись, выскакивали и избивали наших солдат. На эту провокацию некоторые пограничники не выдерживали и открывали стрельбу. Но советское командование не хотело обострений с китайскими властями. Не дай Бог, ещё пристрелят китайского вояку, а это уже международный скандал, которого советское правительство крайне не хотело. Во избежание этого патроны к оружию стали выдавать только старшему пограничного наряда. Рядовые их не имели.

Китайские военные на Даманском всячески продолжали провоцировать советских пограничников, доходящих до оскорбления и издевательства над Советским государством. Однажды, видимо, по случаю дня рождения Мао Цзэдуна, китайцы напротив советской заставы установили огромный портрет своего «кормчего», и через мощные громкоговорители начали сквернословить в адрес русских пограничников и в злобе поносить советскую власть и её руководителей. Наши пограничники тогда нашли «дипломатический» способ ответить на хамство в прошлом

своих «братков». Они на простыне нарисовали голую ж... и полотнище с этим «портретом» растянули напротив портрета Мао. Китайские вояки, увидев это, посчитали, что их вождю оскорбительно взирать на голый зад русских и тут же убрали портрет Мао Цзэдуна и динамики выключили.

Тревожное положение на восточных рубежах нашей родины поднимало у молодёжи патриотические чувства к своим братьям по оружию. В последней беседе Вася признался мне, что, вернувшись в погранотряд, напишет вместе с другими однополчанами рапорт к своему командованию с просьбой отправить их на границу ближе к Даманскому острову. К сожалению, кто знал, что это будет моя с Васей последняя беседа.

В то время я учился заочно в Северо-Западном политехническом институте в городе Ленинграде, филиал его находился в Пскове на улице Льва Толстого. Вот тогда вечером на кафедре электротехники проводил лабораторные работы. Во время занятий входит в аудиторию кто-то из персонала и спрашивает: «Матвеев Николай здесь есть?». «Есть» — отозвался я. Он: «Вас к телефону». Без задней мысли взял трубку. На том конце провода представился мужчина: «Вас беспокоит КГБ. После занятий зайдите на Октябрьский, 50». Меня будто окатили холодной водой! «Что я натворил? — вертелось в голове, — такие не шутят». Уже было не до учёбы. Поскорее закончив свою работу, с волнением поспешил на указанный адрес. Меня за дверью встретил солдатик с красными погонами и указал на кабинет: «Вас там ждут». В кабинете ко мне подошёл в гражданской одежде худощавый мужчина средних лет. Он представился Коноваловым и сразу же задал вопрос: «У вас был друг Николаев Василий?». «Почему был? — ответил я, — он у меня есть». «К сожалению, его не стало, — услышал я в ответ. — Он с напарником ушёл в лес на охоту и не вернулся. Напарник его пришёл в часть один. Садитесь и расскажите все, что вы знаете о своём друге». «Вы не были ещё судимы?», — добавил чекист. «Нет!», — ответил я. «Тогда можете стать, если что-нибудь от нас скроете», — с таким вступлением начал допрос. Он длился больше двух часов, начиная от родословной, до наших дней. Кто родители, родственники. Где нахо-

дились во время немецкой оккупации, как попали в Печорский район. Записал адреса девочек, с кем Вася дружил и попросил отдать письма от Николаева, которые он присылал мне из армии. На этом допрос был закончен. На прощание предупредил, что если будет что-то известно, нужно обязательно сообщить.

Поражали органы КГБ, с какой пронизательностью они собирают нужные им материалы. Их сотрудники первым делом приехали в Лезги к Николаевым, родителям Васи, которые сразу же указали на меня, т. к. со мной их сын дружил. В этот же день приехали в деревню Вашина Гора, и кто-то из селян им указал, где живёт Матвеев с матерью. Их предупредили, что хозяйка где-то пасёт коз. Это не смутило чекистов, они и в лесу нашли мою мать. Она-то и сказала, что её сын в Пскове заочно учится в институте. Этого им было достаточно, чтобы найти меня. На второй день после допроса особисты приехали ко мне в деревню за письмами и основательно побеседовали с названными мною Васиными подружками. Письма мне не вернули.

Что случилось в карельской лесной глухомани с Николаевым Василием, до сего времени остаётся тайной. Его напарник, с кем он ходил в лес, всё отрицал и твердил, что ничего не знает. Отец Васи, Алексей Николаев, сам ездил в Карелию в часть, где служил его сын. Разговаривал с командирами, ему сделали очную встречу с тем солдатом, с которым он ушёл вместе с Васей в лес на охоту. Алексей Николаев уже потом рассказывал обо всём мне. «Когда привели его ко мне, он сел на табуретку напротив, опустил голову и, не поднимая её, так и сидел всё время, повторяя одно и то же: «Я ничего не видел и ничего не знаю». И трясутся руками курил папиросу за папиросой. Офицеры рассказывали Николаеву, что вся местность была прочёсана солдатами. Их ставили цепью на расстоянии два метра друг от друга и таким строем прочёсывали леса, заросли, болота, но ничего подозрительного не обнаружили. Солдаты находили такие мелочи, потерянные ранее другими, как пуговицы, ручки, расчёски, но никаких следов гибели человека. Исчез — как испарился! В мирное время, как в войне, пропал без вести. По этому поводу в Лезгах много бытовало кривотолков, даже говорили, что из-за неприязни

к Николаеву его застрелил сослуживец, а тело утопил в какой-то бездонной трясине. Кто знает? Думается, что следователи сумели бы выбить у него признание, и он указал бы место «захоронения» своего сослуживца, и тогда тело было бы передано родителям. Но этого не произошло и теперь остаётся только молиться за пропавшего воина.

В Лезгах семья Звукова Ивана Васильевича тоже была в числе многодетных. Сам он был 1915 года рождения с 3-классным образованием. Его жена, Анна Васильевна, на два года постарше и на один класс образованнее мужа. У них в семье было 8 детей. Шесть сыновей и две дочери. У Василия жена была из Сохи. Жена Николая была из Задрёбья, они жили в деревне Сенно в колхозном доме. В каком-то гневе жена его убила топором. Михаил женился на девушке из Зимнего Борка. Он там и жил. У него есть сын Владик. Пётр жил в Таллине, у него была окончена мореходная школа, он разбился на автомобиле. Дочь Зина вышла в свою деревню за Назимова Николая. В настоящее время из семьи Звуковых никого не осталось в живых.

Семья Савиной Анны Михайловны также относилась к многодетной. У неё было семь детей. Если старший сын, Иван, родился в 1927 году, то последняя дочь, Антонина, родилась 1944 году. Сама Анна Михайловна в колхозе работала дояркой. Мужа у неё уже в 1950 году не было.

Русаков Степан Петрович из «пришлых», так называли тех, кто селился в деревне из других мест. Степан Петрович был родом из деревни Чернышёво, расположенной где-то около Нового Изборска. Он участник Гражданской войны, воевал в рядах Красной армии. Был награждён первой утверждённой наградой Советской властью — орденом Красного Знамени. На войне был контужен, и всю жизнь это о себе давала знать.

В Лезгах Степан Петрович женился на девушке из семьи Федуловых, Анне Фёдоровне, 1900 года рождения, она была на два года моложе мужа. В 1925 году у них родился сын Володя, а в 1927 году дочь Нина. После ВОВ сын Владимир Степанович женился на Прасковье Ивановне, которая преподавала в Лезговской начальной школе. У них родилась дочь Ирина, которая вышла за-

муж за Королёва. В настоящее время они живут в Печорах.

Семейство Туксиных в Лезгах так же имеет расширенную династию. В семье Туксина Петра Михайловича и его жены было четверо детей. Три сына: Павел, 1933 года рождения, Михаил, 1935 года рождения, Анатолий, 1937 года рождения и дочь Лидия, 1942 года рождения. Самый старший сын, Павел, родился одарённым. Он прекрасно рисовал. Вернувшись из армии, Павел Петрович стал работать художником в районном ДК в Печорах. Потом уехал в Таллин и там женился. Работал в порту художником. Его жена Мария была из Белоруссии. Когда она заболела тяжёлой болезнью и слегла, то Павел больше года ухаживал за ней. Когда она была отправлена в больницу, Павел скоропостижно умер. Похороны организовали соседи. Труп его в морге кремировали, и урна с его прахом находилась там же. Работники морга не могли найти родственников. Одна знакомая Лидии Туксиной в морге прочитала табличку на урне: «Туксин Павел Петрович» и сообщила ей о смерти брата. Лидия Петровна поехала в Таллин и привезла эту урну. Похоронили на родовом захоронении Печорского кладбища. Вскоре после этого умерла и жена Павла, Мария.

Второй сын Туксиных, Михаил, жил в Лезгах, работал в колхозе трактористом. Прекрасно играл на баяне и в клубе руководил художественной самодеятельностью. Самым младшим был Анатолий. Он окончил в Ленинграде училище и работал в Тарту на железной дороге электриком. Часто ездил по различным командировкам. Умер от рака лёгких. Был женат, у него сын и квартира в Тарту.

У Петра Туксина родной брат Михаил с семьёй жил на хуторе с левой стороны от дороги, за ручьём, напротив скотного двора.

Его сын, Николай, женился на Евдокии Полянской. Свадьбу играли на этом хуторе. «Мы туда ездили», — вспоминала Лидия. Его вскоре призвали в армию. После войны не хватало мужской силы в горнодобывающей и другой тяжёлой промышленности. Поэтому многих новобранцев направляли не в вооружённые силы, а на трудовой фронт. Николай Михайлович был направлен на Урал в шахты. Работал там четыре года. Когда приезжал в отпуск, он приходи в деревню к своему крёстному — Петру Туксину и каж-

дый раз приносил конфеты, а Лиде давал сторублёвки, когда три, когда четыре. Денег у него было много, шахтёрам платили хорошо, а Лиду по-особенному любил. Может, из-за того, что она была одна среди трёх братьев. Об этом рассказала Лидия Петровна Загорская (Туксина). Папа Лидии был крестным отцом Николая.

Вернувшись с Урала, он стал жить в родительском доме. Работая на шахте, Николай Михайлович заболел профессиональной болезнью, которой болеют горняки. Болезнь не поддавалась лечению, прогрессировала, поэтому жил он не долго. В 1965 году жена Николая, Евдокия Васильевна, вместе с дочерью Ниной из Лезгов переехали в Печоры и поселились на Пачковке в доме, где находился Печорский сельсовет.

Рядом с Михаилом Туксиным через ручей жил другой брат, Тимофей. У него были дети. Старшая дочь жила в Таллине. В настоящее время внучка Вера работает на проходной предприятия «Еврокерамика». Был ещё сын Иван. Его вместе с другими во время войны немцы угнали в Латвию как рабочую силу. Ему было тогда лет 12–14. Ему повезло, он попал в хорошую латышскую семью. После войны Иван приезжал на родину. Нашёл меня в Печорах, побывал у Нины Колпаковой (Подгорской), он двоюродный её брат. «Еще раньше, когда я ещё ходила в школу, Иван в Богородицу приезжал в Лезги, и я встречалась с ним. Он тогда показал латышский паспорт, и я своими глазами видела запись: Туксин Янис Александрович. Янис — по-латышски Иван. Почему он так назвался, не знаю», — поделилась воспоминаниями Лидия Петровна. Позднее Иван со своей семьёй из Латвии переехал в город Пушкин, под Ленинград.

В Лезгах после войны проживало три семьи одного отца Николая, его сыновья взяли фамилию — Берёзовы. Старший Семён, 1889 года рождения, был неграмотным, жил с сыном Яковом, невесткой Еленой и маленьким внуком Петей, родившимся в 1950 году. В семье Ивана Николаевича Берёзова, 1906 года рождения, и его жены Надежды были дети: дочь Оля и сын Иван.

У среднего сына, Аркадия Николаевича, 1895 года рождения, его жены Авдотьи, 1897 года рождения, было четыре сына. Иван, Михаил и Дмитрий жили с родителями. Старший сын, Александр,

1918 года рождения, был женат на Ольге Михайловне, родившейся в 1922 году. Они жили отдельным хозяйством и имели четыре дочери: Зою, Нину, Валентину и Антонину. Валентина Александровна, 1951 года рождения, замуж вышла в деревню Заболотье за Павлова Александра. После свадьбы уехали жить в Эстонию. Прожив там 20 лет, они вновь вернулись на родину в Лезги. Приобрели домик около бывшей колхозной МТФ. Имеют двух дочерей.

Антонина Александровна Берёзова, родилась в 1953 году. Первым её мужем был Калью Сюваорг, прижила сына и развелась. Второй раз вышла замуж, имеет дочь от второго брака. Купила дом в Лезгах от Голубевых и в настоящее время с мужем живёт в своей родной деревне.

Семья Голубева Михаила Константиновича, 1877 года рождения. В пятидесятые годы он жил уже без жены. У него были дети: две дочери, Варвара и Матрёна, и сын, Николай. Вначале они жили на хуторе, но по указанию Никиты Хрущёва семьи из хуторов должны были переселяться в деревни. Таким семьям государство выделяло лес для строительства построек. Многие тогда этим воспользовались, в том числе и Голубевы. Они переехали с хутора в деревню Лезги, построив там дом.

Сын Михаила Голубева, Николай, родился в 1921 году. Вернувшись с войны, он женился на Александре Михайловне, 1924 года рождения. В 1947 году у них появилась дочь Нина, за ней в 1950 году вторая дочь, Вера, и последним был сын, Анатолий. Вера Николаевна после окончания Лезговской восьмилетней школы поступила в Пскове в кулинарное училище. Окончив его с дипломом повара-кондитера, первое время работала в Печорах в общепите. Потом даже была заведующей магазином в райпо. В настоящее время живёт в Печорах.

Сам Николай Михайлович воевал на войне, стал коммунистом. В родной деревне был активистом, занимал руководящие посты в Лезговском сельсовете, принимал активное участие в создании в Лезгах колхоза и активно в нём работал на различных руководящих постах. Когда Советского Союза не стало, Николай Михайлович с женой из Лезгов переехал в деревню Уланово, недалеко от Лазарева.

Ещё в Лезгах жила интересная семья Будочниковой Пелагеи Михайловны, она родилась в 1898 году и была из рода Лапиных. Её мужем был Левин Василий Васильевич, 1903 года рождения. Они поженились ещё при Эстонии. Как-то пошли в болото собирать клюкву и там по какому-то поводу разругались меж собой и, осерчав, Василий Левин сгоряча ушёл жить в будку, которая находилась около железнодорожного полустанка Вило. С 1921 года в Эстонии стали давать новые фамилии крестьянам, какие они хотели сами, но только не именные. Вот тогда Василий дал жене фамилию Будочникова, по месту, где он жил — в будке. Такую же фамилию дали и дочери Марии, когда она родилась в 1938 году. Её родители были почти неграмотными. Мать была малограмотной, а отец не имел вообще никакого образования.

Но зато дочь их выросла, получила образование в Лезговской школе и потом работала в колхозе, а по выходным дням ходила на танцы в Печорский ДК, там и познакомилась с солдатиком по фамилии Полянский, и вскоре они поженились. Он был родом из Ульяновска. Дом в Лезгах у неё был плохой, и пришлось его перестраивать. За время супружества они вырастили троих дочерей и одного сына. Бедность семьи Марии Будочниковой приучила её с молодых лет зарабатывать на всём, на чём можно было, живя в деревне, а это, в основном, дары природы: грибы, ягоды и прочее. Это занятие она сохранила на всю жизнь. Уже живя в благоустроенной квартире в Печорах на улице Индустриальной, заработанной своим трудом, и уже находясь на пенсии, она постоянно посещала свои урочища, которые хорошо знала с молодых лет, в сезон ягод и грибов. Летом и осенью её часто можно было видеть на рынке с дарами леса, которые она продавала. Теперь Мария Васильевна никуда не ходит — не пускают дети. Берегут мать.

Деревня Лезги большая была, много разных людей в ней жило. Например, Локунова Мария, 1883 года рождения, неграмотная. В 50-е годы у неё уже не было мужа, жила с дочерью Екатериной и зятем Кикут Рудольфом Алексеевичем. Они трудились в колхозе. Их сын, Василий, за хорошую работу на тереблении льна отмечался даже в районной газете «Печорская правда».

Как и во всех деревнях, население в Лезгах жило своей общиной. Работали, гуляли, влюблялись, заводили семьи, растили детей, ходили в храмы молиться. В Лезгах, в южной части деревни, тоже была своя часовня, построенная из дерева ещё в XIX веке. Она пережила все революции, войны. Старожилы помнят её ещё после последней войны, но никто руку ей не подал. Часовня так и сгнила.

А ведь в деревне отмечались два престольных праздника. Один летом — Заговены, пред Петровым постом, а второй осенью, 11 ноября — Анастасия. Если в Заговены в Лезгах шумно праздновали, и в деревне проводился «кирмаш», и народ из окрестных мест в этот день заполнял всю деревню от края и до края, так выражались местные жители. Зато глубокой осенью, в Анастасию, было тихо в деревне, и только ярко светящиеся окна вечерами в домах напоминали о праздничных застольях хозяев с гостями.

Хозяйственную деятельность крестьяне в Лезгах вели своим трудом, были свои плотники, столяры, кузнецы, портные. Зерно мололи на мельницах, установленных на реке Обдех. Одна мельница Рудина, вторая Васина, ещё была Микушина, но она во время войны сгорела. Большое место в деревне — вода. Колодцев в деревне было мало из-за глубокого залегания водоносного слоя. Питьевую воду крестьяне брали из родникового источника, находящегося в низине на почтительном расстоянии. Вот и шли люди мимо клуба под горку, зимой и летом, на родник с вёдрами в руках и на коромыслах.

Ещё в советское время пытались наладить водоснабжение для жителей в деревне. На фото: внизу был родник, а слева стоял Лезговский сельский клуб.

Неоднократно на сессиях Печорского сельсовета поднимался вопрос о бурении скважины в Лезгах для установок водозаборных колонок, но, как всегда, не могли найти на это денег, так и тянули эту волюнку, пока не развалилось государство. И только когда в деревне появились «новые лезговские» — состоятельные люди, такие, как лётчики Михаил и Александр Тумановы. Они организовали бурение скважины, установили водоразборную башню.

В Лезгах появилась вода, правда, местные жители говорят, что вода плохая, в пищу не годится, только для технических нужд. Кто может, бурят свои скважины, так Виктор Степанович Федулов нанял специалистов, и ему около дома пробурили скважину глубиной 40 метров, установили глубинный насос. С водой у хозяйки проблем не стало.

Деревня Лезги возникла на землях, помнящих следы первобытных людей, оставивших многочисленные захоронения в окрестностях деревни. Деревня пережила эпохи различных государственных структур и катаклизмов, как героических, так и трагических. Во все времена лезговские крестьяне-труженики, работая на земле, до последнего были верны ей, пока не произошёл слом социалистического строя в России. Теперь земля-кормилица возле деревни оставлена сиротливо зарастать мелколесьем. Итог печальный.

На сегодня в Лезгах осталось всего две семьи аборигенов, состоящих из двух человек — муж и жена, и пяти одиночек. После них от прошлой деревни останется одно название с «новыми лезговскими». Сейчас Лезги приглянулись лётчикам, и здесь уже проживают три семьи пилотов. Тумановы, Михаил и Александр, один лётчик, другой вертолётчик. Михаил Туманов года два назад умер, в доме живёт его жена вместе с сестрой, которая приехала из Москвы. Рябов Сергей управлял солидными самолётами, серии ТУ. В Лезгах построил дом и постоянно в нём живёт вместе с женой. Его сын живёт в Питере и приезжает к родителям. Алексеев Сергей летал на транспортной авиации, у него свой дом в Лезгах и шикарная баня, но постоянно в деревне не живёт, у него

частная собственность в Питере и даже за границей. Чапыгин Александр — бортмеханик гражданской авиации, живёт в Печорах. Лезги изредка посещает, в основном, летом. Если раньше деревня была названа «Козаревы Лезги», то ныне можно назвать деревню «Авиаторов Лезги».

После ликвидации колхоза в 90-е годы часть земель перед деревней скупили предприниматели. Это Соловьёв Николай Васильевич, ранее работавший в колхозе «Маяк» руководителем, и Сотников — житель Печор. Дочь Соловьёва вышла замуж за Игнатъева Игоря, а позднее уже внучка Николая Васильевича купила земли от Сотникова и построила дом перед деревней на своём уже поле и живет здесь. Она замужем и у неё пятилетний сынок Коля. А те земли к лесу, что справа от старой дороги, которая проходила через поле в деревню, принадлежат Соловьёву Михаилу, сыну Николая Васильевича. Ещё в деревне живут три семьи предпринимателей, но они не работают на земле. Вот ныне и весь состав жителей деревни Лезги.

Недавно в деревне произошло знаковое событие. Силами общественности, в лице Туманова Александра, при поддержке Главы Печорского района Сергея Николаевича Тарасика, в Лезгах было установлено семь фонарей для уличного освещения. Туманов Александр является как бы старшим в деревне.

Сын Сергея Рябова выложил в интернет в своей интерпретации «карту деревни Лезги». От автобусной остановки дорогу в деревню назвал «Псковским проспектом». А почему не «Лезговским»? В 90-е годы после распада Советского Союза начали срочно строить дорогу, названную в народе «политической», позволяющую соединение Обозерского края с материком. На время строительства прямого участка дороги, проходящей через глубокую впадину, был устроен временный объезд через деревню Лезги мимо Николаевых и деревни Сорокино. Для этого центральная улица была заасфальтирована, и в центре деревни установлена автобусная остановка. После завершения строительных работ на дороге Печоры — Кулье автобусную остановку из деревни перенесли на магистраль.

На «карте Рябова» указана улица, которая от «проспекта» сворачивает вправо около домов Коломенских, Хомутовых. Идущая в часовенный край и спускающаяся вниз к школе названа «Подгорной». А вот конец «проспекта», заканчивающийся около дома Агафонова и спускающийся вниз к речке Обдѣх назван улицей «Лесной».

В Лезгах почтового отделения не стало, люди живут, как в каменном веке, но только с электронной почтой, правда, с неустойчивой связью. Сообщение с районным центром и областью возможно только на колёсах, у кого есть машины, а у кого нет, к вашим услугам через 500 метров автобусная остановка, и езжайте, куда хотите. Магазин тоже на колёсах. Два раза в неделю приезжает автолавка. Живи и радуйся! Цивилизация!

Вот только нерадостно становится, когда приезжаешь в Лезги и идёшь по безлюдной улице, как по кладбищу, только вместо могил и крестов по обе стороны улицы — заросли заброшенных, когда-то жилых, усадеб с остатками гнилых заборов и почерневших домов с проваливающимися крышами. И от всего этого возникает мысль, что почти всем деревням свойственна идея регресса, то есть движение вниз — от некоего золотого времени в прошлом к грустному настоящему и ещё более печальному будущему.

Ротово

(Из книги «Setumaa: maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus \ Digar» — «Сетумаа: научное, коммерческое и историческое описание / ред. Таммеркани, Эдг. Кант, Й. В. Вески.

Тарту. Эстонское Литературное Общество, 1928».

Перевод текста «Ротово» с эстонского Е. Айда)

1. ПОЛОЖЕНИЕ

Волость Ротово образует южную часть Сетумаа, Вырумаа между приходом Вастселийна и Латвией, ограниченную со стороны Сетумаа волостями Меримяэ, Вило и Ирбоска (Изборск). Географические координаты сельского посёлка Лаура (Лавры), находящегося почти в центре основной волостной группы и на пересечении шоссе, находятся по Гринвичу 57°34'35" северной широты и 27°28'40" восточной долготы. В волостную группу входят волости Ротово и Лавры, входящие в состав 1-го отделения уездной полиции и 2-го отделения мирового судьи. Евангелический лютеранский приход Лавры относится к пробству Выру. (**пробство — структурная единица прихода, объединяет несколько приходов*)

2. ЧИСЛЕННОСТЬ

Площадь на 1-верстовой карте составляет 305,7 км², из которых площадь воды составляет 0,5 км² или 0,2 %. Наибольшая длина с запада на юго-запад и до северо-востока (Стуколово — Вруда) 25 км, наибольшая ширина с северо-запада на юго-запад (Русский Бор — Бруниши) 19 км. В волостную группу входят Лавры (131 км²) и Ротово (174,7 км²).

Численность населения (по данным народной переписи 28.12.1922 года, за исключением, позже переданной Латвии в южной части волости Лауры): в волости Лавры — эстонцев 356 (197 мужчин, 159 женщин), сету 1 (м), русских 3155 (1460 м, 1695 ж), всего 3512 (1658 м, 1854 ж); в волости Ротово — эстонцев 336 (167 мужчин, 169 женщин), сету 12 (6 м, 6 ж), русских 3602 (1739 м, 1863 ж), других 842 (400 м, 442 ж), всего 4792 (2312 м, 2480 ж), всего в обоих волостях эстонцев 692 (364 мужчин,

328 женщин), сету 13 (7 м, 6 ж), русских 6757 (3199 м, 3558 ж), других 842 (400 м, 442 ж), всего 8304 (3970 м, 4334 ж). Плотность населения на км² — на всей площади 27,2, на сельскохозяйственной земле 48,6.

Деревень 138: из них в волости Лавры 56 — Arolihhina (Аполихино), Verikovo (Бериково), Bobrenki (Бобренки), Bobrova (Боброво), Borissova (Борисово, к юго-востоку от д. Усадище), Botvina (Ботвино), Bruniši (Бруниши, ныне Брунишево), Durkova (Дурково), Fedossõ (Федосы), Gagulina (Гагулино), Goruška (Горушка), Griбуši (Грибуши), Hrebtõ (Хребты), Kendiši (Кендиши), Kostomare (Костомары), Krassikova (Красиково), Kukšina (Кукшино), Kustovka (Кустовка), Kõrgesilla (Высокий мост), Laura (Лавры), Lidva 2 (оно же Новожила, ныне Лидва-2), Lomištše (Ломище), Lübjatova (Любятово), Mednikova (по-видимому, ошибка составителей и поразумевается д. Медведково), Mildina (Мильдино), Nikolskaja (ныне д. Ключище), Nikoššina (Никольщина), Orlamski (Орламское, позже д. Баскаково), Osmiņova (Осминово, Осмино), Pankova (Панково), Papuši (Папушево), Podgorje (Подгорье), Põlgina (Põlgina-Šumilova) (Пыльгино-Шумилово), Ramšina (Ромшино), Sahnareva (Захарьево), Samošje (Замошье), Samošje-Borissova (Замошье-Борисово), Šelehova (Шелехово), Šemeritsa (Шемерицы), Skatški (Скачки), Smoljanki (Смолянка), Sohina (Сохино), Sprehtitši (Спрехтичи), Stalbova (Столбово), Stehņnova (Стехново), Stukolova (Стуколово), Šumrjaninova (Шумряниново), Suure-Kikuti (Большие Кикуты), Terehova (Терехово), Tšuhņova (Чухово), Ussadištše (Усадище), Võrvina (Вырвино), Võstavki (Выставка), Väike-Kikuti (Малые Кикуты); в волости Ротово 82 деревни — Bakis (хут. к востоку от д. Луги), Barsutšja Jama (Барсучья яма), Bobrõ (Бобры), Bogomolova (Богомолово), Buhholova (Бухолово), Detjatina (Детятино), Drosdova (Дроздово), Dätlova (Дятлово), Frolkina (Фролкино), Gora (Гора), Gorbova (Горбово), Gorbunova (Горбуново), Gorontšarova (Горончарово), Govžina (Говзино), Greveli (Гревели), Jankina (Янкино), Kadina (вероятно, речь о д. Жабино), Каркова (Капково), Kašina (Кашино), Klesina (Клезено), Korsakova (Корсаково, часть д. Ротово на лев. берегу р. Вруда), Kosina (Козино), Kostigovo (Костигово), Krivikovo

(Кривиково), Ladenniki (Ладенники), Lapkova (Лабково), Lapteva (Лаптево), Leonova (Леоново), Lidva 1 (Лидва-1), Litšnikova (Личниково), Litvinova (Литвиново), Labande (Лобаны), Lugi (Луги), Ledinki (Лединки), Lübrõ (Любры), Madolova (Мадолово), Mačarova (Макарово), Mihhejevka (Михеенки), Molgina (Мальгино), Moona (Русский Бор), Mustiši (Мустишево), Natalkina (Наталкино), Novõje-Šumki (Новые Шумки), Pataševa (Паташево), Peñjeva (Пеньево), Piševa (Пишево), Prädlova (Прядлово), Puriki (Пурики), Pusova (хут. Пусова), Rogosina-Gora (Рогозина Гора), Saikova (Зайково), Šementjaeva (Семендяево), Silla (Мосток), Šilova (Шилово), Slisujeva (Слизуево), Sokolova (Соколово), Staiki (Стайки), Šubenki (Шубенки), Šumilkina (Шумилкино), Šumilova (Шумилово), Šumilova-Retški (Шумилово-Речки), Šumki (Шумки), Suure-Korla (Большая Корла, к северо-западу от д. Горланово), Suure-Mihhalkina (Большое Михалкино), Suure-Svetõ (Большие Швецы, в наст. время территория д. Лидва-1), Tarantajeva (Тарантаево), Tetereva (Тетеревок северо-востоку от Бобровского оз.), Tetereva (Тетерево, к северу от д. Лавры), Ttšernõševa (Чернышево, ныне д. Шумки), Turavina (Туравино), Täkova (Тяково), Uue-Litvinova (Новое-Литвиново), Uue-Petseri (Новые Петсеры), Vereleva (Верелево), Vesselkina (Веселкино), Volkova (Волково), Väike-Mihhalkina (Малое Михалкино), Väike-Staiki (Маленькие Стайки), Žaltsana (Желчаны), Želesova (Железово). Усадьбы и пустоши — 4: Mitroski (Митроски, также Дмитриевское), Корсаково (часть Ротово), Лавры и Шилово.

Хуторов (по данным сельскохозяйственной переписи 1925 года) **1417**, из них от 0,5 до 5га — 294, 5–10 га — 442, 10–20 га — 463, 20–30 га — 136, 30–60 га — 79, 60–120 га — 2, больше 120 га — 1. Купленных хуторов 404, хуторов в аренду на земле купленных хуторов 34, хуторов душевого надела 504, размежёванных хуторов из душевого надела 475. Из земельных участков есть поля и сады 9208,3 га (41 %), сенокосы 3634,9 га (16,2 %), пастбища 4248,3 га (18,9 %), леса 2327,9 га (10,4 %), другие земли 3022 га (13,5 %), всего 22441,4 га, кроме этого в сельском хозяйстве неиспользованные государственные леса и болота (примерно 8000 га). Посевная площадь в 1925 году со-

ставляла — озимой и яровой ржи 1261,7 га, озимой пшеницы 7,6 га, яровой пшеницы 54,8 га, гречихи, гороха, бобов, чечевицы 23,2 га, ячменя 1214,7 га, овёс 1320,5 га, смесь 11,2 га, полевое сено 1870,3 га, картофеля 462,3 га, кормовые корнеплоды 5,7 га, лён 873 га. Средний урожай кг с гектара в 1926 году (в скобках указан урожай в 1925 году): озимая и яровая рожь 631 (836), озимая пшеница 480 (964), яровая пшеница 1058 (1079), гречиха, горох, бобы, чечевица 882 (787), ячмень 831 (1106), овёс 747 (987), смесь 884 (899), картофель 12 200 (6360), кормовые корнеплоды 11 761 (21 475), семена льна 247 (162), льняное волокно 216 (313), полевые травы 1700 (2664), луговое сено 1323 (1304).

Домашних животных в 1925 году — лошадей 1467, из них 3 года и старше 1310, рогатого скота 4539, из них коров 3438, овец 4988, свиней 1737. В 1925 году было 251 ульев. Паровых молотилок 15.

Промышленные предприятия: завод сельскохозяйственных инструментов в Шумилово, лесопилка и мукомольная мельница, шерстяная промышленность Й. Хорн (J. Horn), 4 лесопилки-мукомольных мельницы; кожевенная промышленность А. Круминг (A. Kruming), волость Лавры; 2 молочных предприятия (Лабково и Паташево); водяных, паровых и механических мельниц 8.

Магазинов и других торговых предприятий 31: в волости Лавры 20 (кредитное общество, 3 чайных дома и буфета, 1 магазин водки и спиртных напитков, 1 аптека, 1 торговля часовщика, 3 магазина смешанных товаров, 10 разных магазинов), в волости Ротово 11 (1 кредитно-сберегательное общество, 1 буфет, 9 магазинов смешанных товаров).

Ярмарочных дней в году 38: каждого 5-го числа в волости Ротово, каждого 10-го и 25-го числа в поселке Лавры, 11 ноября в волости Лауры деревне Столбово, 29 ноября в волости Ротово.

Народных начальных школ (в 1925/1926 годах) 11, всего 51 классов, 24 учителя и 721 учеником. В волости Лавры: Дурково — в школе 8 классов, 2 учителя, 65 учеников; Лавры I русская — в школе 6 классов, 5 учителей, 154 ученика; Лавры II латышская — в школе 6 классов, 3 учителя, 75 учеников; Мильдино — в школе 4 класса, 2 учителя, 53 ученика; в волости Ротово: Грече-

ли — в школе 3 класса, 2 учителя, 56 учеников; Литвиново — в школе 4 класса, 2 учителя, 72 ученика; Луги — в школе 4 класса, 1 учитель, 24 ученика; Ротово эстонское отделение — в школе 4 класса, 1 учитель, 17 учеников; Ротово русское отделение — в школе 4 класса, 2 учителя, 83 ученика; школа в Sõretski (назв. местности) — 4 класса, 2 учителя, 72 ученика; Веселкино — в школе 4 класса, 2 учителя, 50 учеников.

Иллюстрация 114. Частная общеобразовательная гимназия в посёлке Лавры. Фото: Праам

Средние школы 1: частная общеобразовательная гимназия в Лавры, основанная в 1920 году — 4 класса, 8 учителей, 44 ученика.

Народных библиотек 4: общество в Лавры «Образование и Культура», также при II начальной школе в д. Лавры, при латышской школе в Ротово и школе Веселкино.

Обществ и объединений 17: образовательных обществ 2 (общество в Лавры «Образование и Культура», Общество народного образования в д. Лавры), 2 добровольных общества пожарных (Лавры, Ротово), 2 общества земледельцев (Ротово, Ротово-Лавры), 2 общества земледельцев (Лавры, Ротово), 2 потребительских общества (Лавры, Шумилово), 2 кредитных и сберегательных общества (Лавры-Шемерицы, Ротово), 2 молочных

общества (Высокий Мост, Лабково), 3 других экономических общества (общество держателей мельницы в Лавры, общество контроля в Личниково, общество садоводства и пчеловодства в Шумилово «Звезда».

Врачей — 1 (участковый врач в д. Лавры), ветеринаров — 1, участковый врач в д. Лавры, 1 аптека в д. Лавры, 1 почтовая контора в д. Лавры, 1 почтовое отделение в волостном доме Ротово. Железной дороги в волости нет, шоссе 105 км, из них 1-го ранга 28 км и 2-го ранга 77 км. Таким образом, на 100 км² приходится 9,2 км дорог 1-го ранга и 25,2 км дорог 2-го ранга.

На выборах в Рийгикогу в 1926 году голосов получили русские — народные списки 1422 (54,4 %), земледельческие собрания 635 (24,3 %), рабочая партия 184 (7 %), поселенцы, арендаторы и мелкие земледельцы 176 (6,7 %), социалисты 78 (3 %), Народная партия 71 (2,7 %), Христианская народная партия 20 (0,8 %), Немецко-Балтийская партия 17 (0,7 %), рабочие 7 (0,03 %), домовладельцы 4 (0,1 %), национальные либералы 1.

3. ПРИРОДА

Строение форм рельефа. Волостная группа Ротово является переходным участком от восточного склона возвышенности Хаанья к равнинной песчаной болотистой и лесной низменности Кудеб — Евсти, которая занимает юго-восточную часть Сетумаа. Соответственно, мы видим общее понижение земли в восточном направлении и в одном из них уплощение рельефа. Помимо восточно-направленного понижения, земля также понижается и сплющивается к югу, хотя и не в такой степени. Таким образом, самые высокие и неровные места волостной группы находятся на северо-западе, в северной и западной половине волости Ротово. Здесь густыми группами раскинулись высокие, резко поднимающиеся купола округлой или расплывчатой формы, верх многих из которых поднимается почти на 200 м над уровнем моря. Выше 200 м возвышается всего около десятка возвышенностей, самые высокие из которых на границе волости Ротово напротив Вырумаа, купол к югу от села Церепи (рус. Черепы) (220 м) и хребет у села Наталкино с отметкой триангуляции (216 м). Между возвышенностями расположены в замкнутом снижении впадины

различной формы, в которых есть несколько озер (Пурики, Русский Бор). Южнее, в западной части волости Лавры, возвышенности более рассредоточены, так как впадины между ними имеют характер более широких оврагов. В основании одной из самых больших впадин находятся озера Лидва (Боброво) и Тоотси (Тучинское). Здесь, в этой области, мы видим среди круглых вершинных возвышений большие удлиненные гряды, как у западной границы волости Лавры, вблизи поселков Стехново, Мильдино и Стуколово. К юго-западу от деревни Мильдино, возвышение, которое возвышается даже над самой высокой точкой в окрестностях — на 205 м над уровнем моря над отметкой триангуляции.

Между возвышенностями этой пересеченной местности извиваются долины верховьев Вруды и Лидвы, которые имеют более плоский профиль. Вдоль dna долин полосой тянется влажный луг и кустарник.

Этот неровный и прерывистый ландшафт холмов простирается примерно до шоссе Паниковичи — Лавры на востоке. Отсюда, однако, земля имеет более плоский волнистый вид, с широкими расплывчатыми порогами, обращенными с севера на юг, которые чередуются с широкими бороздчатыми оврагами, обращенными в том же направлении. Поскольку пороги в основном возделываются, а впадины — под лесами, кустарниками или болотами, тем более заметен полосатый характер ландшафта.

Один такой широкий, отведённый под пашню, порог простирается в центральной части волости Ротово от деревни Клезино до деревни Лабково. На месте Ротово прорывает порог долина реки Вруда, которая становится здесь значительно уже и круче. Самая высокая точка порога находится между деревнями Ротово и Стайки, на месте шоссе, где земля поднимается на высоту 168 м. Один из самых узких хребтов с крутым склоном находится на уровне церкви Лауры-Шемерицы и кладбищем, продолжаясь примерно на километр к югу параллельно с шоссе. Наиболее отчетливо отражается волнистый рельеф земной поверхности в направлении север-юг здесь в течении реки Лидвы, которая каждый раз делает крутой прямоугольный поворот, прорываясь перед порогом впереди, а затем продолжая прежнее направление во впади-

не между возвышенностями. Такие изгибы и места изломов мы видим над деревнями Чернышево, Гревели, Лидва, Bolši-Siri (ясно, что за населенный пункт) и Луги.

Дальше на юго-восток и восток теряется и это небольшое чередование рельефа и простирается широкая лесная равнина, слегка наклоненная на юго-восток. Поскольку последние юго-восточные плоские пороги возвышаются на 130–140 м над уровнем моря, восточная окраина равнины в месте впадения Лидвы в реку Кудеб имеет высоту всего 116 м, все больше опускаясь в границах волости Изборск. Возвышенности, подчеркивающие разнообразие рельефа, здесь полностью отсутствуют, за исключением одного хребта длиной 1,5 км и относительной высотой 6–7 м в болоте Грачев Мох, вокруг которого река Вруда делает большой поворот на юго-восток. Зато большее значение в рельефе имеют долины Вруда, Лидва и Кудеб, которые неглубокие, но местами с крутыми извилистыми склонами пойменные или корытообразные долины.

Подпочвой волостной группы является девонский известняк (Изборский горизонт (Irboska), который обнажается кое-где в склонах долины и каменных карьерах, особенно в центральной и южной частях волости Лавры, где напочвенный покров тоньше. Поверхность подпочвы в целом ровная, изменение рельефа зависит почти полностью от неравномерно распределенного моренного покрова на подпочве. Западная часть Ротово представляет собой типичную моренную возвышенность, как и вообще возвышенность Хаанья. К моренным холмам здесь и там также присоединяются маргинальные озы и гребни долин. Также стоит упомянуть уступ, ограничивающий моренную возвышенность вдоль шоссе Лавры–Паниковичи на промежутке Федосы и Кривиково.

В центральной части волостной группы, к востоку от шоссе Лавры — Паниковичи, преобладают склоны с севера на юг или с северо-востока на юго-запад, что придает ландшафту волнистый вид, поскольку равнина, простирающаяся на восток, является частью большого плотинного озера ледникового периода, заполненного глиной и песком, осевшими в воде.

Вода. Что касается водной части, извилистая западная часть волостной группы Ротово отличается от равнинной восточной части. В то время как на западе в моренном хребте встречаются

лишь лужи, небольшие озера и моренные возвышенности с утекающими в них небольшими ручьями и непроточными озёрами, на обширной болотистой равнине на востоке мы видим хорошо развитую сеть водотоков, которая целиком относится к водному бассейну Кудеб и, следовательно, к бассейну Псковской Эмайги и Псковского озера. Небольшая река Виргулица, только в юго-западной части волости Лавры протекающая на юг, является притоком Педетси (Педедзе) и, таким образом, принадлежит водному бассейну Койва. Главная река Кудеб протекает только на юго-восточной границе волостной группы и в меньшем объеме через восточную часть волостей Ротово и Лавры, так как центром являются собственно реки Вруда и Лидва, у которых имеется целый ряд второстепенных рек и впадающих в них ручейки. Все эти включения в водотоки исходят из верхних периферийных частей Ротово. Река Вруда служит стоком вод северной половины этого участка. Он начинается у деревни Силла (рус. Мосток) волости Ротово во влажных впадинах между холмов, также как и пограничный ручей Меекси, идущий на север, и течет впереди, выходя из зоны холмов на северо-восток, на юг вдоль широкой впадины неопределённых очертаний, отделяющей Меримяэ — Вааксааре возвышенность от холмов Ротово. К югу эта впадина сужается в несколько более узких корытообразных долин, одна из которых используется от Вруда до шоссе Паниковичи — Лавры между Ново-Литвиново и Железово. Здесь река поворачивает на северо-восток у порога, направленного с юго-запад на северо-восток, прорываясь дальше на месте Ротово через пойменную долину с крутыми склонами в широкую овальную возвышенность, дальше продолжает течение по-прежнему в направлении юго-восток до впадения в Кудеб на месте Локно (в границе волости Изборск).

Река Лидва протекает параллельно Вруде с направлением на восток и юго-восток, в верховье примерно на границе волостей Ротово и Лавры. Она начинается в принадлежащем Вырумаа Лу-хамаа, в низинах болот около Красной Дубровки, проходит через озеро Лидва (Боброво) (наибольшее озеро Сетумаа, разделенное пополам между Сетумаа и Вырумаа, общая площадь 87 га), имеет на юго-востоке от Аполихино резко бóльшую ширину и впадает в Кудеб только на восточной границе волостной группы, недалеко

от болота Ползохново. К югу от Лидва находится еще одна более маленькая река того же направления, Месгушка, которая, начиная с волости Лавры между Большие-Кикуты и поселком Никольская (ныне д. Ключище) вдоль дороги Лавры-Кудеб, впадает в Кудеб под Шумилово-Пыльгино.

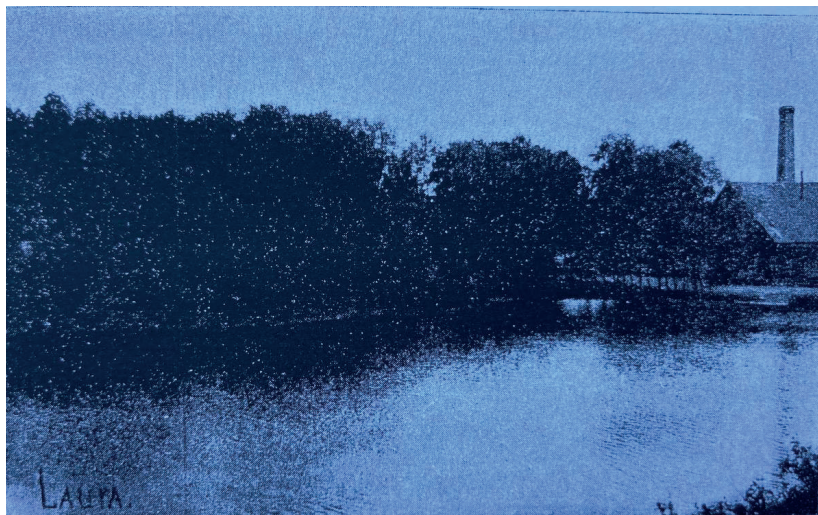

Иллюстрация 115. Река Лидва возле поселка Лавры.

Фото: Праам

Вообще, у притоков Кудеб в верховье воды мало и течение более проворное, но по достижении равнины количество воды меняется и течение становится медленнее. Тем не менее, иногда течение настолько быстрое, что его сила используется для работы мельниц. В частности, на Лидве, ниже Лавров, много заграждений плотин: усадьба Лавры (илл. 116), Бобренки, Лидва, Луги, Чёрный Ручей, Данилов Остров. Вруда при этом имеет только одну плотину у Ротово. Также на реке Кудеб есть несколько плотин в границах волостной группы (Высокий мост, Шилово).

Многоводность упомянутого бассейна реки оказывает большое влияние на растительность. Частым явлением является то, что в южной части Кудеб-Ротово также во время сильных дождей в середине лета на несколько километров затопляет окаймляющие ее луга.

*Иллюстрация 116. Мельничное озеро на реке Лидва
в усадьбе Лавры. Фото: Праат*

В низинах, затопленных проточной водой, реки сильно петляют и извиваются.

Помимо ранее упомянутого озера Лидва (Боброво), частично входящего в состав Вырумаа, в Ротово есть лишь несколько небольших озер в замкнутом понижении моренных холмов, а также Стехново, Гагулино и Пурики. В целом, однако, этот район является одним из самых бедных озерами в Сетумаа. Отчасти это должно быть связано с относительно плотной и хорошо развитой сетью водотоков.

Также стоит упомянуть родники и источники, которые в изобилии встречаются в Ротово. Особенно достойны упоминания источники в окрестностях поселка Лавры и усадьбы в непосредственной близости от реки Лидва. Некоторые из них даже являются источниками-гейзерами. Желтоватая пена, которая встречается у некоторых из них, иногда связана с содержанием минералов.

Растительный покров. В западной части Ротово холмы со своими суглинистыми моренными почвами в основном являются местом культурных насаждений — полей и лугов. Из-за неравномерного излома поверхности и накопления более плодородной

моренной глины, распространение полей также является беспорядочным и прерывистым. Поля располагаются в основном на плоских частях возвышенностей, так как влажные глинистые или песчаные углубления между ними находятся под лугами, кустарниковыми и лесными лугами, а также местами под небольшими смешанными лесными насаждениями. Такой же разнообразный пейзаж, характерный и для других моренных холмов в южной части Эстонии, таких как Хаанья и Отепя.

Более широкие поля начинают появляться только на юге, где земля становится более ровной, плитняковая коренная порода покрывается ровным тонким моренным слоем. Особенно это видно вокруг поселка и усадьбы Лавры, а также вблизи государственной границы в районе деревень Бруниши — Чухново — Красиково. В волости Лавры видны широкие лесные массивы и болота, такие как Лидва (Боброво), вокруг Стехновского и Гагулинского озёр, между деревней Захарьево и поселком Лавры, где начинается река Виргулица.

Однако ареал настоящих болот, заболоченных лесов и пустошей — это равнинная изменчивость в восточной части Ротово и Лавры, напротив волости Изборск. Небольшие участки полей исчезают здесь между широкими лесами и болотами, такими как Грачев Мох в северо-восточной части волости Ротово, между Врудой, Лидвой и Кудеб, болотом Дурково на границе с Латвией и другими. Леса здесь в основном смешанные, где растут сосны, ели, можжевельники, березы, осины, ольха, ивы, среди них и более редкие лиственные породы, такие как липа, вяз, лещина и другие. В подлеске в качестве кустарников встречаются рябина, ива, черёмуха, лещина. В районе лесного ландшафта также находятся более крупные комплексы болот, из которых местами берут торф, так как большая часть его совершенно не используется. Одну часть травянистых болот используют как луг, прежде всего луговой ландшафт вдоль рек.

Животные. В отличие от Ирбоска, Ротово очень богато лесами и, следовательно, здесь гораздо больше встречаются более крупные дикие животные, хотя здесь война нанесла разрушительный эффект и было вырублено много леса. Здесь очень много-

численны лисицы, многочисленное присутствие которых идёт в ущерб зайцам (*Lepus europaeus* Pall ja *L. variabilis* Pall.).

Кроме этого, встречаются также косули (*Capreolus capreolus* L.), а также барсуки (*Meles meles* L.), белки, белки-летяги (*Pteromynx volans* L.), куницы (*Martes fagorum* L. и *M. abietum* L.), и горностаи (*Mustela erminea* L.). Зимой в лесах часто бродят волки, которые наносят вред жителям. Даже летом здесь иногда можно увидеть волка. Однако лоси очень редко встречаются. Летом 1922 года одного оленя видели в лесу Дурково, когда он пил воду на озере Дурково. В том же болоте были замечены выдры (*Lutra lutra* L.). На границе страны в лесу Шарлотенбург (*Šarlotenburgi*, часть мызы) обитает рысь (*Lynx lynx* L.). До войны здесь был замечен и медведь. Из птиц здесь встречаются беркут, большой ястреб (*Astur palumbarius* L.), перепелятник (*Astur nisus* L.), глухарь, тетерев, белый аист (*Ciconia ciconia* L.), чёрный аист (*Ciconia nigra* L.), серые куропатки, журавли. Озера богаты рыбой, но повсюду наблюдается растущее вытеснение других рыб щуками. Рыбоводство в настоящее время здесь не распространено. Интересно, что раков в реке Кудеб так много, что не представляет труда поймать в течении короткого времени их сотнями.

Пейзажи. Мы можем разделить волостную группу Ротово в основном на три разных ландшафтных участка. На западе, на моренном хребте, принадлежащем возвышенности Хаанья, мы имеем дело с разнообразным ландшафтом, характерным для таких мест, где между зелеными и желтоватыми изогнутыми участками поля в низинах раскинулись темно-зеленые луга и кустарники, кроме того более мелкие рощи и лесные опушки, через которые проходит небольшие ручьи, которые извиляются из низины в низину или, что реже, прерываются блестящей озерной поверхностью.

Разнообразие ландшафта еще больше увеличивают поселения, разбросанные в виде одиночных дворов или небольших деревень, и также соединяющая их горная и извиляющаяся то тут, то там извилистая с узкими петлями дорожка.

Иначе обстоит дело в центральной части волостной группы, к югу от Ротово. Здесь масштаб и расположение всех ландшафтных

линий определяются с севера на юг. Длинными полосами в одном направлении тянутся поля на вершинах невысоких порогов, рядом с ними в длинных ложбинах на влажной почве леса и кустарники. Дороги также следуют направлению поверхностного ландшафта, а хутора расположены в одном направлении в виде рядовых и цепных деревень.

Иллюстрация 117. Посёлок Лавры. Фото Праам

Обособленную ландшафтную территорию образует восточная часть волостной группы вдоль реки Кудеб в нижнем течении Вруды и Лидвы. На однотонной равнине раскинулись болотистые смешанные леса, луга, травянистые болота и болота, где одиночные хутора словно заблудились посреди скудных участков поля.

Наряду с этими тремя основными ландшафтными районами можно было бы назвать посёлок Лавры с её более плотной и вторичной застройкой (илл. 117) и окружающей ровной поляной, на которой разбросаны небольшие деревни без упорядоченного плана, где дома сгруппированы вместе и деревни с одной улицей, где дома расположены плотно по обе стороны дороги.

4. ЛЮДИ

Население. По численности населения волостной группы Ротово русские составляют подавляющее большинство (81 %); из национального меньшинства первое место занимают латыши (10,1 %), на втором месте — эстонцы (8,3 %). В северной части волости Ротово есть две деревни сету (Русский Бор и Лобань), а при народной переписи 1922 года их жители скорее всего были зарегистрированы как эстонцы, поскольку по данным переписи населения в волости Ротово сету насчитывается всего 12 человек.

Хутора и деревни латышей в обеих волостях расположены вперемешку с русскими поселениями. Также и эстонские хутора. Кроме того, больше всего эстонцев в поселке Лавры.

Иллюстрация 118. В поселке Лавры. Фото: Праам

Населенные пункты и жилые дома. Хотя волостная группа Ротово в основном населена русскими, здесь не найдёшь в большом количестве деревень с одной улицей, характерных для русских населенных пунктов. В населенном пункте полностью преобладают одиночные двory, небольшие деревни с разбросанны-

ми домами и без упорядоченного плана, где дома сгруппированы вместе. Это может быть связано, с одной стороны, с соседством уездов Эстонии и Латвии, которые послужили примером, но в первую очередь, вероятно, с неровным рельефом, препятствующим образованию крупных уличных деревень, где дома были бы плотно расположены по обе стороны дороги. Таким образом, ареал отдельных дворов и небольших деревень с разбросанными домами и без упорядоченного плана, где дома сгруппированы вместе находится в западной части волостной группы.

Иллюстрация 119. В поселке Лавры. Фото: Праам

Количество хуторов в более крупных селах (Русский Бор, Железово, Бухолово, Макарово) здесь достигает только 16–20. Из них Русский Бор и Железово деревни с разбросанными домами, раскинувшиеся на несколько квадратных километров, Бухолово больше похожа на короткую деревню с одной улицей, где дома плотно расположены по обе стороны дороги. Деревни расположены обычно на потопке возвышенности, образуя радиально сходящиеся узловые участки дороги между деревнями. Таким образом, деревни приобрели местами радиальную форму в таких местах, как Веселкино, Дятлово, Зайково, Леоново, Мильдино.

На хребтах возвышенностей более вытянутой формы сформировалось небольшое количество коротких деревень с одной прямой улицей, где дома плотно расположены по обе стороны дороги, таких как Бухолово, Большое Михалкино, Капково и другие.

Мы видим более крупные деревни с одной улицей, где дома плотно расположены по обе стороны дороги и деревни без регулярного плана, где дома сгруппированы вместе в центральной и южной частях волостной группы, там, где рельеф более плоский. Наиболее крупным поселением с беспорядочно и плотно расположенными домами является поселение Лавры (иллюстрации 118, 119), вместе с ним деревни Подгорье и Шемерицы на юге. Крупные деревни с одной улицей и домами по обеим сторонам дороги, расположенные на краю долины, находятся на реке Лидва и Большие-Швецы на реке Лидва, Папушево на реке Месгушка и Высокий мост на реке Кудеб. В характерной местности центральной части волостной группы на слегка возвышенной, но более плоской поверхности вдоль хребта возвышенности расположены деревни с одной улицей и домами по обеим сторонам дороги, такие как Лабково, Желчаны, Луги, Шумилово. Поскольку эти деревни простираются на несколько километров в длину и между отдельными хуторами находятся большие хребты возвышенностей, то отдаленные части деревень носят разные названия, такие как Шумилово-Речки и Шумилово-Пыльгино.

Плоская болотистая и лесная восточная часть волостной группы практически необитаема. Только несколько частных хуторов оказались здесь. Они расположены здесь в основном вдоль рек, таких как Черный Ручей и Данилов остров, мельницы на реке Лидва и в усадьбе Шилово и один частной хутор у деревни Шилово на реке Кудеб.

Русские деревни обычно состоят из закрытых дворов с задними дворами, огороженными хозяйственными постройками и заборами, с жилым домом, выходящим на улицу. В рассредоточенных деревнях и одиночных дворах, населенных как русскими, латышами, так и эстонцами, мы видим обычный эстонский тип хутора с открытым двором, среди жилых домов также длинные двускатные дома с двумя верандами и входом через них (см иллюстрацию 120).

В поселке Лавры есть от деревенских строений отличительные здания, крупные здания городского характера, такие как двухэтажное кирпичное здание реальной гимназии и другие, среди жилых домов много мансардных зданий с высокими потолками. Обильные насаждения в виде бульваров (иллюстрация 121) и парков разнообразят внешнюю границу поселка. Также на южной окраине поселка протекает река Лидва.

Иллюстрация 120. Латышский хутор в деревне Шемерицы волости Лавры. Фото: S. Raudsepp

Сеть дорог. Главная ось сети дороги Ротово в нынешних обстоятельствах образована шоссе Петсери — Паниковичи — Лавры — Кудеб, идущим с севера на юг, которое достигает границ волостной группы между Брезделёво и Пеньево, в 2,5 км к югу от Паниковичи, и выходит оттуда по государственной границе между Кендиши и Заболотье.

Каменная дорога Псков — Рига, проходящая через северную часть волости Ротово в юго-западном направлении, хотя и больше и находится в лучшем состоянии, имеет меньшее значение, поскольку она не совпадает с основным направлением движения волостной группы, которая ведет от д. Лавры через Пангевицу (Паниковичи) к Вастселийна и Петсери. От шоссе Паниковичи — Лавры отходят кроме маленьких дорог и некоторые крупные дороги, узлами которых являются Ротово и Лавры.

От Ротово большая дорога ведет на юг через длинную деревню Лабково в более крупные уличные деревни на берегу реки Лидва, а оттуда в д. Лавры. В Лаврах дороги ответвляются лучевидно на запад (Миссо), юго-запад (Шарлотенбург) и юго-восток (Дурково, Высокий Мост и Спрехтичи).

Доходные дела. Площадь поля в волостной группе Ротово средняя и даже хорошая, что, однако, следует ставить не в счёт естественно хороших почвенных условий, а в счёт продолжительной последовательной и постоянной работы. Волостная группа Ротово, особенно ее южная часть, представляет собой сравнительно молодое поселение латышей и эстонцев, которые около 50 лет назад поселились на своих нынешних местах, купив лес у русского помещика Дерюгина. Поселились в совершенно нетронutom лесу, где не было ни пахотных земель, ни каких-либо построек. Первыми укрытиями, как рассказывают старики, которые сами начали поселение, были большие ели, где вокруг ствола были установлены прутья в форме палатки, а в случае необходимости они были еще покрыты еловыми ветками. Во влажной вырубке поначалу посадки совсем не хотели расти. Рожь росла так плохо, что как-то не получалась кровельная ржаная солома, приходилось заимствовать кровельную солому у мужчин из Изборска взамен на древесину.

Однако упорный труд и твердая вера в свое дело помогли поселению преодолеть трудности, и теперь хуторы Лаврамаа являются самыми богатыми во всем Сетумаа (илл.122).

Процент общей площади пахотных земель в волостной группе Ротово, как и во всем Сетумаа, в целом высок. Но по сравнению с другими волостными группами в Сетумаа количество непригодных земель сравнительно велико.

Когда мы смотрим на соотношение собственности хуторских хозяйств, мы видим другую картину, которую привыкли видеть в Сетумаа. А именно, здесь бросается в глаза большое количество купленных хуторских хозяйств. Так как в других волостных группах всего несколько, в волости Лавры они составляют одну треть от общего числа хуторов, а в волости Ротово — одну

четверть всех хуторов. Это не может не оставить своего влияния на общее сельскохозяйственное развитие.

Иллюстрация 121. Бульвар в посёлке Лавры. Фото: Праам

Классификация хуторских хозяйств по размеру также дает здесь подобную картину, а именно, преобладают хозяйства среднего размера. Больше половины всех хуторов размером 5–20 га. В целом, по сравнению с другими частями Сетумаа, здесь больше крупных хозяйств, хотя действительно крупных в этой волостной группе мало.

Основным источником дохода населения является сельское хозяйство, и именно здесь наиболее важным в этом отношении является лён, выращивание которого особенно набирает обороты в последние годы. В сельском хозяйстве в основном преобладает система из семи полей, но есть также система из 3 или 4 полей. Земля обрабатывается сравнительно тщательно, благодаря чему урожай в основном хороший. Искусственное удобрение используется много. В сельском хозяйстве все чаще используются новые сельскохозяйственные инструменты и машины и их количество растет с каждым годом.

Иллюстрация 122. Строения хутора Пауля Лаатси в селе Лабково волости Ротово. 17 голов скота и 3 лошади. Участок размером 55 га. Хутор ведётся 17 лет. Есть 16 работников чужих и 2 своих. Молоко перерабатывается на хуторе

В отношении использования полевых площадей та же ситуация, что и в других частях уезда. Можно также отметить, что Ротово является одной из областей, где больше внимания уделяется овсу. А именно, ячмень и овес конкурируют здесь в обоих волостях по количеству посева и победа склоняется к овсу.

Садоводство здесь немного лучше, чем где-либо ещё в Сету-маа. Есть также большие сады, о которых уже хорошо заботятся, особенно в волости Лавры. Продается довольно много яблок, с продажи которых получается хороший дополнительный доход.

Чтобы улучшить состояние садоводства, Министерство сельского хозяйства, местное уездное управление и организации, занимающиеся оказанием агрономической помощи, в последние годы организовали несколько курсов по садоводству и пчеловодству, которые дали хорошие предпосылки для улучшения развития этой области.

Скотоводство. Стадо, как и вообще в Сетумаа, смешанной породы. Чистокровных животных встречаются лишь единицы. До сих пор Эстонским Обществом Крупного Рогатого Скота в племенную книгу было внесено всего 4 коровы из поместья Лавры в усадьбе г-на Хольберга. Кроме того, в волостной группе насчитывается 8 станций племенных быков ангельнской породы.

В целом заметен быстрый прогресс в сфере скотоводства, чему во многом способствует более высокое экономическое процветание волости Лавры, конечно, по сравнению с другими частями Сетумаа.

Иллюстрация 123. Стадо хутора P. Laats в деревне Лабково волости Ротово.

Уже создано 4 молочных товарищества, которые борются с трудностями, но, вероятно, со временем добьются хороших результатов. В первую очередь это молочное товарищество Лабково в волости Лавры и молочное товарищество Луги в волости Ротово.

Что касается коррекции породы лошадей, то по распоряжению отдела сельского хозяйства уездной управы в хутор С. Новосельского в волости Ротово был отправлен один племенной жеребец породы Тори.

Промышленность. В селе Шумилово волости Ротово находится завод сельскохозяйственных орудий К. Андерсона. В последнее время в основном изготавливают вентиляционные машины. Этот завод был основан в 1905 году и снабжает сельскохозяйственными орудиями фермы Сетумаа.

На хуторе Карлова волости Ротово действует небольшая винодельческая промышленность.

Помимо вышеупомянутых промышленных отраслей, в этой области есть один кирпичный завод, два прядильно-шерстичесальных завода в Лаврах, 4 лесопилки, одна паровая мельница, одна ветряная мельница и электростанция в посёлке Лавры. В качестве домашней ручной работы изготавливают деревянную посуду: корыта, стулья, вёдра, бочки. Их продают на ярмарках.

*Иллюстрация 124. Стадо на мызе Паниковичи.
Фото: А. Käsebier (А. Кезебьер)*

Из общественных действующих учреждений, кроме перечисленных выше молочных товариществ, можно было бы назвать еще: кредитно-сберегательное общество в Ротове, основанное в 1925 году, кредитно-сберегательное общество в Шемерицы-Лавры, общество потребителей Сету в Лавры, общество потреби-

лей в Шумилово в волости Ротово и общество подтверждения в Ротово.

Самые выдающиеся землевладельцы в волости Лавры: Ефим Кузьмин в селе Сохино, Эдуард Бремсе в селе Дурково, Захар Лучков в селе Столбово, Карл Балтин в селе Панково. В волости Ротово — Пауль Лаатс в селе Лабково, Яан Хаммас на хуторе Корсакова, Яан Бакис на хуторе Луги, Яан Калнавам на хуторе Верелево.

История. Западная и южная части Ротово являются густонаселенными и более культурными районами Сетумаа с лучшими сельскохозяйственными угодьями и, вероятно, так было всегда. По сравнению с другими частями Сетумаа, Ротово отличается тем, что здесь смешались латвийские поселения, пришедшие с юга, и русские поселения, распространившиеся с востока. Более болотистая и лесистая восточная часть заселена позже (стр. 323), и разбросанные здесь отдельно стоящие дома в основном населены эстонцами и латышами. Нынешний населенный пункт Лавры получил свое название от поместья Лаура (рус. Лавры), на месте которого до этого располагался монастырь. Нынешний поселок образовался в конце 19 века, когда в связи с более оживленной продажей льна здесь возникла потребность в льяных складах и торговых площадках. Здесь среди населения были в основном латыши и эстонцы, и мало-помалу поселок становился коммерческим и культурным центром Южного Сетумаа.

Ротовская волостная группа в ее нынешних границах является частью бывшей Псковской волости Rängevitsa (Паниковичи), с которой в 1921 году на основании эстонско-русского мирного договора была присоединена к Эстонии часть Качановской волости: села Бабино, Замошье, Борисово, Усадище и Хребты, а также хутор Чертовка. При новом административном объединении в Сетумаа западная часть волости Rängevitsa (Паниковичи), т. н. «Лухамаа», была присоединена к Вырумаа, заселенная сету северная часть к волостям Меримяэ и Вило, а восточная часть к волости Изборск, так как из оставшейся части образовались новые волости Паниковичи и Лавры. В 1923 году волость Rängevitsa (Паниковичи) была переименована в волость Ротово, а в сле-

дующем году при окончательном проведении государственной границы южная часть волости Lāuga (Лавры) перешла к Латвии.

Древние останки. В волости Лавры: по времени неясно, иногда относящиеся к раннему железному веку: 1) примерно в 1 км к югу от деревни Федосы на холме у леса могильный холм; 2) возле поселка Лавры, на северной стороне поселка, у Печорского шоссе, под сосновым лесом могилы с каменными кругами — иногда могильные холмы; 3) к юго-востоку от села Тьякова около 350 м, по дороге в село Шумки около 15 каменных кругов могильника, иногда могильные холмы; 4) к северо-востоку от села Замощье, на земле Лапина, ряд могил, огороженных камнями — могильные холмы. В волости Ротово: известно лишь по времени неясное кладбище на западной стороне села Михеенки, у дороги, ведущей в поселок Новожила (ныне д. Лидва-2), где около десятка окаймленных каменными кругами могильных холмов.

Церкви. Русские жители нынешней волости Ротово в основном относятся к приходам церквей Залесье и Паниковичи, которые остались в пределах волостей Печоры и Вило. В границах волостной группы Ротово сейчас находится только одна апостольская православная церковь, а именно церковь Николая Чудотворца в Лавры — Шемерицы, церковь деревянная, построенная в 1790 году. Кладбище рядом с церковью, на юге. Помимо этого, в п. Лавры есть лютеранская церковь, в основном для латышей. Она была построена совместными усилиями прихожан в 1921–1922 годах. Земля была подарена местным крупным землевладельцем А. Р. Зарри в центре поселка Лавры. План подготовил архитектор Подчекаев. Церковь построена из валунов, около 30 м в длину и 15 м в ширину.

Путешественникам. Для того чтобы попасть в волостную группу Ротово, наиболее удобным местом отправления является Петсери (Печоры), откуда следует отправиться через мызу Паниковичи в сторону Лавров. Мы достигнем северной границы волости Ротово в 2,5 км к югу от Паниковичи (18,7 км от Петсери). Чтобы познакомиться с западным холмистым ландшафтом волости Ротово, следует повернуть на каменную Рижскую дорогу, ведущую на запад от Паниковичи в 1,5 км к югу, которая движется

по холмистой местности, то поднимаясь на холм, то спускаясь в впадину. Просторные поля и луга дают широкий обзор с самых высоких мест. На западной окраине волости Ротово, на месте деревни Горланово, сворачиваем с дороги на юг и двигаемся по второстепенным боковым дорогам к озеру Лидва (Боброво).

Озеро окружено широкой болотистой низменностью, поэтому для продвижения нужно пройти дальше на запад, через деревню Красная-Дубровка и Гривы (в Лухамаа). Добравшись до села Боброво, на юго-восточном берегу озера, отсюда продолжаем путь на юго-восток в поселок Лавры и поселок Шемерицы (здесь старая деревянная церковь и кладбище на длинной возвышенности). Из Лавры можно совершить путешествие на юг к эстонско-латвийской границе через открытые полевые равнины через деревни Столбово, Никольская и Кендиши (4,8 км от Лавров до границы). Здесь моренная почва тоньше, а известняковая коренная порода проявляется в трещинах горных пород.

Чтобы познакомиться с восточной нижней и более плоской территорией волостной группы, вернувшись с границы, можно повернуть на северо-восток от деревни Кендиши и пройти по южному краю долины Месгушка через Папушево (большая деревня с одной улицей) и к деревне Дурково, Высокий Мост на реке Кудеб (8,3 км от Кендиши). Отсюда по западному краю Кудебской долины через мызу Шилово через обширные необитаемые леса и пустоши в деревню Луги на Лидве (9 км от Высокого Моста), а оттуда уже через волость Вило деревни Вруда и Лыково обратно в Паниковичи.

Тот, у кого меньше времени, может сразу повернуть от поселка Лавры на восток, в сторону крупных русских и латвийских деревень (Лидва, Швецы и другие) вдоль реки Лидвы, откуда большая дорога ведет через длинный поселок Лабково (Лабково располагается на хребте широкой овальной возвышенности), в Ротово, где дорога соединяется с шоссе Лавры — Паниковичи.

Литературными источниками, помимо дневников и собранных сообщений стипендиатов рабочей группы по краеведению, а также данных, полученных в ходе переписки с места, были различные сообщения и сочинения в прессе.

Из карт наиболее важной является 1-верстовая топографическая карта, после которой приведены картометрические данные.

Участники: студент зоологии W. Bucholtz / В. Бухольц (текст про животных), магистр географии Edg. Kant / Эдг. Кант (предварительные данные собрал и дополнил), агроном A. Käsebier / А. Кезебье (текст про доходные дела), студент географии E. Piipenberg / Е. Пипенберг (собрал отчеты о церквях), E. P. Praam / Э. Праам (дневные снимки поселка Лавры), магистр географии P. Päts / П.Пятс (1922 год географически исследовал местность, составил предварительный текст описания).

IV. ЗЕМЛЯКИ

Айда Галина Николаевна,
краевед, член Псковского регионального отделения
Союза краеведов России

Их имена и в новый век возьмёт с собою человек

В 2022 году исполнилось бы 95 лет Почётному гражданину Печорского района, ветерану Великой Отечественной войны, ветерану труда, общественному деятелю, автору книги «От Печор до самых до окраин», составителю сборника «Печоры — порубежный край России» Бедовому Николаю Ивановичу.

Познакомиться с биографией Николая Ивановича Бедового и его творческим портретом позволят сохранившиеся в архиве семьи документы, альбомы и заметки из его литературных трудов.

Николай Иванович Бедовый, коренной житель печорского края, родился 10 декабря 1927 года в деревне Терехово (ныне Лавровская волость Печорского района Псковской области). В деревне в то время было около 20-ти крестьянских дворов, разбросанных по хуторам. Хутор его родителей, Ивана Афанасьевича и Евдокии Алексеевны, огибала река Кудеб, был он площадью 7 га и входил в состав деревни Терехово. *«Изда стояла в окружении таких же убогих, но крайне необходимых хозяйственных построек, с соломенными крышами, с искусно уложенными плоскими камнями по коньку. Большего не мог позволить себе потерявший здоровье на первой мировой его отец, хотя был отменным плотником».*

Семья жила бедно, поэтому, когда Николай подрос и уверенно мог в руках держать кнут, его летом отдавали в пастухи. Не-

легко было в зной, когда мухи, слепни не дают покоя животным. Когда скошенные поля превращаются в пастбища, босые ноги испещряются ссадинами о жёсткую стерню. От частого пребывания мокрых ног на ветру, кожа трескается, пальцы ног от дождевой воды выпревают. Особенно неуютно становилось пастуху, когда начинались сплошные осенние дожди. В такие моменты время превращалось в вечность, мечталось о тёплой избе, о вкусном хлебе и думалось – поскорее бы в школу.

Когда Николаю исполнилось восемь лет, отец повёл его устраивать в школу. Школа находилась за 4 километра от дома в деревне Высокий Мост. Иван Афанасьевич не раз наблюдал, как маленький Коля смотрел тетради и книги старшей сестры, сам учился читать, что-то писал, поэтому отец попросил учителя проверить знания мальчика.

«Эмма Александровна дала мне лист бумаги, карандаш и предложила написать всего три слова: «корова, каша хороша». Я умудрился в этих трёх словах сделать три ошибки: там, где нужна буква «о», я написал «а» — как у нас говорили, так и писал, зато слова из эстонского языка написал без ошибок, в сложении и вычитании чисел тоже сделал всё верно. И Эмма Александровна сказала отцу: «Пусть приходит через две недели во второй класс, в первом ему делать нечего. Для меня всё было впервые, ново, неизвестны правила школьного поведения, но освоился быстро и по успеваемости скоро оказался в числе первых».

Николай Иванович писал: *«Теперь на склоне лет, возвращаясь мысленно в детство, вспоминаю добрым словом родителей, свою первую учительницу, заведующую школой Эмму Александровну Мурумets, ведь сэкономленный год дал мне возможность до начала войны закончить 6-классную начальную школу.*

Впоследствии классным наставником и учителем русского языка был Владимир Фёдорович Каринский, вспоминаю Зинаиду Яковлевну Бремзе, которая переживала за меня, что не смогу продолжить учёбу в гимназии, Владимир Васильевич Поспелов, запомнился спокойным, уравновешенным голосом, который предрасполагал к успешному усвоению знаний; учитель Василий Христофорович Марипуу преподавал историю».

8 июня 1941 года Николай Бедовый окончил 6 классов 6-классной начальной школы в деревне Высокий Мост Печорского района. И на фронте, и в послевоенной службе он слыл грамотеем, так как его одногодки имели по 4–5 классов образования. Война помешала продолжить обучение.

У каждой деревни, у каждой семьи своя военная история, однако общим, похожим для всех сельских жителей Печорского района было отношение к своему крестьянскому предназначению: и когда сгущались тучи войны и козни оккупации, когда в небе гудели целые косяки бомбардировщиков, смертельные схватки истребителей в воздушном бою, когда свистели снаряды над головой — люди продолжали пахать и сеять, косить и убирать урожай, ухаживать за скотом; спасая себя, спасали и оберегали домашних животных. В поредевших семьях за нелёгкий крестьянский труд брались подростки, и не только подростки, а даже дети и люди престарелого возраста.

Деревня Высокий Мост и родная деревня Николая Бедового Терехово, расположенные на самой южной окраине района, на границе с Латвией, в числе первых оказались в зоне боевых действий. Три года изнывала печорская земля под сапогом врага.

Бедовый Николай Иванович был призван в Красную Армию Качановским РВК в 17-летнем возрасте 29 января 1945 года. С января по июнь 1945 года проходил службу в 7-м запасном стрелковом полку. Было это в Опухликах под городом Невелем Псковской области.

«Солдатские будни начались сразу же на следующий день. Призывников старших возрастов направили в линейные стрелковые подразделения, нас, молодых, на обучение в снайперскую роту. Также стали готовить для отправки на фронт, но позднее перевели в учебный батальон младших командиров. Дисциплина была строжайшая, от подъёма до отбоя всё расписано по минутам. 7-ой запасной стрелковый полк входил в состав действующей армии, жизнь учебного батальона была приближена к фронтовой. Особенно большая нагрузка ложилась на железнодорожную станцию Опухлики, принимавшую пополнения, а больше всего отправлявшую эшелоны с бойцами. В полку постоянно

или формирование маршевых рот и отправка на фронт. Уже не оставалось никого из наших старичков, с которыми вместе призывались. Не сразу, но и до нас дошла очередь. Случилось это, когда мы заканчивали учебную программу, но сержантами так и не стали. Пришёл приказ об отправке. Куда повезут — мы не знали».

«А колёса вагонов отстукивали километры, всё дальше увозя нас на восток. Позади остались Новосибирск, Красноярск, озеро Байкал, Иркутск. 30 июня наш эшелон прибыл в Читу. Ужинали в полночь. Чем ближе Монголия, тем природа беднее, отдельные деревца и кустарники сменились голой песчаной равниной, и только суслики, то появляющиеся, то снова укрывающиеся в своих норках, напоминали, что и здесь существует жизнь. Приуныли ребята от такого пейзажа. Но тогда ещё не представляли, что по песчаным равнинам предстоит пройти пешком с полной солдатской экипировкой не десятки, а сотни километров: от Чойбалсана до китайской границы и что в дальнейшем будет не слаще, так как на нашем пути горные хребты Большого Хингана».

При распределении по частям Николай Иванович Бедовый был определён в подразделения 1-й гвардейской воздушно-десантной стрелковой дивизии, где и служил с июля по октябрь 1945 года. Начало войны с Японией встретил на Китайской границе, проделав до этого 800-километровый поход через безводные степи Монголии. Воды выдавалась одна солдатская фляжка в сутки на человека. Самая страшная опасность подстерегала каждого — оказаться один на один с пустыней.

«При выходе из гор всё чаще стали встречаться японские «осиные гнёзда», оказавшие упорное сопротивление. Но разве могла какая-то сила остановить наступательный порыв испытанных на прочность и выносливость монгольскими суховеями, ливневыми дождями, раскалёнными солнечными лучами, преодолевших неприступные горные хребты Большого Хингана, осунувшихся, обросших, в пообносившихся, выгоревших, пропитанных солью гимнастёрках, но окрепших духом людей?! И только встретившаяся на пути река Ляохэ задержала продвижение на несколько суток. Её беспощадные бурные потоки уносили и зарывали в ил всё, что попадало на пути.»

Сделав подходы через заболоченную, залитую водой местность, наш батальон добрался до главного русла реки. Вечерело. Стояла задача — во что бы то ни стало переправить весь личный состав, вооружение, всё снаряжение и подвижной состав на правый берег реки и там сосредоточиться. Наше отделение прикрепили к санитарной повозке, запряжённой двумя выносливыми, низкорослыми лошадьми-монголками. Сложив на повозку всё своё снаряжение, личное оружие, вещмешки, скатки шинелей, мы своими плечами со всех сторон поддерживали и подталкивали повозку.

Было недалеко до берега, когда лошади, выбившись из сил, вдруг остановились, повозка со всем нашим скарбом и медицинским оборудованием на наших глазах стала углубляться в воду. Я попал в команду по спасению оружия и боеприпасов. В надвигающейся темноте проглядывалась сверх воды намытая коса песка от затонувшей повозки. Взявшись за руки, сравнительно успешно добрались до объекта, а вот на обратном пути я, обвешанный

оружием и оказавшийся крайним, угодил в водоворот глубокой воронки. Николай Красоткин, тогда рискуя сам, успел ухватить меня за выскользнувшую руку. Для меня навсегда он — герой, мой спаситель».

Затем их перебросили на побережье Тихого океана в Порт-Артур, который на несколько лет стал их постоянным местом дислокации, здесь Николай Иванович Бедовый и его друзья-однополчане и встретили День Победы над Японией. На этом и была поставлена точка на окончании Второй мировой войны. Служил в Китае. Расстался со своими товарищами по оружию, с 19-ой гвардейской стрелковой дивизией 15 июля 1951 года в связи с демобилизацией.

Николай Иванович пишет: «О службе в Советской Армии у меня самые благодарные воспоминания. Пусть это были годы смертельного риска, неимоверного напряжения, пусть за эти годы мы, солдаты тех лет, не доучились, не догуляли, не долюббили, но прошли суровую школу жизни, закалились духовно и физически, научились преодолевать трудности. Я горжусь нашей Армией, её славными боевыми людьми, отстоявшими честь и независимость Родины в годы войны. Я горд тем, что и моя частица жизни связана с Советской Армией».

Служба в Советской Армии была длительной — 6 лет 7 месяцев.

За боевые действия Бедовый Николай Иванович награждён благодарностью от Верховного главнокомандующего т. Сталина.

Награждён медалью «За победу над Японией».

От родителей Николай Иванович унаследовал любовь к труду, родной земле, стремление к упорству в достижении цели, честности и порядочности. Он побывал во многих городах и сёлах Советской страны, многое довелось посмотреть и почувствовать, но его всегда влекли к себе дорогие с детства родные края.

Трудным было послевоенное время, но была продуманная, целенаправленная политика по обучению нужным профессиям.

1 сентября 1951 года Николай Иванович Бедовый поступил в Псковскую школу мастеров–строителей (десятников). Созданная в Пскове одногодичная школа мастеров–строителей являлась

скороспелой кузницей кадров для сельского строительства. Довольно плотно занимались в классах теоретическим изучением предметов, а затем ежедневно, в течение всего срока обучения, 3–4 часа — учебной практикой в мастерской непосредственно на стройке. За год прошли все виды основных строительных работ: плотничные, столярные, земляные, бетонные, каменные, кровельные, штукатурные, малярные, стекольные, сантехнические — всё попробовали своими руками под контролем опытного мастера.

Николай Бедовый окончил одногодичную школу мастеров–строителей в сентябре 1952 года с Похвальным листом. Свидетельство об окончании получил из рук начальника областного управления сельского и колхозного строительства Ивана Антоновича Шматова, бывшего редактора партизанской газеты «Дновец». Их, выпускников, было три группы, примерно 25 человек в каждой. Это был пятый выпуск одногодичной школы мастеров–строителей. Все выпускники разъехались по своим районам.

27 сентября 1952 года Бедовый Николай Иванович был принят на работу в должности техника–строителя в отдел сельского и колхозного строительства Качановского райисполкома.

Качановский район, созданный в 1945 году, подразделялся на зоны деятельности МТС: 12 колхозов входили в Качановскую МТС, 12 колхозов и совхоз — в Лавровскую. Перед колхозами стояла задача строительства общественных объектов: скотных дворов, кормокухонь, зерносушилок, зернохранилищ, свинарников. Сколоченные из деревенских мужиков колхозные строительные бригады остро нуждались в технической помощи специалиста, поэтому Николай Иванович постоянно бывал на колхозных стройках, часто работал в командировках.

21 марта 1955 года Николай Бедовый назначен исполняющим обязанности заведующего отделом по строительству в колхозах Качановского райисполкома.

Время было тяжёлое, суровое. Ещё гремели выстрелы из бандитских винтовок и обрезов.

Его пути часто пересекались с поездками по колхозам первого секретаря райкома Даниила Георгиевича Куликова. Встретив Николая Бедового, прихватывал его с собой, увозил в отдалён-

ный колхоз или бригаду, где у него было намечено проведение производственного собрания (иногда до 1 часа ночи). Отработал 6 лет, за это время все колхозы были обеспечены основными общественными помещениями.

4 февраля 1954 года в Качанове состоялась регистрация брака Николая Ивановича Бедового и Анны Степановны Байкаловой. Счастье, любовь и согласие — всё в жизни испытать им пришлось... Николай Иванович и Анна Степановна Бедовые в такое непростое, послевоенное время вырастили двойняшек, воспитали двоих достойных детей, дочь Надежду и сына Владимира, научили их жить по совести. Они очень любили своих внуков: и сегодня внучка Елена и внук Алексей уверенно идут по жизни.

1 февраля 1958 году Качановский район был ликвидирован, поэтому Бедовый Н. И. был освобождён от должности. В поисках работы Николай Иванович переехал в город Печоры. С февраля 1958 года работал начальником отдела строительства Печорской торговой конторы (позже переименована в смешторг, а затем в универсальный торг), позднее в этой же организации работал мастером-строителем.

Бедовому Николаю Ивановичу довелось достраивать в 1958 году ресторан «Балтика». Он вспоминал, что в те безденежные послевоенные годы это было достижением.

«Я застал ещё льдо-соляные холодильники в магазинах и предприятиях общепита. Зимой пилили вручную на озере лёд, вы-

возили, складывали в штабеля, засыпали толстым слоем опилок, хватало до глубокой осени. Куски льда развозили по магазинам, закладывали в морозильные камеры, засыпали солью, а через сутки всё повторялось. Только во второй половине 60-х годов на смену примитивным пришли электрохолодильные шкафы, прилавки, камеры».

Также были построены в 1970 году два овощехранилища в естественном грунте, пещерного типа. Сооружение получило высокую оценку, а Николай Иванович был награждён областным управлением торговли именными настенными часами, как инициатор и исполнитель этого проекта.

На пересечении улиц Юрьевской и Свободы стоит двухэтажное здание ресторана «Русь» (ныне магазин «Магнит»). Это строение под руководством Бедового Н. И. закончено в 1971 году.

Личностные качества строителя включают в себя трудолюбие, усидчивость, внимательность, аккуратность, стремление начатое дело доводить до конца, отличная физическая форма, выносливость, высокая исполнительность, пунктуальность, умение работать в команде — всеми этими качествами обладал Николай Иванович Бедовый.

В сентябре 1975 года Бедовый Н. И. назначен начальником Передвижной механизированной колонны № 376 (ПМК 376) треста «Псковсельстрой». Производственной базы фактически не было. Контора размещалась в аварийном доме по улице Рижской, 12.

За два года база была построена: растворный узел, склад для цемента и кровельных материалов, расширены бывшие мастерские, где разместились столярка, кузница, сварочный цех и др. Выполнили реконструкцию и капитальный ремонт гаража на три автомашины. Было построено здание конторы, а бывшее деревянное — переоборудовано под красный уголок. Построили проходную, въездные ворота, ограждение.

Основной объём работ ПМК № 376 выполняло в совхозах района.

Но и в городе Печоры были подрядные объекты. В те годы занимались строительством детского дома по улице Гагарина

(спального корпуса, котельной, подсобных строений), строительством жилого двухэтажного дома и общежития для строителей по улице Ленина и котельной для обслуживания жилых домов по улице Аллейной.

С 1 марта 1978 года Бедовый Н. И. был принят переводом в Печорский комбинат коммунальных предприятий. С 25 марта 1981 года комбинат коммунальных предприятий переименован в производственное управление жилищно-коммунального хозяйства. Бедовый Николай Иванович с этой же даты переведён на должность главного инженера.

Николай Иванович вспоминал, что был безгранично обрадован, когда удалось убедить председателя райисполкома Г. Ф. Грибкова отдать земельный участок по улице Рижской, 12, на месте бывших развалюх ПМК -376, под строительство базы РПУ ЖКХ.

Начало было верное: была «завоёвана» площадка под строительство базы, изготовлена документация, начато строительство базы. Приспособлена бывшая мастерская под гараж на 4 бокса, пристроено 2 бокса. В 1978 году реконструирована баня, построен жилой дом по улице Рижская, 7.

Когда человек нашёл своё призвание, когда получает удовольствие от дела, которым занят, то он обязательно состоится в профессии, проявит свои лучшие качества и станет отличным специалистом. Именно так и сложилось в жизни Николая Ивановича Бедового. Он, как достойный мужчина, построил дом, посадил сад и воспитал двоих прекрасных детей. Мы вправе гордиться таким земляком!

В июле 1988 года Бедовый Н. И. закончил трудовую деятельность. Его трудолюбие, неутомимость, не безразличие к проблемам людей пожилого возраста сподвигли ветеранов в 1996 году избрать его председателем городской ветеранской организации. Николай Иванович создал прочный актив, поэтому у них хватало времени и сил всегда прийти на помощь тем, кто в ней нуждался, поддержать морально и материально. За счёт добровольных пожертвований ветеранов имели возможность достойно поздравить человека с юбилеем и другим памятным событием, навестить с

подарками больного, оказать материальную помощь. И не случайно Печорская городская ветеранская организация в 2001 году была признана среди первичек области лучшей и достойно отмечена областным советом ветеранов войны и труда.

Как участник войны Н. И. Бедовый часто бывал в школах и выступал перед учащимися на военно-патриотические темы, был председателем общественного совета военно-патриотического клуба молодёжи «Рубеж». По его инициативе и при непосредственном участии вышло второе иллюстрированное издание книги П. А. Дятлова «День за днём».

Много сделал он и при создании районной Книги Памяти, в томах которой и его воспоминания о военном лихолетье, и рассказы об участниках войны.

За свою активную трудовую и общественную жизнь Н. И. Бедовый заслужил почёт и уважение печерян, неоднократно награждался грамотами различного уровня, в том числе Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. В 2003 году Николаю Ивановичу Бедовому присвоено звание «Почётный гражданин Печорского района».

Бедовый Николай Иванович много и часто выступал в печати. Его статьи, корреспонденции, зарисовки о родном крае, о печерянах-ветеранах регулярно появлялись в «Печорской правде», областной печати, газете «Ветеран». Он бережно хранил и собирал всё, что касалось родного края (а здесь были и материалы других авторов). Впоследствии они составили основу патриотической книги «Печоры — порубежный край России». Он был инициатором, организатором и редактором этой книги.

В короткие минуты отдыха на войне Николай Бедовый мечтал, что обязательно выживет и обязательно станет челове-

ком, которому по силам рассказать о японской войне и о своих товарищах. И он свою мечту осуществил. Первый выпуск автобиографической книги «От Печор до самых до окраин» был издан в 2003 году, а второе, дополненное издание, увидело свет в 2005 году. Николай Иванович пишет в своей книге о земляках, о боевых товарищах, участниках боёв с японской Квантунской армией. Повествование пронизано чувством любви к родным местам и к Родине в целом.

Николай Бедовый вспоминает: *«Так уже повелось: своеобразной визитной карточкой демобилизованного из армии является фотоальбом. Мой альбом, вопреки его назначению, начинается с маленькой гражданской фотографии, на которой я со своим двоюродным братом заснят до призыва в Армию. Да ещё фотография сестры, которую она прислала мне в запасной полк. Так они и служили мне все долгие годы символическим связующим звеном с домашним очагом.*

Первая армейская фотография: я и мой друг-одногодок Суворин стоим во весь рост в солдатских гимнастёрках, в обмотках поверх ботинок, позади виднеются бревенчатые стены землянки и учебные пособия с табличкой «Отечественные мины».

Смотришь теперь на эти фотографии и удивляешься: как я сумел пронести их через годы и расстояния? Не выбросил в пустынях Монголии, когда в походе и иголка тяжела, сберёг от ливневых дождей, когда нитки сухой не оставалось, не сопрели они от пропотевшего насквозь х-б, уцелели при форсировании реки Ляохэ.

Есть в моём альбоме фотографии многих боевых товарищей, с которыми довелось делить долгие будни солдатской службы в Китае, в Порт-Артуре. О каждом из них можно многое рассказать».

В 2005 году Николая Ивановича не стало. Его жизнь — сознательная, целеустремлённая деятельность, он не прятался за спины других, не искал чинов, наград и льгот. Он просто делал то, что находил полезным для блага Родины, народа, семьи.

Айда Галина Николаевна,
краевед, член Псковского регионального отделения
Союза краеведов России

История личности в истории города (Яр Вера Сергеевна)

Небольшой точкой на карте Псковской области обозначено село Малое Загорье в Карамышевском районе, теперь — это Псковский район, где 11 октября 1932 года родилась Вера Сергеевна Яр (в девичестве Павлова).

Детство и юность её пришлись на военные годы и трудовые послевоенные... Когда началась война, Вера Сергеевна уже закончила первый класс. Семья состояла из четырёх человек. Отец, Павлов Сергей Павлович, ушёл на фронт, мама, Павлова Анна Матвеевна, была партийным работником, поэтому семье нужно было срочно уезжать. В Дно формировался поезд для эвакуированных. Как только отъехали от станции, налетели фашистские

самолёты и начали бомбить эшелон. К счастью, в их состав снаряды не попали.

Приехали в Боровичи. Всех эвакуированных расформировали. Маму Веры Сергеевны направили в Опеченский Посад Новгородской области. Она стала работать при госпитале. Вера там проучилась во втором и третьем классах.

Жизнь была тяжёлая, голодная. У них ничего не было, кроме ложки и железной кружки. Из одежды было только то, что на себе. Были введены карточки, есть хотелось всегда...

Прожили там два года и переехали в сорок третьем году в Кировскую область, где жила мамина сестра. Вера училась в четвёртом классе, когда пришло известие, что освободили Карамышево. Решили пробираться домой. Добирались до села Карамышево, мимо деревни Пикалиха, где жили раньше папины родители. Вся деревня была выжжена, заживо сожгли 180 человек, среди них бабушка и дедушка, тётя, младшая папина сестра. Из построек всей деревни осталась только дедушкина баня, так как она была в стороне, рядом с прудом, где они и стали жить. К осени семья Павловых переехала в город Псков, здесь мама Веры и узнала, что муж погиб.

В Пскове Вера поступила в школу № 9, единственную, уцелевшую. Учеников было много, занятия проходили в три смены. Вера стала ходить вечером, в третью смену. Уроки заканчивались поздно, в двенадцатом часу. В свободное время дети помогали взрослым, занимались расчисткой Пскова, собирали железный лом, организовывались субботники.

В январе сорок пятого года опять страшное горе, после напряжённого труда заболела и умерла мама. Тётя оставила Веру жить у себя, а брата отправили в детский дом в Карамышево. Музыкальную школу Вере пришлось оставить, помогала тёте мыть, убирать, в поле ходить, коров доить.

Несмотря на сложные семейные условия, училась Вера всегда хорошо, хорошо пела, была заводилой всех интересных дел, прекрасно играла в шахматы, даже взрослых обыгрывала. Мечтала стать врачом или пойти учиться в педагогический техникум, но родственники настояли на сельскохозяйственном. В 1947 году,

окончив седьмой класс, Вера поступила в Псковский сельскохозяйственный техникум.

Жизненные условия были трудными: жила на одну стипендию. Окончив техникум, получила профессию агронома. Её направили в город Печоры в отдел сельского хозяйства.

В 1950 году В. С. Яр приехала в город Печоры. И с этого времени вся её трудовая деятельность Веры Сергеевны Яр связана с Печорским районом. В то время в Печорском районе в каждой деревне был колхоз (всего 168 колхозов). За Верой Сергеевной были закреплены Печковский, Сеннской и Ивано-Болотинский сельсоветы. Всю эту территорию она прошла пешком, только в 1953 году купили велосипеды.

Два раза в месяц ездила по колхозам, проводила занятия, рассказывала, как выращивать новые культуры, читала лекции по выращиванию льна, по вводу севооборотов, занималась сортовыми семенами. Принимала участие в разных кампаниях: подписках на займы, выборах в районные Советы депутатов, в организации различных слётов, сельскохозяйственных выставок, спортивных мероприятий.

В 1956 году Веру Сергеевну назначили начальником планового отдела, так как она всегда работала очень ответственно. Если поручали какое-то дело, а она сомневалась или хорошо не знала, то день и ночь сидела за письменным столом и штудировала всю литературу по этой тематике, чтобы самой хорошо во всём разобраться, чтобы, если проверять предприятия, знать все тонкости ...

В 1957 году как активная комсомолка Вера Сергеевна была избрана депутатом райсовета и до 1989 года была им бессменно. За пропаганду сельскохозяйственных знаний была награждена грамотой обкома комсомола.

В 1957 году группа комсомольцев от Печорского района была направлена в Москву для участия во Всемирном фестивале молодёжи студентов. Вера Сергеевна была в составе этой группы. Делегацию нашего района возглавлял Евгений Ординов — первый секретарь обкома комсомола.

Работая, Яр В. С. поступила на заочное отделение Ленинградского финансово-экономического института и окончила его в 1972 году.

Редко судьба и природа бывают столь щедры, чтобы в одном человеке соединить всё, что имеет Вера Сергеевна — трудолюбие, самоотверженность, мудрость, любовь к жизни. Её отличает поразительная энергия и огромный запас знаний в области сельского хозяйства и не только... Она — неутомимая труженица, её трудовой стаж — 42 года.

За добросовестный труд награждена орденом «Знак Почёта», медалью «За трудовую доблесть». Ей дважды вручался знак «Победитель социалистического соревнования», в 1980 году — знак «Отличник Народнохозяйственного планирования».

А в 1983 году за заслуги в области экономической работы Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Вере Сергеевне присвоено звание «Заслуженный экономист РСФСР». А это звание присваивается только высокопрофессиональным специалистам в области экономики и финансов за личные заслуги.

Вера Сергеевна работала красиво, на совесть, и других учила тому же. Была талантливым наставником молодёжи. Она всегда высказывала собственное мнение и пользовалась большим авторитетом у коллег и друзей.

Жизнь Веры Сергеевны проходила нелегко, но очень интересно. Всегда отличалась активной жизненной позицией. И на основном рабочем месте в плановом отделе, где она была председателем плановой районной комиссии, заместителем председателя райисполкома проявляла активность, и на общественном поприще — бессменным депутатом районного Совета.

13 лет Вера Сергеевна была председателем райкома профсоюза государственных учреждений Печорского района, объединяющих 17 местных комитетов. Была активным участником разнообразных обществ: Всесоюзного общества «Знание», Всероссийского пожарного общества, Общества охраны памятников, Общества книголюбов и других. Была начальником материально — технического снабжения гражданской обороны на общественных началах. Ей присуждено звание «Отличник гражданской

обороны» за успешное выполнение служебных обязанностей, достижения высоких показателей и выполнения задач и мероприятий гражданской обороны.

Яр В. С. всегда полностью отдавала и отдаёт себя порученному делу и любимым увлечениям. Благодаря активной жизненной позиции, её жизнь всегда насыщена. Вера Сергеевна много читает. Она говорит: «Если вышла новая книга, а ты её не прочитал, ты какой-то не такой, не от мира сего. Ты обязательно её должен прочитать». Вера Сергеевна — старейший читатель Печорской районной библиотеки.

Особое место в её жизни занимает поэзия:

«Книги добру научили меня,
Книги дарили надежду и силу,
И помогали, как будто родня,
В дни, когда всё мне казалось немым.
Много их было, нелёгких минут,
Много их было, тревог и сомнений.
Но поняла я: коль книги живут,
Не прерывается связь поколений».

(Л. Охотницкая)

Долгие годы Вера Сергеевна является членом литературного общества «Познание», Общества краеведов. Она — автор краеведческих статей сборников «Не прервётся связь времён».

Участников многочисленных встреч и заседаний клубов никогда не оставляют равнодушными выбранные и отлично раскрытые Верой Сергеевной исторические и литературные темы.

Экскурсионное бюро часто обращалось в плановую комиссию за экономическими показателями района. Вера Сергеевна часто проводила лекции, делала экономические обзоры. И когда ей предложили в экскурсионном бюро поработать внештатным экскурсоводом, она согласилась.

С 1973 года, сначала по выходным, а когда вышла на пенсию, в любое время, проводит экскурсии. Живёт интересно, много ездит. Раньше часто сопровождала делегации в Латвию. У неё разработаны авторские экскурсии по городу Печоры, своя экскурсионная программа по Латвии.

Приятно видеть такого активного, мудрого человека, у которого каждый день жизни насыщен событиями. За что ни возьмётся Вера Сергеевна, всё у неё получается, на всё находится время.

Вместе с супругом Вера Сергеевна вырастили и воспитали сына и дочь, дали им образование, научили жить по совести.

Яр Вера Сергеевна стояла у истоков ветеранской организации города Печоры. 19 лет была членом Печорского районного Совета ветеранов. Она прошла свой большой жизненный путь и внесла неоценимый вклад в жизнь ветеранской организации.

Вера Сергеевна — выдающаяся личность нашего города, огромен её вклад в его развитие. Она яркий пример для подрастающих поколений! Энергичная, жизнелюбивая, она заряжает желанием трудиться и познавать! Ведёт активную работу среди молодёжи, проводит экскурсии для школьников, принимает участие в патриотических акциях, слётах, митингах.

Вера Сергеевна отдала своё сердце, душу, лучшие годы жизни нашему городу. С родным городом она неразрывна и сейчас. Члены Общества краеведов рекомендовали её кандидатуру на присуждение звания «Почётный гражданин Печорского района». Инициатива была поддержана Администрацией района и земляками, ведь вся жизнь активной печерянки прошла на виду жителей. За какое бы дело она ни бралась, всегда доводила его до конца.

14 августа 2022 года на праздничном концерте, посвящённом 78-й годовщине освобождения города Печоры от немецко-фашистских захватчиков было объявлено, что Вере Сергеевне Яр присуждено высокое звание «Почётный гражданин Печорского района».

12 октября 2022 года состоялся юбилейный вечер, посвящённый 90-летию Веры Сергеевны — Почётного гражданина Печорского района, ветерана труда, краеведа, старейшего читателя библиотеки и просто уважаемого, доброго человека, страстно влюблённого в свой родной край.

Радость этого события разделили с юбиляром краеведы, завсегда и клубов библиотеки и все, кто ценит, уважает юбиляра и с кем её связывают крепкие и дружеские отношения. Глава

Печорского района Сергей Николаевич Тарасик после душевных поздравительных слов наградил юбиляра Почётной грамотой за плодотворную работу и активную общественную деятельность.

Руководитель Общества краеведов Вера Александровна Шувалова отметила Веру Сергеевну как активного, вдумчивого читателя, поблагодарила за участие в работе библиотечных читательских объединений. Она отметила, что Вера Сергеевна является волонтером и оказывает огромную помощь библиотеке в продвижении книги и чтения, в проведении занятий Общества «Познание», экскурсий, в подготовке краеведческих материалов для сборника «Не прервётся связь времён».

Ведущие юбилейного вечера Галина Николаевна Айда и Людмила Леонидовна Куденкова перелистали страницы жизни юбиляра, отметили основные вехи её биографии. На экране сменялись фото, рассказывающие о разных периодах жизни Веры Сергеевны, мелькали уникальные кадры из семейного архива.

Слова благодарности и поздравлений в этот юбилейный вечер были произнесены А. Н. Качкиной, Н. Г. Плинер, Ю. А. Лазаренко, Н. Н. Андреевой и др. С приветственным словом от ветеранов выступили председатель районного Совета ветеранов Александр Николаевич Демьяненко и Надежда Николаевна Баранова. Они высоко оценили трудолюбие В. С. Яр, энергичность, желание прийти на помощь и взять часть проблем окружающих ее людей на себя.

Музыкальные номера хора «Нива» Районного центра культуры (руководитель Б. С. Королёв) стали украшением юбилейного вечера и создали праздничное настроение у всех присутствующих.

Пройдёт много лет, но память о таких людях, как Вера Сергеевна Яр, вписавших свою страницу в летопись истории нашего древнего города, будет жить вечно.

Кузьмина Нина Георгиевна,
сотрудник Музея печати в Санкт-Петербурге

**Учитель учителей
(Яснова Мария Федоровна)**

2023 год объявлен годом учителя, наставника. В Печорских школах работали многие выдающиеся педагоги, одной из которых была М. Ф. Яснова.

Яснова (Комарова) Мария Федоровна (1907–1990) — учитель русского языка и литературы, завуч Печорской средней школы № 1 (1946–1957), награждена знаком «Отличник народного просвещения», который вручался педагогам за успехи в обучении подрастающего поколения.

Мария родилась во Пскове, т. к. её родители приехали из деревни Пруды Печерской волости Псковского уезда. Изначальная фамилия была — Тарасовы, но во времена Эстонской Республики нельзя было иметь фамилию, происходившую от имени, поэтому

взяли фамилию Комаровы. Родители — Комаров Федор Тарасович (1880–1920) — фельдшер, Прасковья Ивановна (1885–1940) — домохозяйка, прачка. В семье было семеро детей, но выжило только четверо: старшая Мария, Нина Федоровна в замужестве Кох (1909–1987) — переводчица и два брата: Леонид (1911–1941) — начальник Новосибирского института военных инженеров транспорта и Георгий (1912–1923), который уехал из Печор в Воронеж и в 1923 г. умер от туберкулеза. Несмотря на то, что Прасковья Ивановна овдовела в 35 лет, она сумела поднять детей, всем дать образование, благодаря чему они преуспели в профессиональной жизни.

Мария после окончания школы в 1924 году поступила в Тартуский университет на философский факультет и окончила его с наградой за успехи в учебе и выдержала экзамены для приобретения звания учительницы русского языка и философии в средней школе.

Первые годы Мария Фёдоровна работала в разных школах Печорской волости, подменяя заболевших или вышедших на пенсию учителей. Поэтому в каждой школе работала непродолжительный период времени. Можно сказать, что это был трудный период становления учителя. Так, в 1932 году Мария Фёдоровна работала в Рагозинской начальной школе, в первой половине 1933 года — в Пачковской начальной школе, во второй половине 1933 года — в Загодской начальной школе, в первой половине 1934 года — в Лавровской начальной школе, в первой половине 1935 года — в качестве кандидата на учительское место в Бутырской школе. Со второй половины 1935 года по 1937 год работала учительницей русского языка в Печорской средней школе. С 1937 по 1938 год работала в Мотовиловской начальной школе.

Положительный отзыв директора школы о работе Комаровой Марии Фёдоровны, направленный в Министерство просвещения Эстонии, позволил в 1936 году получить звание учителя русского языка и философии средней и специальной школы. Звание учителя надо было постоянно подтверждать. С 1936 года Мария Фёдоровна обучалась на курсах при Таллинской педагогшколе,

по окончании которых предоставила отчет о педагогической деятельности, заслуживший высокую оценку школьного советника, и выдержала экзамены, ей присвоено звание учителя начальной школы, свидетельство выдано 15 июля 1938 года.

С 1 августа 1938 года по 21 июня 1941 года работала заведующей учебной частью Печорской средней школы и учительницей русского языка.

Великая Отечественная война прервала работу в школе.

По возвращении из эвакуации, Мария Фёдоровна продолжила преподавать в школе, поступив на работу в Печорскую среднюю школу, которая приняла своих учеников 22 ноября 1944 года.

В январе 1945 года в Печорах состоялась районная учительская конференция, на которой присутствовало 130 учителей начальных, средних и неполных средних школ. На конференции Мария Фёдоровна Яснова поделилась опытом своей работы.

Накануне 1 мая 1945 года Печорский РК ВКП(б) и исполком районного Совета депутатов трудящихся приняли решение о занесении на Доску Почёта трудящихся, отличившихся в борьбе за восстановление народного хозяйства, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками и оказание активной помощи фронту. Среди отмеченных была Мария Фёдоровна Яснова.

В 1946 года Мария Фёдоровна вступила в ряды Коммунистической партии. Трижды партийная организация выбирала Яснову М. Ф. в члены райкома партии. Также с 1946 года Мария Фёдоровна была назначена завучем школы, а в ноябре 1949 года временно исполняла обязанности директора средней школы¹. Это был период, когда директор Кузин А. К. ушел, а Ф. И. Демидова ещё не назначили.

В 1948 году в Печорской средней школе открылось эстонское отделение, завучем в нём назначили Марию Фёдоровну, так как она знала эстонский язык.

¹ Приказ ОБЛОНО №183 от 12 ноября 1949 г.

*1949 год. Яснова М. Ф. третья во втором ряду
с учащимися седьмого класса*

В 1950-х годах преподавала русский язык и литературу в 8–10-х классах². В сентябре 1952 года в 8-м классе состоялся диктант, после которого Мария Фёдоровна сказала знаменитые слова: *«Положение ужасное. Но я сделаю вас грамотными к концу учебного года, если будете выполнять все мои требования»*³. Была сделана работа над ошибками и к концу года оценки были лучше. Уроки Марии Фёдоровны были настолько интересными, что по воспоминаниям выпускников *«очень часто мы не слышали звонка не только с урока, но и с перемены на следующий урок, т.к. были увлечены рассказом Марии Фёдоровны о первом бале Наташи Ростовской, посещении Чичиковым Коробочки, нас*

² Школьный приказ № 64 от 22 августа 1950 г.

³ Яснецкая Р. Слово об учительнице // Печоры — порубежный край России. Сборник материалов местных авторов. Сост. Н. И. Бедовый. Псков: Издательство Псковского областного центра народного творчества. 2005 . С. 414.

завораживали отрывки из «Слова о полку Игореве», когда Мария Фёдоровна даже пела исповедь князя Игоря из оперы Бородина «Князь Игорь»⁴.

В 1952 году в заметке о предстоящих выпускных экзаменах чувствуется тревога как учителей, так и учеников. «Какие темы для сочинения?». Этот вопрос волнует всех: и экзаменующихся и членов комиссии. — Первая тема, — объявляет преподаватель русского языка и литературы М. Ф. Яснова, — «Разоблачение капиталистического мира в творчестве А. М. Горького (роман "Мать", публицистика)», вторая тема "Патриотизм творчества Н. В. Гоголя" и третья — "Комсомол в годы гражданской войны по роману Н. А. Островского "Как закалялась сталь". На лицах экзаменующихся удовлетворение. Темы знакомые, близкие сердцу каждого. Экзаменационная комиссия приступила к проверке сочинений. «Хорошее начало», — не без удовлетворения замечает Мария Фёдоровна Яснова, откладывая последнюю просмотренную экзаменационную работу десятиклассника»⁵. Так, школьники отличались хорошими знаниями предмета.

Мария Фёдоровна вела активную общественную и партийную работу, причем часто критиковала действия райкома ВЛКСМ. Так говорилось на страницах местной газеты «Член райкома партии тов. М. Ф. Яснова говорила, что в Печорской средней школе нарушается порядок вовлечения учащихся в комсомол, отсутствует помощь райкома ВЛКСМ комсомольским работникам и учителям школы»⁶.

От Марии Фёдоровны можно было услышать не только критику, но и похвалу как ученикам, так и учителям, и родителям. Например, в своей авторской заметке в газете в 1953 году она писала, что «14 мая состоялся педагогический совет о до-

⁴ Яснецкая Р. Учитель учителей // Печоры — порубежный край России. Сборник материалов местных авторов. Сост. Н. И. Бедовый. Псков: Издательство Псковского областного центра народного творчества. 2005. С. 414.

⁵ Александрова Н. Хорошее начало // Печорская правда. 1952. 23 мая.

⁶ Пленуму Печорского районного комитета КПСС // Печорская правда. 1952. 21 декабря.

пуске учащихся 10-х и 11-го классов к экзаменам на аттестат зрелости. Все 64 выпускника допущены к государственным экзаменам, в числе их и те учащиеся, которые прибыли в нашу школу с большими пробелами по математике, русскому языку. Но благодаря кропотливой и настойчивой работе учителей, внимательному и чуткому отношению родителей учащихся и повышенному чувству ответственности перед Родиной самих учащихся, знания их по этому предмету стали более глубокими и прочными»⁷.

Благодаря замечательному преподаванию «литература стала любимым предметом для Черныш, Родионовой, Ермаковой»⁸ и других старшекласников Печорской школы. Мария Фёдоровна сообщала в очередной заметке: «Десятиклассники чувствуют особую ответственность. Они держат экзамены на аттестат зрелости! В первый день они писали сочинения по литературе. Ученицы Пушкин и Черныш получили отличные оценки за сочинения на темы: "Пьеса М. Горького "На дне" как обвинительный акт против капиталистического мира" и "Павел Корчагин и Олег Кошевой". Многие получили хорошие оценки»⁹.

В 1950-х годах практически ежегодно Мария Фёдоровна поздравляла выпускников школы: «В торжественной обстановке вечер открывает М. Ф. Яснова, которая поздравляет выпускников с успешным окончанием учебы в стенах школы»¹⁰.

Печорская средняя школа ежегодно во время студенческих каникул проводила вечер встречи с бывшими своими выпускниками. Так, в 1960 году состоялась юбилейная — 15-я встреча. В числе выпускников «много и таких, которые окончили вузы и имеют уже немалый трудовой стаж. Такой вечер встречи состоялся 2 февраля в районном Доме культуры.... Один за другим поднимаются на трибуну бывшие выпускники школы. Среди вы-

⁷ Яснова М. завуч Печорской средней школы. Перед экзаменами // Печорская правда. 1953. 17 мая.

⁸ В Печорской средней школе // Печорская правда. 1953. 22 мая.

⁹ Яснова М. заведующая учебной частью. Итоги первых экзаменов // Печорская правда. 1953. 29 мая.

¹⁰ Чернышева В. Вечер выпускников // Печорская правда. 1954. 27 июня.

ступающих были Э. Крузе, которая сейчас учится в Псковском педагогическом институте, Л. Яснов — студент Ленинградского университета и другие»¹¹. Кто не смог присутствовать прислали приветственные письма и телеграммы.

Мария Фёдоровна часто делилась своими мыслями о роли и задаче учителя. *«Трудная работа у учителя. Ведь каждый ученик — это особый характер, особый сложный мир. Вот нам и надо находить к нему путь, завоевать его доверие, внушить любовь к труду, школе, коллективу. А самое главное — ученик должен выйти из стен школы честным, принципиальным, трудолюбивым человеком, человеком, достойным нашей великой эпохи»*¹².

В 1961 году в газете помещена большая статья о выпускниках школы, которую написала Э. Крузе. *«Каждый из нас с благодарностью думает о требовательных, но справедливых преподавательницах и о бывшей заведующей учебной частью М. Ф. Ясновой... Мария Федоровна! Ведь она была для нас самым внимательным, самым отзывчивым другом! Марию Федоровну Яснову вспоминают с благодарностью очень многие. Вот хотя бы несколько слов из письма бывшего ее ученика, ныне летчика Бронислава Бабкина: «Передай, пожалуйста, всем привет, и особенно Марии Федоровне Ясновой и Ольге Сергеевне Масленниковой. Ведь большую долю вложили они в мое настоящее, в то, кем я есть сейчас»*¹³. Так, что требовательность учителей сказалась на воспитании и даже выборе жизненного пути многих печерян. Впоследствии, многие выпускники, благодаря дару педагога Ясновой М. Ф., стали преподавателями, учителями и научными работниками.

В 1987 году на страницах местной газеты поместили статью, посвященную 80-летию М. Ф. Ясновой, в которой говорилось, что она *«всегда строго одетая, подтянутая, обладала магической силой. Как только её увидишь, сразу хочется поправить*

¹¹ Они встретились снова // Печорская правда. 1960. 7 февраля.

¹² Янова М. Преподаватель средней школы № 1. Почетная задача учителя // Печорская правда. 1960. 4 декабря.

¹³ Крузе Э. Это прекрасная традиция, и её надо сохранить // Печорская правда. 1961. 8 февраля.

что-то в своем костюме, выпрямиться». Особенно запомнились уроки литературы, например, *«посвященные творчеству В. Маяковского. Как она рассказывала, как читала. Ребята сидели как заворожённые»*¹⁴.

Выпускники школы отмечали, что *«пройдут еще годы. Сегодняшние выпускники средней школы станут инженерами, врачами, высокообразованными людьми самых разнообразных профессий. И все они сохраняют большие чувства благодарности к Печорской средней школе, к учительнице по литературе Марии Фёдоровне Ясновой и другим педагогам за то, что они хорошо учили, хорошо воспитывали»*¹⁵.

Мария Фёдоровна в школе проработала более 50 лет, выпустив в жизнь сотни учеников. От многих бывших учеников она получала письма, вела активную переписку. К ней обращались за советом, рассказывая о своих успехах или трудностях, но в основном в письмах были слова благодарности.

Сохранилось несколько подарков от учеников и целых классов выпускников. Альбом для фотографий с выгравированной надписью от 1941 г., второй с надписью на эстонском языке, а также несколько картин: И. К. Айвазовский «Девятый вал», И. И. Шишкин «Рожь» и «Утро в сосновом лесу» и др., вазочки. Эти знаки внимания и благодарности Мария Фёдоровна бережно хранила у себя дома.

В 1914 г. семья Тарасовых-Комаровых проживала в деревне Пруды. Отец Марии, Федор Тарасович, служил в больнице фельдшером. Жили при больнице. Прасковья Ивановна работала прачкой. В 1920 году, когда умер отец, семье пришлось искать новое место жительства. Помогла учительница Пачковской школы, которая дала возможность Прасковье Ивановне разместить семью в доме при школе и обеспечила её работой уборщицы. Через год, в 1921 году, Прасковья перешла на работу прачкой в Печорскую больницу, для проживания семьи дали комнату, в ко-

¹⁴ Батракова Э. Низкий вам поклон. К 80-летию М. Ф. Ясновой // Печорская правда. 1987 г. 11 апреля.

¹⁵ Воронова И. Аттестат зрелости // Печорская правда. 1952 г. 25 июня.

торой в 1980-е годы находилась медицинская библиотека. Позже переселились в домик в деревне Пачковка. Учеба в Тартусском университете была платной. Поэтому летом Мария Фёдоровна, приезжая на каникулы, помогала маме стирать белье, а также давала частные уроки.

В 1932 году Мария Фёдоровна и Василий Григорьевич создали семью, в связи со свадьбой встал вопрос о покупке нового дома. Выбор пал на дом 27 по Псковской улице, вероятно потому, что было близко до школы, находившейся на Кирочной улице (ныне ул. Гагарина). До этого, по семейной легенде, в доме находилась начальная школа. Возле дома В. Г. и М. Ф. Ясновы посадили деревья: перед домом — рябину, а во дворе — клен. Почему были выбраны именно эти виды деревьев, мне думается, что на рябине к сентябрю появляются красивые красные гроздья ягод, а листья клена желтеют и краснеют именно в осеннюю пору, когда начинается новый учебный год. Выросшие деревья очень украсили улицу. К сожалению, деревья не сохранились.

Для покупки дома в 1932 году в банке взяли ссуду. Дом состоял из трех квартир: 3-комнатной, 2-комнатной и 1-комнатной. В самой большой — трехкомнатной квартире жили сами, а две другие сдавали внаём. Во время войны в 3-комнатной квартире поселился немец Герберт, от которого осталась немецкая кружка. Он исправно платил банку плату за проживание. Благодаря этому к концу войны удалось полностью рассчитаться за дом.

В ноябре 1933 года родился первенец — Георгий, которого назвали в честь брата Марии и Нины, т. е. как дядю, который уехал из Печор в Воронеж и в 1923 году умер от туберкулеза. В заботе о внуке очень помогала бабушка — мама Марии — Прасковья Ивановна до своей кончины в 1940 году.

В довоенное летнее время приезжали родственники — сестра Нина с мужем. Все вместе ездили отдыхать на ближайший курорт — г. Пярну. Также отдыхали и работали в саду, собирали урожай яблок. Иногда ходили в монастырь. В 1939 году родилась дочь — Ирина, которая погибла в 1943 году.

В 1941 году началась война. 8 июля в Печоры вошли немецко-фашистские войска и нужно было срочно уезжать. Мария Фёдоровна отправилась в эвакуацию с двумя детьми в Татарию, в поселок Муслимово, что в 300 км от Казани, преодолев почти 2000 км от Печор. Василий Григорьевич последовал за ними. Через полгода, в январе 1942 года его призвали на фронт, и он уехал. В июле 1942 года родился третий ребенок — Леонид. Там, в эвакуации, не смотря на трудное время, бытовую неустроенность, Мария Фёдоровна преподавала в местной школе русский язык и литературу. На эти средства семья выживала. Старшему, Георгию, было 7 лет, и в 1941 году он пошел в Муслимовскую школу, где отучился первый и второй классы. Он помогал маме: ходил за продуктами на рынок, общался с местными жителями и немного выучил татарский язык. Даже во взрослом возрасте не забылся счет от одного до десяти, но я запомнила только до трех: бер, ике, ич.

В 1944 году семья вернулась в Печоры в свою квартиру, в дом 27 по Псковской улице. В 1945 году Василий Григорьевич вернулся с фронта.

Любимым местом отдыха был сад, в разных местах которого были поставлены несколько скамеек, где собирались гости. Мария Фёдоровна умела петь и танцевать.

В саду росли яблони, вишни, крыжовник, смородина, малина, сажали картошку, клубнику. Больше всего Марии Фёдоровне нравилось выращивать цветы: пионы, нарциссы, флоксы, но особенно красивы были выращенные ею розы. Розы всем очень нравились. Каждую осень Мария Фёдоровна укрывала розы еловыми ветками, чтобы они не замерзли зимой. С 1975 года ежегодно меня отправляли на лето в Печоры, и я помогала в саду полоть огурцы, окучивать картошку, собирать ягоды, яблоки, вишню.

Мария Фёдоровна делала заготовки на зиму: варила варенье из ягод крыжовника, смородины и малины, солила огурцы, особенно удавались малосольные. Молоко и сметану приносила молочница-эстонка, с которой Мария Фёдоровна говорила по-эстонски. Эстонский язык они с Василием Григорьевичем выучили ещё в 1920-е годы, когда Печоры назывались Петсери и были частью Эстонской Республики. Это молоко Мария Фёдоровна заставляла нас, внуков, пить, я отказывалась, тогда бабушка мне давала малинового варенья, и только тогда я его ела и запивала молоком. Мария Фёдоровна хорошо готовила, особенно тушеного кролика или телятину, которые ели с молодой картошкой и салатом из огурцов с помидорами и зеленью.

Мы часто приезжали в гости на праздники: на 1 мая, 7 ноября и на лето. Квартира состояла из гостиной, столовой и спальни, а также кухни-прихожей. Причем, когда мы приезжали в гости, нам, внукам, запрещалось входить в спальню, т. к. бабушка там отдыхала, иногда днем. В основном, она читала газеты «Правда», «Известия», «Труд», «Литературная газета».

В доме всегда было много книг, можно сказать была домашняя библиотека: очень толстое собрание сочинений Пушкина, весьма потрепанное и многотомное собрание сочинений Чехова и др., журналы «Звезда» и «Иностранная литература».

Часто в гости приходили Печниковы. Они очень любили общаться, скорее всего, на различные новостные темы, которые

вычитывали в газетах. Телевизор появился только в конце 1970-х годов. Нам бабушка никогда и ничего не рассказывала ни о своей работе в школе, ни о довоенной жизни, ни о войне, эвакуации, никаких политических разговоров.

Мария Фёдоровна любила вышивать гладью, крестиком нарядные полотенца, скатерти, наволочки на подушки. Сохранилось несколько её работ. В 1970-х годах многие товары были в дефиците, особенно ковры. Поэтому Мария Фёдоровна вышила разноцветными нитками для нас ковер, и он украшал нашу квартиру в Риге.

Бабушка была строгая, надо было всё делать правильно и вовремя. Днём же она проводила для меня занятия по русскому языку, которые я не очень любила, но надо было делать, запоминать «то, либо,нибудь, кое», которые надо было писать через черточку.

Еще мы учили пословицы, поговорки и скороговорки, особенно запомнилась такая: жили-были три китайца — Як, Як-цидрак и Як-цадрак-цидрони, поженились китайцы Як на Ципке..., родились у них дети, перечислялись их имена, последнего звали Як-цидрак-цидрони... дримпомпони. Эту скороговорку нужно было произносить в ускоренном темпе. Так тренировалась дикция, развивался речевой аппарат.

Перед сном, летними вечерами мы всегда ходили гулять и любоваться на печорскую Швейцарию. Это за эстонской школой. Там, в саду был крутой обрыв и два пенёк от деревьев, на которые мы усаживались и глядели вдаль, где виднелась даль-далекая, аж до леса. Там мы делали дыхательные упражнения: вдыхать надо было носом, а выдыхать ртом.

Мария Фёдоровна знала много русских народных сказок, которые рассказывала нам, внучкам. Особенно запомнилась сказка о Василисе Прекрасной, за которой Иван-царевич ходил в царство Кошечья Бессмертного. В сказке периодически повторялись некоторые слова: в первый раз Иван-царевич сделал то-то, во второй то-то, в третий ещё что-то. Замечательная сказка на ночь, под которую я быстро засыпала. Бабушка любила говорить, что утро вечера мудренее.

Часто из окна спальни мы любовались на красивый бело-синий дом — особняк Русакова. Летом днем мы ходили на почту, в магазин и летний павильон, где находилось детское кафе. Этот павильон стоял рядом со зданием гимназии, напротив пруда с островом, на котором стояла скульптура мальчиков с рыбкай. Павильон был небольшой, круглый, окрашенный синею краской и разрисованный картинками героев мультфильмов: Чебурашка, крокодил Гена, Буратино и др. Когда я приезжала в 2011 году, я нашла то место, где был павильон, по водопроводным трубам, которые ещё остались на забетонированной площадке, служившей полом кафе, ныне поросшей травой.

Матвеев Николай Петрович,
краевед, член Псковского регионального
отделения Союза краеведов России

Семья Воронковых — достойна своих изборских пращуров

Изборск — одно из древнейших поселений на Руси. Он даже старше Пскова и всегда являлся форпостом на его юго-западной границе, защитники которого мужественно сражались с многочисленными врагами, не давая пройти им к Пскову. Земля изборская обильно полита их кровью, и на этой земле продолжают жить потомки тех славных витязей, которые не посрамили их в деле защиты своей Родины.

О такой боевой семье Воронковых и пойдёт речь. Мне удалось встретиться в юбилейный год 75-летия Великой Победы над фашистской Германией с Дмитрием Васильевичем Воронковым,

*Воронков
Дмитрий Васильевич*

одним из последних в нашем районе не опрошенных участников той войны и записать его воспоминания.

В семье Василия Воронкова, коренного жителя Изборска, было 6 детей. Старший сын, Василий, родился в 1915 году. Имя ему дали в честь отца, который в то время воевал на фронте Первой мировой войны в Карпатах. По преданию, если родится сын и ему дать имя отца, то он вскоре придёт с войны. Примета сбылась, и он вернулся домой, правда, без руки.

Василий Васильевич в армию был взят ещё в 1939 году, в Эстонский корпус, в котором оставался до войны с гитлеровской Германией. Ему воевать пришлось на многих фронтах. Оборонял, Москву, освобождал Великие Луки, дошёл до Эстонии. После войны вспоминал, что особенно тяжёлые бои шли за Великие Луки. Он был пулемётчиком станкового пулемёта «Максим». Однажды трое суток пришлось лежать в снегу, немец не давал подняться. Спасли свои же, вернее их трупы, которые пали во время атаки и всюду лежали на снегу. Их было много, вот за ними Василий и скрывался.

После Великих Лук дальше части Красной армии с боями двигались на запад. Вспомнился ещё один случай. Освободили какую-то деревушку, наши солдаты идут через неё. Вдруг в одном доме послышался резкий плач ребёнка. Один солдат, изборянин, (фамилию запомнил) вскочил в дом, взял ребёнка на руки, и в это время немецкий снаряд угодил прямо в дом. Погибли оба.

В 1944 году дошёл до Эстонии, освобождал Таллин, а потом воевал на острове Сааремаа, где в одном бою потерял кисть руки. На позиции надо было перебежать из одного окопа в другой, и в этот момент попал под очередь немецкого пулемёта. Одна пуля попала в плечо, а вторая в правую руку и раздробила кисть руки. Василий Васильевич всю войну воевал пулемётчиком и был награждён многими боевыми наградами. Когда вернулся на родину, стал работать заведующим Изборской сельской библиотекой и все годы своей трудовой деятельности посвятил воспитанию молодого поколения, является родоначальником краеведческого музея в Изборске. Теперь это Государственный историко-архитек-

турный и природный музей-заповедник Изборск. Ко всему этому Василий Васильевич ещё был и поэтом. Стихи писать начал ещё в юности и не расставался с блокнотом и карандашом на фронте, в затишье между боями записывал свои стихотворения. После войны женился. Сын в настоящее время живёт в Эстонии.

Дочь Василия Воронкова, София, родилась в 1920 году. Она была хорошей портнихой. Когда установилась в Эстонии советская власть, София выучилась на трактористку и стала первой в Печорском крае женщиной-трактористкой. Все удивлялись, что девчонка едет на гусеничном тракторе, и вся ребятня бежит за ней.

Когда началась война, то перед оккупацией Печорского края она хотела уехать на велосипеде в Россию, так как была комсомолкой, но на границе русские пограничники её не пустили, а велосипед отобрали. Немцы заняли Изборск, они обосновались в доме купца Белянина, Софию забрали туда как работницу, где она мыла полы и занималась уборкой. А потом её увезли куда-то за границу. Оттуда ей удалось бежать при помощи знакомой иностранки. Она попала на корабль, но тот оказался из нейтрального государства. Сначала её привезли в Ригу, а потом оказалась в Голландии, а оттуда через Красный Крест она попала в Швецию. После войны ей попасть на родину что-то мешало, и она осталась жить в Швеции.

Повидаться с ней родным удалось только в шестидесятые годы, когда она по туристической путёвке приехала в Ленинград, но до Пскова у неё не было разрешения, но зато каждому родственнику было разрешено побыть с ней одни сутки, и все члены семьи Воронковых ездили к ней встречаться в Ленинград. В Швеции София Васильевна вышла замуж за шахтёра, но детей у них не было из-за возраста.

Младшая сестра Дмитрия Васильевича, Александра, 1933 года рождения, после войны получила образование и всю жизнь работала преподавателем немецкого языка в Псковском педагогическом институте. Замужем не была и жила в одиночестве. В 1982 году умерла.

В беседе Дмитрий Васильевич рассказал, что он родился 6 июня 1926 года и был моложе брата Николая, который родился в 1924 году. Когда началась война, его не успели мобилизовать, и он жил в оккупации вместе с родителями в доме, который построил отец при помощи родни в 1938 году.

Учиться Дмитрий начал ещё при Эстонии. Учебники были старые. Один урок в неделю был эстонского языка, а когда пришли немцы, то ввели ещё и урок немецкого языка. Вначале в Изборске школ как таковых не было. Классы были разбросаны по домам, но позднее учитель Макаровский Алексей Иванович на свои деньги на крепостном валу построил 6-классную школу, в которой Дмитрий учился. Ему удалось окончить 6 классов. В школе преподавали Закон Божий, учеников водили в церковь. В пост заставляли говеть. В Изборске при Эстонии ещё был Народный дом, в котором проводились гулянья. Этот дом для клуба по дешёвке продал купец Василий Белянин. Теперь в нём находится краеведческий музей.

При Эстонии отец Дмитрия Васильевича имел пахотной земли 15 га и 2 га сенокоса. Когда родился сын Дмитрий, тогдашний президент Эстонии Пятц дал отцу ещё 0,5 га земли. В хозяйстве была лошадь и 4 коровы. Занимались выращиванием льна, который давал семье основной доход. Однажды перед весенней посевной в семье Василия Воронкова пала лошадь, видно, от старости. Выручил сосед-купец, Василий Белянин, дал адрес в Эстонии, и отец оттуда привёл коня. Но Василий Белянин за покупку сразу денег не взял, а тут война. Вот такие были купцы!

Ещё при Эстонии, в одно лето поднялась буря и загубила весь урожай. Тогда Дмитрию пришлось пасти коров у брата отца, Сергея, целое лето. Дядя был более зажиточным, а семья небольшая. Ему приходилось и грядки полоть, и воду таскать, а главное пасти коров. И за всё это заработал мешок зерна. Дядя жил в одном конце Изборска, а пастбище находилось в другом, и через весь посёлок надо было гнать коров утром, а вечером обратно. Коровы были в каждом доме.

Сын дяди Сергея стал зажиточным, приобрёл молотилку, мельницу. Во время войны стал омакайтсе, но был безвредным.

По специальности был плотником, столяром, и его использовали в роли рабочего. Делал мебель: столы, стулья, скамейки. В операциях против населения участия не принимал. Поэтому после войны его «труд» был оценен минимальным сроком наказания — 5 лет лагерей. После отсидки жизнь у него как-то не сложилась. Его отец пережил всю войну, а потом был раскулачен, но не выслан. Отобрали молотилку, часть имущества, лошадь, скот. Его сына звали Павел, он был женат, и имел сына Владимира, но он здесь не живёт.

Мирную жизнь изборян прервала война, и первая бомба, сброшенная с немецкого самолёта, который прилетел со стороны Печор, взорвалась недалеко от дома Воронковых, в огороде. От взрыва все 6 окон в доме не пострадали. Те, которые открывались, взрывная волна их распахнула, а у тех, которые не открывались, рамы как будто выставили и поставили их к стене дома, даже стёкла не разбились. В это время, когда произошёл взрыв, Дмитрий сидел за столом и ел. Неожиданно от взрывной волны у него из руки вылетела ложка и кусок хлеба. В предчувствии беды отец Дмитрия велел запрягать лошадь, грузить необходимое и ехать в сторону Пскова, но пришло сообщение, что на границе никого не пускают. Пришлось отменить это решение.

Немецкая оккупация тяжёлый след оставила в жизни населения Изборска, в частности, семьи Воронковых. В беседе вспоминал Дмитрий Васильевич, что в сентябре 1941 года, они ехали на лошади по шоссе Псков — Рига. Он сидел на телеге с левой стороны, свесив ноги. Навстречу, в сторону Пскова, двигалась большая колонна крытых машин, в которых сидели немецкие солдаты, а сзади к грузовикам были прицеплены пушки. Их было много, и Воронковы стояли, в ожидании, когда проедут. В конце немецкой части ехала легковая машина, за рулём которой сидел старый немец, фриц — так он их называл, а рядом сидел настоящий фашист. Неожиданно их машина свернула в сторону и с ходу бампером ударила в телегу, где сидел Дмитрий, свесив ноги, он тут же почувствовал сильную боль в левой ноге. Из машины выскочил эсесовский офицер и с криком «партизанен» дуло его «вальтера» упёрлось в лоб Дмитрия. Заподозрил, что

Дмитрий партизан, который считает, сколько проехало военных машин. Тут же из машины выскочили два стройных офицера и оттащили его от юноши, не дали выстрелить. Приказали привезти в волость к тогдашнему старосте. Тот был деревенский мужик, фамилию Дмитрий не помнит. Подошёл к нему, внимательно посмотрел и говорит: «Найн, ниht партизанен». Тогда те двое оттолкнули ээсовца и разрешили отцу с матерью увезти сына домой.

Нога сильно болела. А чем лечить? Врачей нет, лекарств тоже. Мать мазала ногу сметаной. У них в доме квартировал врач, по национальности чех. Видимо, он узнал, что у хозяев пострадал сын.

Уже был вечер. Вдруг входит в дом солдат в чешской военной форме. Увидев какими «мазями» мажут больную ногу, тут же резко отдёргнул руку матери и строго произнёс: «Матко!», и ушёл. Через некоторое время к дому подъезжает машина, и входит он с подручным, молча сажают Дмитрия в мешок и на машине куда-то повезли. Становилось страшно. Куда везут? Наконец привезли в Псков. Остановились у какого-то дома с тремя комнатами, положили на пол в угол. Утром приходит этот чех с двумя другими, тоже в такой же форме. Они все по очереди осмотрели ногу, переговорили о чём-то и вышли.

Дмитрий продолжает: «Через некоторое время вновь вошли, дали мне что-то понюхать, и я отключился. Что они делали с моей ногой, какую операцию с раздробленной костью они проводили, не знаю. Только нога была забинтована, потом приносят трубу, разрезанную вдоль пополам, накладывают на ногу и закрепляют. В другом углу комнаты лежал немец с забинтованным горлом и головой. Похоже, это была больница. Не знаю, сколько времени я там лежал. Потом меня перенесли в другую маленькую комнату, где жила женщина средних лет, и она со мною помучилась. Моя нога была зажата в железо, не позволяла не только двигаться, но даже шевелиться. Такая была тяжёлая. Не помню, сколько там был, как за мною ухаживала, кормила. Только помню, что её звали тётя Саша. Проблема была с туалетом, он был городской, но как-то справлялась, и я ей по сей день благодарен.

Наконец пришли опять те люди, посмотрев ногу, сняли «оковы», посадили снова в мешок и повезли обратно. Когда выехали из Пскова, развязали его и показали мне природу, а по дороге навстречу от Риги я видел двигающиеся немецкие машины. Шёл первый год войны, был конец сентября. Когда подъехали к границе, надо мной опять завязали мешок и благополучно привезли домой. Граница по-прежнему, как и в мирное время, была на замке. На ней стоял кордон и охраняли его омакайтсе.

Потом домой ко мне вновь пришёл тот же чех. Разбинтовал ногу, а там гной. Тогда принёс какие-то тюбики с мазью. Так меня лечили. А уже через полгода немцы забрали работать на строящийся аэродром «Барканово», что тянулся от деревень Березнюк, Лебеды, Затрубье до Давыдова Конца.

Партизан как таковых в Изборске не было, появлялись, когда я уже работал на аэродроме около Лебедев, какие-то мужики со стороны Бор-Бельково, заходили к отцу поговорить, спрашивали, какие деревни находятся вокруг аэродрома, и уходили».

В Изборске находились пленные, и двое постоянно работали в больнице. Немец, который ими управлял, звал: «Николай, Пашка, сделайте то-то, принесите воды». А колодец на улице был один. Пленные находились в здании, где сейчас почта. Как бы небольшой концлагерь. Целый сарай был ими набитый. Они что-то делали, помню, зимой расчищали дороги от снега, да таскали на кладбище мёртвых. Их охраняли омакайтсе и издевались над ними. Чуть что, сразу расстрел. Однажды Дмитрий шел от хутора, смотрит, омакайтсе (не стал называть фамилию) ведёт высокого мужчину в нижнем белье, вдруг останавливается и из винтовки стреляет в него. Молодой человек испугался и убежал.

Было много умерших и расстрелянных, их увозили хоронить на Изборское кладбище, при входе на него, с краю, они там похоронены. К дому Воронковых на колодец пленные ходили за водой. Мать что-нибудь давала им поесть: кусок хлеба, картошки.

Звери были омакайтсе, которые охраняли их. После войны в Изборск приезжала комиссия и спрашивала, где содержались пленные. Им показывали каменный сарай, стены которого были покрыты следами от пуль. Верхние следы были от предупреди-

тельных выстрелов, а нижние, в рост человека, когда расстреливали людей, поставив к стенке. Перед освобождением района их куда-то увезли.

В 1942 году немцы начали строить аэродром около деревень Барканово, Лебеды. По документам вермахта он числился, как «Парканово». На его строительство и обслуживание была привлечена большая масса населения, не только из Печорского края, но и других мест Псковщины. На аэродроме работали и изборяне, в том числе и Дмитрий Воронков. Жили в бараках на краю песчаного карьера, откуда брали песок. Деревню не помнит. Зимой в бараке было холодно, там стояла небольшая печка, давали немного каменного угля и полено дров, чтобы разжечь уголь. Лагерьей было много, они располагались в разных местах. Были псковские, отдельно обозерские. Бывало, зимой, после банного дня, кто-нибудь возвращался оттуда с замороженной щукой на плече, как поленом. Возили строителей раз в две недели домой помыться в баню и предупреждали, что за неявку в назначенное время на отправку назад накажут родителей. Кормили плохо, домой уезжали всегда голодными. В одном оставленном хозяином доме, около Подлесья, молодые люди нашли бочку квашеной капусты, так её без всего руками ели, как лакомство.

Из тех барачков, которые находились недалеко от деревень, работающую молодёжь отпускали в них на гулянье. Однажды Дмитрий с напарником пошёл на гулянье в деревню Умковичи. Его напарник пригласил полуверскую девушку, так его местный полуверец ударил по голове гирькой, привязанной к цепочке, и ничего ему не сделали. Не лезь к нашим девкам. Такие были омакайтсе.

Вокруг аэродрома стояли зенитки. Однажды летом, рано утром на рассвете, с востока налетели 8 наших штурмовиков и в районе Березнюка всю площадку так разбомбили, что немцам пришлось подводить туда узкоколейку для подвоза песка. Одна батарея зениток была установлена у деревни Лопотово. Молодые люди работали на самом аэродроме, их ни к каким мастерским, помещениям, ангарам не подпускали.

В Подлесье за нынешней школой тянулся большой овраг, а в войну там внизу располагались немцы. Были установлены палатки, проведено электричество, говорило радио, фашистские вояки жили активной жизнью, будто не на войне: шумели, веселились, играли. «Я как-то стоял на краю глубокого оврага и наблюдал сверху за ними, — рассказывал Дмитрий Васильевич, — пока подошедший сзади немец не ударил меня по голове два раза палкой. Подвело любопытство».

Однажды летом 1944 года со стороны Печор тихо прилетел самолёт советских войск и сбросил бомбу точно на один из двух стоящих домиков в овраге в районе деревни Подлесье. Лётчик, видимо, знал координаты этих объектов, полученных от неизвестных информаторов, его бомба угодила в дом, где хранились штабные документы, а сам штаб находился в пятидесяти метрах от него. В возникшей суматохе в войсках вермахта с аэродрома начали разбегаться из трудовых лагерей рабочие. Немцы, очевидно, уже готовились менять дислокацию, поэтому они не преследовали их. Убежавший Дмитрий и дома, до прихода советских войск, продолжал скрываться от посторонних глаз, так как омакайitse знали, где он работает, и как дезертира могли расстрелять.

23 июля 1944 года силами советских войск 67-й армии был освобождён Псков, и началась мощная наступательная операция Красной армии по освобождению Прибалтики. Уже 30 июля 1944 года Изборск был освобождён, в боях за который отличилась 376-я стрелковая дивизия. Вскоре мужское население призывного возраста было призвано в Красную армию комиссией при полевом военном комиссариате 67-й армии, в том числе и братья Воронковы: Николай и Дмитрий. Всем сказали: «Пока находитесь дома. Никуда не уходите. Ждите повестки».

После освобождения Печор 11 августа 1944 года братья были призваны в Красную армию. Николая сразу зачислили в действующую армию, а Дмитрия направили сначала в 233-й запасной полк, где его обучали вместе с другими молодыми новобранцами строевой и боевой подготовке, изучали оружие и стрельбу из

него, учили окапываться и ползать по-пластунски. «И так дополз до города Валка», — шутил в рассказе Дмитрий Васильевич. Его полк двигался за боевыми частями. В одном месте он оказался на нейтральной полосе. Впереди немцы, а сзади наши.

На дороге в лесу Дмитрия поставили часовым. Приказали останавливать всех, кто по ней идёт, вопросом: «Стой! Кто идёт?» Если не отвечает, снова: «Стой! Стрелять буду!». Стоит. Уже темнеет, страшновато становится. Слышит, идёт кто-то. Кричит: «Стой! Кто идёт?». «Свой!», — отвечает идущий. «Стой! Кто свой? Стрелять буду!», — снова кричит. «Ну, что ты по голосу брата не узнаёшь?», — отвечает Николай.

Он служил у пулемётчика вторым номером. Может, братья и встречались на позициях, но все в шинелях, касках, поди — узнай из окопов. Дмитрий постоял с братом, поговорили, и тот ушёл. Ему надо было принести патроны. Это была их последняя беседа, на второй день Николай погиб.

По рассказу его товарищей, их было трое. Как только они вышли из леса на поляну, их всех троих сразил немецкий снайпер. Николай шёл посередине. Его снайпер сразил простой пулей первым, крайних поразил разрывными пулями. Это было на латышском хуторе Рулли. Командир дал ещё дух солдат, и Дмитрий с ними пошли на хутор искать брата. Встретили женщину, она плохо говорила по-русски, но объяснила, что их тела погрузили на «таратайку» и куда-то увезли. Могилу тогда не нашли. Уже после войны, когда Дмитрий Васильевич работал шофёром, то ездил в Валгу, на хутор Рулли, но никто ничего не мог сказать, где их могила. Думал ещё раз съездить, но помешала «перестройка», и всё рухнуло.

Дмитрий Воронков на фронте был стрелком и всю войну прошёл с винтовкой, только один раз ему пришлось стать пулемётчиком. Молодых бойцов особо не пускали на передовые позиции. Шли вторым эшелоном. Поставляли боеприпасы наступающим войскам, подбирали раненых после взятия населённых пунктов.

В наступательной операции по освобождению столицы Латвии Риги требовались большие силы. Чем ближе к ней продвига-

лась Красная армия, тем упорнее оказывали сопротивление гитлеровцы, и советскому командованию приходилось в бои вводить и запасные полки.

Дмитрию Васильевичу, как говорится, сполна пришлось «понюхать пороху», когда он со своим полком принял участие в наступательных боях на рижском направлении. Когда брали городок Апе, там был сильный пожар, от него чёрный дым застилал всё вокруг до самой земли, так, что этого не забыть никогда. Под прикрытием густых клубов дыма солдаты выползли на окраину городка. А впереди, смотря, на них идут цепью немцы в пол оборота и стреляют из автоматов. Но их пули из-за расстояния не достигали красноармейцев. Наши в свою очередь из винтовок метким огнём остановили их и заставили пятиться назад, оставляя трупы на земле. Винтовка в обороне показала свои лучшие качества, чем автомат — оружие ближнего боя.

От Апе начали наступление на Ригу, в основном ночью, так как днём даже головы немцы не позволяли высунуть, тут же открывали массированный огонь. Уже после войны Дмитрий Васильевич по карте хотел проследить тот путь от Апе, по каким места прошли до Риги, но ничего не мог вспомнить, потому что шли в основном ночью и ничего не видели. На складах им были выданы фонарики.

Перед самым наступлением на латвийскую столицу в отделении, в котором служил Дмитрий Воронков, неожиданно заболел пулемётчик Осипов, а без пулемёта идти бойцам в атаку было смерти подобно. Тогда командир взвода на роль пулемётчика назначил молодого бойца — Дмитрия Воронкова, благо он был обучен стрелковому делу и с автоматическим оружием. Отложив свою винтовку, взял ручной пулемёт РПП, с которым в уличных боях освобождал Ригу. Огнём пулемёта подавлял вражеские огневые точки, прижимал к земле головы фашистов, не позволяя им вести прицельный огонь по нашим наступающим красноармейцам.

После освобождения города их часть снова отправили на переформирование. На вопрос: «В оккупации был?», ответил: «Да»,

- Комсомолец?
- Нет.
- Во второй эшелон.

И снова в поход, пешком, 30 км. Кормили один раз в день, таким образом дошли до Эстонии. Перед ними — море, а в море — остров, оттуда немцы из пушек нашим войскам не давали жизни. Кругом камни, из-за них головы нельзя было высунуть. Тут же с острова немцы открывали огонь, на нём также находились и омакайтсе. Потом прилетели наши самолёты и разбомбили вражеские батареи. Только тогда мы вздохнули свободно. По нам никто больше не стрелял.

После этого Дмитрия направили в школу снайперов. Учили там долго и основательно: как стрелять, делая поправки на климатические условия и на рельеф местности, как выбирать позицию, как маскироваться и многому другому. После окончания курсов выдали документы, что прошли обучение снайперскому делу. Но на передовые позиции не взяли, сказали: «Надо будет, найдём». Привезли в Ригу. Дмитрий Васильевич вспоминал, когда их привезли, была весна, а они в валенках бодро шлёпали по лужам. Тут снова проверка:

- В оккупации был?
- Был.
- Комсомолец?
- Нет.
- В сторону.

Дмитрий вспоминает: «После этого в каком-то месте меня с напарником посадили в полуторку, в кабину сел старшина. Подъезжаем к часовне, а там целый склад боеприпасов. «Погрузить!», — последовал приказ старшины. Поехали дальше. Увидели старую лагашку, работающую в огороде. На плохом русском языке она объяснила, что здесь находились немцы, и указала на дорогу, по которой они уехали. Потом за ними пошли русские войска, пояснила старуха.

Проехав километров 10, догнали солдат, идущих строем. Их командир остановил нас. После разговора старшина приказал выгружать боеприпасы прямо у дороги на перекрёстке. Меня

оставили охранять их, а сами, посадив часть солдат, уехали. Вечерело. Я один стою на перекрёстке, страшновато становится. В поле стоит домик. Вокруг никого не видно. Вдруг из него выходят две женщины и направляются в мою сторону, на руках несут большую тарелку. Эти две латышки принесли мне поесть. Таким образом я охранял боеприпасы, а они в течение всего времени кормили меня. Жили они одни, одна постарше, но в дом не пускали. Наконец, на четвёртый день подъехала машина, погрузили военный груз и поехали в сторону Риги в какой-то посёлок Дундага. Здесь стояли громадные пушки, видимо, береговой охраны.

В спешке, отступая, немцы не успели их взорвать, только сняли затворы и утопили в прудах, а сами они удирали по морю на лодках, отобранных у местных рыбаков. Наши артиллеристы вели по ним огонь. Помню, как один снаряд попал в такую лодку. Взметнулся огромный столб воды с фрагментами человеческих тел. Жуткая картина».

Дальше этого посёлка Дундага 891-му стрелковому полку 189-й стрелковой Краснознаменной дивизии идти было некуда.

Дмитрий продолжает: «Здесь мы и остановились, и здесь я встретил Победу. Было это так. После прибытия на это место мне дали отдохнуть, а потом поставили на пост, на какой-то возвышенности. Стою часовым на посту и вдруг на рассвете слышу: «Говорит Москва, говорит Москва! Война окончена! Победа!».

После этого произошло что-то невообразимое. Я и не знал, что вокруг нас в лесу расположилось два полка. Такой начался вокруг шум, ликование, стрельба из всех видов оружия, которая продолжалась до самого утра. Такого ликования я никогда не слышал больше. Запомнилось на всю жизнь!»

Войну Дмитрий Васильевич закончил с наградами: орденом Великой Отечественной войны 2 ст. (11.03.1945) и медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (10.10.1946), Жукова (19.04.1996), а также другими юбилейными медалями. За мирный труд награждён медалью «Ветеран труда» (20.12.1983).

Наступил мир. Полк Дмитрия остался на месте. Стали обшиваться. Спустя время: «Приказ! Всем грузиться в вагоны».

Подогнали товарник. Погрузились. Повезли на восток. Но железнодорожные пути были загружены, и поезд двигался так медленно, что порой казалось, пешком можно было быстрее пройти. Так ехали, ехали, наконец, добрались до Курской области, остановились в городишке Дмитриев Львовский. Здесь всех высадили, построили, командир в мегафон объявил: «Товарищи бойцы! Война с Японией окончена! Мы там не нужны».

Началась вновь сортировка. Старых оставили, а молодых посадили в вагоны и назад, на запад.

Привезли в Германию, в город Фюрстенвальд. В нем была самая большая немецкая база боеприпасов. Здесь вновь проверка. Собрал майор бойцов на опрос:

— В оккупации был?

— Да.

— Комсомолец?

— Нет.

— В рабочую роту.

Так и пришлось Дмитрию служить в Германии больше пяти лет, в 636-й отдельной стрелковой роте охраны.

Занимались в основном чисткой местности от оставшихся боеприпасов: в полях, окопах, домах, в военной технике. Собирали, увозили, взрывали и охраняли склады со снарядами. Кругом дома с немецкими женщинами, стариками и инвалидами. За годы службы пришлось побывать в восьми городах, где для германского вермахта производилось оружие и изготовлялись боеприпасы.

Дмитрий Васильевич рассказывал, что у них служили даже неграмотные солдаты, а у него было шестиклассное образование, и его направили учиться на шофёра, но не получилось до конца выучиться.

В часть прислали два американских «Студебеккера». Нужно было вывести снаряды. Дали грузчиков. Погрузив смертоносный груз, машины уехали, старшим был лейтенант. Через полчаса неожиданно земля вздрогнула от мощнейшего взрыва. По какой причине поставленные под разгрузку машины взорвались, не

знает никто. Ответственный лейтенант, который должен был следить за разгрузкой, отошёл и лёг в канаву. Его потом нашли после взрыва, всего обгоревшего, но он выжил. Остальные все погибли. Солдаты потом ездили на место взрыва. Жуткую картину увидели там. Перед ними зияла огромная воронка. На одном голом дереве висел рукав от шинели, на другом переднее колесо от американского грузовика и кругом ни одной человеческой косточки.

Ещё один случай вспомнил Дмитрий. Однажды на тракторе привезли на склад боеприпасов немецких девушек. Открыли ворота склада и сразу же — «ба — бах!», мощный взрыв, и ни солдат, и ни девок, как их и не было. Много было ещё трагических случаев и на других участках по всей Германии. Хотя война была окончена, но земля продолжала воевать.

Так служил Дмитрий Воронков в Германии до 1950 года. Помнит, как в день рождения в июле командир объявил о демобилизации, но задержали. Предлагали учиться на младшего лейтенанта, но он отказался, сославшись на малограмотность. К тому времени в армию приходили ребята уже с более высоким образованием, чем у Дмитрия, и ему пришлось бы ими командовать.

В теплушках Дмитрия с сослуживцами привезли в Брест. На вокзале с цветами встречали девушки, даже принесли водочки. Повстречал своих земляков: Каменского, Трофимова, Селивёрстова.

Дмитрий рассказывает: «Подходит ко мне Гриша Куликов, просит ножичек. Нам в Германии такое оружие выдавали на случай самообороны. Без всякой мысли дал, а он тут же ударил им меня в лицо и в горло. Мы почти год воевали с ним вместе, служили в Германии, никаких скандалов не было. Его потом даже не судили, видимо, признав сдвиг психики. После госпиталя домой вернулся только в конце августа. Уже потом, а жил Куликов где-то около Нового Изборска, приезжал ко мне с бутылкой водки покупать сено. Я его выгнал: «Уходи! Чтобы ноги твоей здесь не было!». Его даже соседи не любили».

Придя домой из армии, Дмитрий Васильевич окончил недочетенные курсы шоферов в Германии, и его направили работать

под Ленинград в женский лагерь заключённых. Тяжело там было работать, во-первых, контингент был плохой, а во-вторых, машины были до того старые, что, бывало, выедешь из гаража, пять метров проедешь и колесо отвалится. На них даже милиция не обращала внимание.

Отработав так два года, вернулся в Изборск. Устроился в карьер на работу. Дали старенький бензовоз, такой, что до Пскова доедешь, а обратно хоть пешком иди. Машина весь бензин «сожрала». Когда познакомился с председателем колхоза «Красный Изборск» Батковым, он предложил перейти к нему работать. Так и проработал Дмитрий Воронков 47 лет шофёром, крутя баранки разных машин: полуторок, самосвалов, бортовых, легковых и даже пожарной. Раньше шоферам сначала присваивали 3-й класс, потом 2-й, а когда Дмитрий получил 1-й класс, его посадили на колхозный автобус.

Дмитрий Васильевич, придя из армии, женился не сразу. «Я наглядился в Германии за 5 лет на немецких женщин, — рассказывал он, — а потом ещё два года в женском лагере заключённых. Бывало, едешь, и вдруг «зэчки» выскакивают на дорогу и чуть ли не на машину бросались, что даже сейчас об этом вспоминать не хочу».

При Советской власти в Изборске был молокозавод. На нём работали местные девушки и среди них Александра Васильевна Головина. Вот с ней-то он, как говорят в народе, и «снохался», и в 1959 году сыграли свадьбу. Она была помоложе, но тяжёлый физический труд сказывался и на здоровье даже молодых.

Трудно тогда было работать женщинам, тяжёлые фляги с молоком таскали и подымали в кузов машины и всё вручную. Молокозавод в Изборске славился своей продукцией, делали творог, сметану, мороженое и другое. Молоко выпускалось очень хорошего качества. Дмитрий Васильевич возил его в Псков в больницу, даже отправляли в Ленинград.

У них в семье двое детей: сын, Анатолий, 1960 года рождения, и дочь, Людмила, 1962 года рождения. Людмила Дмитриевна окончила Ленинградский институт культуры. Однажды у подруги познакомилась с молодым парнем, он был курсантом ракетных

войск. После учёбы они поженились и уехали в Наро-Фоминск. По её специальности там гражданской работы не было, и она пошла служить в воинскую часть, и до пенсии проработала электриком-дизелистом. Муж тоже в отставке, в звании подполковника. Теперь живут в Подольске. У них два сына: Виктор и Дмитрий.

Анатолий Дмитриевич после окончания в 1980 году сельхозтехникума поработал в колхозе «Красный Изборск», а потом ушёл на службу в армию и, как отец, продолжал служить в Германии. В настоящее время живёт в Изборске.

Младший брат Дмитрия, Михаил Васильевич, 1928 года рождения, после окончания войны вместо армии был взят на шахты в Ростовскую область. Тогда в стране на тяжёлом производстве не хватало рабочих рук, поэтому некоторую молодёжь, особенно из оккупированных областей, как Псковская, направляли в счёт службы в армии в горнодобывающую промышленность. И как сокрушённо выразился Дмитрий Васильевич: «Там научился и работать, и гулять!». У Михаила есть сын, который живёт тоже в Изборске.

В разные годы у членов семьи Василия Воронкова оказались и разные судьбы, но никто не посрамил своих земляков-изборян.

В копилку Великой Победы над фашистской Германией его сыновья тоже внесли частицу ратного труда. И теперь изборяне должны гордиться этой семьёй — воинов, тружеников и патриотов земли русской.

Матвеев Николай Петрович,
краевед, член Псковского регионального отделения
Союза краеведов России

Судьба бойца трудового фронта

Всякая война без трудового фронта бессмысленна. Ведь войска надо снарядить, накормить, вооружить современным оружием, техникой и боеприпасами, и эту роль в последней войне с фашистской Германией выполняли бойцы трудового фронта и вместе с бойцами Красной Армией ковали победу. В настоящее время в Печорах проживает Антонина Фёдоровна Смирнова — участница трудового фронта. Вот об этом удивительном человеке с непростой судьбой и пойдёт настоящий рассказ.

Родилась Антонина Фёдоровна в 1926 году в деревне Лопатиха Тверской области в крестьянской семье.

У её отца Фёдора Константиновича Крылова и матери Анны Николаевны было пять детей, три сына: Иван, Михаил, Владимир и две дочери: Антонина и Зина.

Старший сын, Иван, весной 1941 года был призван в Красную Армию и служил в Киевском гарнизоне. Войну 22 июня 1941 года встретил с первых минут, когда фашистские ассы в 4 часа утра начали бомбить Киев. Призванные новобранцы под грохот взрывов выскакивали из казарм в нижнем белье и, спасаясь от бомб, бежали к Днепру, чтобы переплыть широкую реку. Много из них утонуло, а Иван, переплыв, прошёл всю войну, имел много боевых наград, дослужился до старшего сержанта. Воевал в дивизионе реактивных миномётов «Катюша». Домой вернулся в 1947 году, женился, работал, но до пенсии не дожил, умер. Видимо, здоровье было подорвано на войне.

Фёдор Константинович по специальности был мастер сыровар, и его не раз направляли работать на другие сыроваренные предприятия. Каждый раз он с семьёй переезжал на новое место его назначения. Поэтому его дочь, Тоня, ни одной школы полностью не окончила, все были разные.

В конце весны 1941 года Фёдора Крылова направили на новое место работы в Кострому. И семья Крыловых — снова в пути. «Моя мама, Анна Николаевна, уже тогда была беременной, — рассказывала мне в беседе Антонина Фёдоровна, — и 4 июня 1941 года, прибыв в деревню Лосево Костромской области, родила третьего сына — Володю».

Спустя время отец, Фёдор Константинович, оставив семью, поехал в Кострому устраивать свои дела. Пока его ждали, война быстрее нашла их в костромской деревушке Лосево. Вскоре муж Анне Николаевне прислал письмо о том, чтобы они не ехали к нему. Его забирают в армию. Семья Крыловых оказалась на перепутье — ни вперёд, ни назад. «Мы оказались здесь совершенно чужими — ни кола, ни двора, — рассказывала Антонина Фёдоровна. — Мама с четырьмя детьми и одним из них младенцем. Нам дали на краю деревни домик, старый, заброшенный с дырявой крышей и развалившейся трубой. И вот я, 14-летняя девчонка, собирала эту трубу по кирпичику. Подходили жители деревни, смотрели, подсказывали, как лучше сделать».

Мама работала в колхозе, а я дома нянчилась с двумя братьями и сестрой. В 1942 году в деревню Лосево из Ленинграда пришли две монашки, и они у нас жили три дня. Вот они-то меня и научили молиться. Из блокадного города им, видимо, удалось вырваться на последнем поезде. У них с собой были три церковные книги: «Библия» на старославянском языке, «Молитвослов» и «Псалтырь». Я по одной из них выучила три молитвы и после этого стала много молиться».

Однажды Тоня пришла во двор своего дома, смотрит и глазам не верит — полный двор кур. У них никогда ни одной курицы не было, а тут целый двор их. И самое удивительное — в одном местечке видит уютное гнёздышко, полное яиц. Много яиц! Ни одна несушка не кудахтала после снесения яйца. Тоня растерялась, что делать? Ведь куры соседские. Но нужда преодолела совесть. Их семья здесь была чужая. Ничего не имели, жили впроголодь, даже младенец и двухлетняя сестрёнка. Жили, можно сказать, по милости Божией на подаяниях. Мать ходила на работу местного колхоза, а питались все дома. И Тоня решила, что это

Божий дар, собрала ещё тёплые яйца в подол и отнесла домой. Какое счастье было! Соседи потом нашли своих беглянок. Но девочка про яйца промолчала.

Потом был другой случай. Братишка Михаил, ему тогда было 11 лет, как-то нашёл старый ржавый рыболовный крючок. Приходит домой к маме и просит сделать ему удочку. Мать нашла подходящую палку для удилица, привязала к нему нитку, как положено, снарядила снасть. Мол, иди, потешься на речке. Сама речка была не сильно большая и не очень глубокая, зато заводи были глубокие и довольно широкие. И пошёл наш рыбак к речке.

Очевидно, он видел, как местные ребята удили. Спустя время идёт он с большими испуганными глазами, к груди прижимает здорового леща, который шевелится, а Миша не знает, что с ним делать. И это тоже было подспорье для всей семьи.

Пока часть территории Калининской области была оккупирована немецкими войсками, Крыловым пропуск не давали, хотя они надежду не теряли, и каждый месяц Антонина за 20 километров ходила в районный центр Солигалич узнать, не выписали ли им пропуск.

Фёдор Крылов по состоянию здоровья был признан негодным к строевой службе, и с начала войны его назначили завскладом тыловой части. После освобождения города Ржев его семье разрешили возвращаться в свою деревню Лопатиху. Федора на какое-то время отпустили из части, чтобы помочь переезду родных. Это произошло в марте 1943 года. «1 ноября мне исполнилось 17 лет, — вспоминала Антонина Фёдоровна, — а уже 10 ноября я была мобилизована в трудовую армию».

Она была отправлена в Москву на авиационный завод. Молодёжи было собрано много — со всех направлений, в основном девушки. Жили на казарменном положении в заводском красном уголке 40 человек. Выдали юбки, гимнастёрки, ватники, ботинки и другие вещи из женского обихода. Вставали по сигналу, строились, ходили строем в столовую: утром, в обед и вечером. Днём работали, а вечером в школе ФЗО учились. Изучали станки, оборудование и прочее. «Надо сказать, мы большую пользу принесли стране, — продолжала рассказывать Антонина Фёдоровна, — в

армии всё годилось, каждая гаечка, даже каждый гвоздик, и всё это кому-то надо было делать». Сначала её поставили делать гайки. Дали болванку, отрезать надо было по размеру. Подходит мастер, смотрит, измеряет — все правильно, а там несколько размеров. Вечером спрашивает: «Сколько сделала? Говорю: «Семьсот». Мастер продолжает: «Сделаешь ещё 100, поместим тебя в «молнию» На этом станке никто так много не мог сделать, а ты сделала». Тоня испугалась: «А что такого я сделала, чтобы на меня там смотрели. А если где-то ошибусь — смеяться будут». И она отказалась от своей славы.

Потом Антонина работала намотчицей катушек. Намотанную катушку надо было проверить, а дальше отправляли её на сборку трансформатора, так необходимого для самолёта. Приходил инженер, садился и работал. Девушка была любознательная, на обед не ходила, наблюдала, что делает он. Потом попросила: «А дайте, я попробую». Инженер согласился. Когда она собрала деталь, пришёл, посмотрел — всё правильно. «Ну и работай здесь», — сказал он. Потом Тоню поставили бригадиром, к ней прикрепили двух учениц.

Спустя время стали платить. Что заработаешь, на том и живи. Это первые полгода рабочие были на всём обеспечении, потом стали давать пайку — 0,8 кг хлеба, иногда какую-нибудь похлёбку. Ещё были карточки, на которые можно было что-нибудь купить, вроде ржавой кильки, иногда вместо мяса давали селёдку. Однажды Тоня сразу съела целую селёдку, а потом всё время хотелось пить.

На заводе работало много разного народа, но между собой не общались. Боялись всего. Кругом были «глаза и уши». За неосторожную фразу можно было угодить в список «врагов народа» с вытекающими последствиями. Среди своих девчонок особо доверенных у Антонины было только человек пять, с которыми можно было «посплетничать». Однажды, заметила она, что её девчонки о чём-то шушукуются и хихикают. О чём? Не говорили! Позже рассказали. Пошли в кино на последний сеанс. Впереди них в зале сидели какие-то солдатики. В конце сеанса они обра-

тились к ним: «Мальчики! Проведите нас, а то мы боимся идти одни».

Выйдя из кинотеатра, они двинулись по ночной Москве в сторону Красной Пресни, это она теперь обустроена, а тогда представляла территорию, заваленную дровами и другим хламом. Дойдя до места, солдаты заявили: «Ну, вот мы и пришли». И тут «кавалеры» скомандовали: «А теперь, девочки, раздевайтесь!». «Вы что!?!» — взвизгнули девчата. «Вам сказано! Выполняйте!», — грозно ответили те. Раздев их почти догола, через какое-то время одежду вернули со словами: «Одевайтесь! И впредь больше не обращайтесь к незнакомым вам мужчинам!». Благородно и поучительно преподали им урок жизни.

«Мы были молодые и с парнями местными дружили, — продолжила воспоминания Антонина Федоровна. — Одна моя ученица тоже была местная, я даже к ней домой ходила. Я была строгая. Однажды местный парень из-за чувств поцеловал меня, а за этот поцелуй в ответ получил удар по щеке. Дружить дружили, но никакой другой «романтики» не допускали».

Однажды за хорошую работу Антонине Крыловой дали три дня отпуска, и так захотелось ей съездить на родину и повидать своих родных и свезти им скромные гостинцы. Пошла на вокзал. Проезда до Твери в те часы не было. Села на другой, который шёл до какой-то станции, там надо было ждать проходящий до Твери, а ждать некогда. Надо было успеть съездить на родину и вернуться в Москву.

Подошёл товарник, тогда даже такие поезда не пустовали, все места были забиты народом, даже сидели на крышах вагонов. Антонине с другими досталась платформа с песком. Доехав до станции, от которой до своей деревни шла 20 км. Тётушка ахнула, глянув на её ноги в крови: «Как ты дошла?!». Обратный поезд в Москву был переполнен, Антонина с трудом залезла в тамбур и так плотно была прижата к стенке, что даже не шелохнуться. Поезд был военным, на одной станции в вагон вошёл военный патруль и всех гражданских стали высаживать. Антонина сильнее стала прижиматься к стенке, почувствовала, что в спину что-то впирает, рукой нащупала какую-то ручку, нажала, и дверь откры-

лась в тендер паровоза. Прижалась в уголок, Патруль ушёл, её не заметили, поезд двинулся дальше.

Вошла проводница: «А ты что тут?», — удивилась она. Антонина рассказала о своём положении. Проводница провела её в вагон, где сидели военные: «Довезите этого «кочегара» до Москвы, ей на работу надо», — сказала она солдатам. Ей уступили место, и она благополучно приехала в столицу и вовремя явилась на работу. Это ли не чудо! Видно, Господь её спас. Опоздание на военный завод ей грозило трибуналом.

Война кончилась в тот же час, в которой и началась — в 4 часа утра. Это было 9-го мая 1945 года. По радио кто-то услышал это сообщение. Тоню растолкали спящую. Война кончилась! Вставай!

На улицах Москвы в это время творилось что-то невообразимое. Повсюду толпы людей, кто-то плачет, все радуются. Девушки оделись, поспешили на завод, там уже митинг был. Потом пошли в город, на площади огромное количество ликующего люда. Поражало то, что в этот миг в Москве не было чужих — все свои! Совершенно незнакомый человек подходил, обнимал, целовал: «Война кончилась! Победа!». Ликование продолжалось девяти мая целый день, а в 6 часов вечера вылилось в масштабное гуляние, которое запомнилось на всю жизнь.

В конце лета 1945 года пришло тревожное сообщение: «Вновь война! На этот раз с Японией». Опять все пали духом, но, слава Богу, она быстро закончилась, оставив только горький осадок.

После капитуляции милитаристской Японии рабочих стали расселять. В ноябре 1945 года Таню направили на работу во Львов. Тоня могла остаться в Москве, но здесь после войны сильно процветала преступность, и это как-то отталкивало. Подруга захотела поехать во Львов, ну и Тоня с ней, хотя был добровольный выбор: Киев, Винница, Львов и Рига. Выбрали Львов. Они не знали, в какой анклав зла и ненависти к русским приехали работать. Это девушки уже потом почувствовали. Как говорят, попали «из огня да в полымя».

Приехали, а города, как такого, нет! Одни руины, и только редкие уцелевшие дома видны среди развалин. Во Львове надо было восстанавливать авиационный завод. Пришли туда, а там пустота — никого и ничего, только вдоль стен пустые полки и скамейки на полу.

Антонина Фёдоровна вспоминала о мрачных годах того периода жизни так: «Я стала работать намотчицей трансформаторных катушек. Иногда, бывало, сидишь одна в цехе и трудишься. Надо было выполнять план. У меня были тонкие пальчики, и мне поручали сложные работы. Наматывала даже проволочные сопротивления, типа реостатов, они нужны были авиации. Отработаешь иногда целый день, а вечером приходит мастер и говорит, что остаться надо. К утру требуется столько-то намотать, и продолжаешь ночью одна в цехе выполнять заказ. Мастер тоже не спит, время от времени подходит, спрашивает, сколько сделала, проверяет по списку. Ночью принес однажды ломоть хлеба с салом, чтобы подкрепилась».

«Во Львове было страшно жить. Местные русские, не любили, — продолжала Антонина Фёдоровна. — На рынке торговли с нами не хотели даже разговаривать, демонстративно отворачивались, но если что нам и продавали, то по завышенным ценам».

Завод постепенно стал восстанавливаться. На работу стали принимать и местное население, среди них было много молодёжи. Один молодой паренёк, по-местному звали его Ивашко, часто стал подходить к нашим девочкам, вступал в разговоры. Однажды мы обратились к нему: «Ты живёшь в деревне, и у вас, наверное, есть картошка. Можно, мы с тобой в конце недели придём к вам, чтобы подешевле её купить, а то в городе она дорогая». Он согласился взять меня с подругой.

На другой день, придя на работу, мы заметили, что наш Ивашко какой-то стал угрюмый, ходит с опущенной головой, не смотрит в нашу сторону и не подходит. Наступила пятница. Наконец, подходить ко мне и в смущении спрашивает: «Ты, правда, хочешь к нам приехать?». «Ну да!» — ответила я. «Не надо! Наши ваших не любят, я боюсь за вас, как бы чего не случилось», —

признался он. Мы оценили это, сказав: «Спасибо тебе, Ивашко. Ты настоящий друг!». Оказывается, и среди молодёжи были порядочные люди!»

Тех «западнцев», которые не хотели подчиняться Советской власти, выселяли. Им можно было брать с собой только 50 килограммов груза на человека. Их куда-то отправляли. Освободившиеся от них квартиры в городе давали приезжим. Многие девчонки получили эти квартиры, но Тоня отказалась.

Оставаться там жить, когда местные их называли «кацапами» и грозились всех перерезать, было безумием. Только находившиеся в городе советские войска создавали мирную жизнь, а вечером лучше было не выходить на улицу. Всюду были затаившиеся бандеровцы, они жили даже в склепах, днём там прятались.

Девчата были добровольцами, но их по собственному желанию не отпускали. Пожалел Тоню начальник, сказал, что молодая, учиться надо и отпустил с формулировкой «из-за ненадобности», а потом и подружка за ней уехала. Они были рады, что удалось покинуть этот красивый город, пропитанный ненавистью к русским.

В родную деревню из Львова Тоня приехала в 1948 году, но долго пожить не пришлось, вскоре отец получил новое назначение под Рыбинск, и вся семья переехала туда. Он на местном комбинате стал работать мастером-сыроделом, а дочь пристроил в конторе счетоводом.

С будущим мужем, Борисом Смирновым, Тоня познакомилась, когда он приезжал гостить в Рыбинск.

До войны он в Ленинграде работал на авиационном заводе. Когда враг стал приближаться к городу, завод эвакуировали вместе со специалистами, выдав им бронь. После знакомства переписывались, а потом 14 февраля 1950 года Тоня и Борис сходили в сельсовет и расписались. Из ЗАГСа возвращались по дороге пешком. Видят, на-

*Будущий муж
Антонины —
Борис Смирнов*

встречу им едет санная повозка. Они шаг в сторону — в снег по пояс. Смотрят, разворачивается. Оказывается, это за ними ехал родной дядя Бориса.

«Свадебная карета» Бориса и Антонины

Прибыв на «свадебной повозке», сели за стол и скромно отметили своё бракосочетание. После этого Антонина, уже став Смирновой, уехала с мужем жить в Ленинград.

В этом городе работала во многих местах. Работала хорошо, не раз её портрет помещали на Доску Почёта предприятий. На одном заводе её должность требовала специального образования, но у неё было только 7 классов. Пришлось поступать в техникум и заочно его окончить.

С мужем, Борисом Алексеевичем, жили дружно. Часто ездили в гости к его родителям в деревню и собой брали детей.

Антонина Фёдоровна, родившая в православной семье, не расставалась с молитвой. В деревне Лопатиха Тверской области, где семья Тони жила до войны, церкви не было. Она была в полутора километрах в соседнем селе, и её перед войной хотели закрыть. Мать Антонины рассказывала дочери, что у отца была молящаяся родная сестра Дарья Крылова. Она работала в Москве, сходила в Кремль и добилась встречи с «всесоюзным старостой» Михаилом Калининым, и после этой встречи храм не закрыли.

Но, видимо, на сильно верующих были нападки, и она перед войной ушла в Ленинград, а там в 1943 году после какого-то стресса попала в психиатрическую больницу, где пролежала 8 лет.

«Мама меня тоже водила в храм, — рассказывала Антонина Фёдоровна, — но только после тех двух монашек-подвижниц я окончательно уверилась, что Бог есть, и, как он помогал, я потом убедилась сама.

Это было далеко после войны. Мы с мужем жили в Ленинграде, и была построена дачка около Синявино. Однажды на Пасху решили съездить на дачу. Сложила

*Антонина и Борис
с дочерью Леной*

Лена и Сережа Смирновы

в корзину крашенные яйца, и тут же в голове мелькнула мысль: «Может, маловато будет? Пасха же!». Поставила кастрюлю на газ варить новую партию пасхальных яиц. Пока собираемся — сварятся. Собрались и уехали.

Ехать 75 километров, да с остановки километров 5 пешком идти. Выехали в 8 часов утра, вечером, как ни в чём не бывало, легли спать. Вдруг посреди ночи меня как током ударило. Мужа спрашиваю: «Ты газ выключал?». «Нет!», — отвечает он. Меня как ветром сдуло. Помчалась на большак в надежде поймать машину, но они не останавливаются.

А я молюсь на дороге без конца: «Господи, помоги! Господи, помоги! Из-за меня пострадают соседи. Вода выкипит, кастрюля расплавится, а внизу люди». Тишина, кругом лес и темнота. Слышу, едет машина, похоже на самосвал. Выхожу на дорогу, растопыриваю руки. «А пускай давит, — думаю, — всё равно жизни нет!». Слышу, машина остановилась, подходит шофёр. «Ну, что, горишь?», — спрашивает он. «Горю!» — отвечаю.

Посадил меня в кабину, а голове одна мысль: «Кастрюля расплавится, пострадают соседи!». В темноте слышу чей-то голос: «Кастрюля цела, соседи не страдают», — и я полностью отключилась.

Очнулась, смотрю, сижу на сидении троллейбуса. Вышла, пошла спокойно к своему дому, как ничего и не было. Смотрю, окна целы, а я почему-то спокойна.

Вхожу в квартиру, вижу, стоит моя кастрюля на плите, а газ еле-еле светится, а в кастрюле лежат чёрные шарики. Тут вбегает мой муж. «А ты как попал?», — спрашиваю, — у тебя же больное сердце. «А я нанял машину», — отвечает он. И надо же было такому случиться в жизни, как в кошмарном сне».

Первый муж Антонины Фёдоровны рано умер. Видимо, изнурительный труд в годы войны на оборонном предприятии и не совсем полноценное питание — всё это отразилось на его здоровье.

Антонина со вторым мужем Николаем Егоровичем Ивановым

Второй муж, Иванов Николай Егорович, участник войны. Он был ещё допризывником, когда добровольно записался на фронт и всю войну прошёл разведчиком. О трудностях и опасностях разведчика на войне весь смысл в поговорке: «Я бы пошёл с тобой в разведку!» Так говорят о верном и преданном человеке, и ничего другого объяснять не надо. Ведь в армии ни в одном роде войск не говорят так.

«И чего только не бывало на этой опасной службе, — передавала слова мужа Антонина Фёдоровна, — не раз попадали, казалось, в безвыходное положение — окружение, но как выби-

рались, уму непостижимо. Были контузия, ранения, одна пуля на вылет прошла рядом с сердцем. И каким чудесным образом мы оставались живы?». Наверное, Боженька помогал ему, и его дядя молился за него. Он был священником, да и семья у него была православной.

Зато после войны, празднуя 9 мая, он приезжал на дачу и заявлял: «Сегодня нас не ругайте, мы гуляем, это наш день!». Гулял он с соседом, тоже участником войны.

Умер Николай Егорович в 1987 году. Антонина прожила с ним 16 лет.

В биографии второго мужа было такое. Его родители не пошли в колхоз, стали единоличниками. Когда началась война, все думали, что они перейдут к немцам. Но нет!

Один дядя ушёл к партизанам, а второй принял сан священника, жил в Финляндии и захотел после войны разыскать своего племянника, Николая (будущего второго мужа Антонины Смирновой).

Положение осложнялась тем, что Николай был партийным, а дядя — иностранец, хотя и русский. Самовольная встреча грозила большими неприятностями, и тогда он обратился к своему партийному руководству с просьбой встречи с родным дядей, который приехал из-за границы.

В парткоме на это дало «добро», но только на один час встречи в гостинице «Октябрьская», где всё прослушивается. Вот такая тогда была бдительность!

У Антонины Фёдоровны от первого брака есть дети: сын Сергей и дочь Елена, а также пять внуков и шесть правнуков.

У её дочери, Елены Борисовны, два сына и две внучки. Сама Елена, вступив в разговор, сказала, что окончила Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова-Ленина. Работала до 1993 года в храмах города Ленинград. Часто приезжала в Печоры в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь.

Елена Борисовна и Антонина Федоровна подыскали и купили подходящее жилье в Печорах и живут здесь вместе.

Антонина Фёдоровна с дочерью Еленой Борисовной

Когда я пришёл к ним, Антонина Фёдоровна находилась в огороде, и, сидя на скамеечке, что-то делала на грядке. Видимо, крестьянские корни тянут человека к земле. А ведь ей 97 лет!

В настоящее время она является «Ветераном войны», и удостоверение, выданное 29 октября 2003 году, подтверждает это. Прожив в трудах и молитве, она сохраняет здравый ум и память. Пишет в стихотворной форме автобиографический ежегодник, где отражает важные моменты в жизни и различные в ней события.

Первая страница ежегодника начинается словами: «Я родилась 1 ноября 1926 года. / На четвёртый день моя мама / Меня крестила в местном храме. /... И так по годам до нашего времени. В её тетрадке ещё с десяток незаполненных страниц. «Буду записывать дальше», — говорит Антонина Фёдоровна, — хочу оставить её своим внукам».

В разговоре спокойна, ни на что не жалуется, хотя жизненный путь её не был обласкан судьбой и не усыпан розами и, очевидно, за её усердие и терпимость Господь Бог хранит её. Мы тоже желаем Антонине Фёдоровне здоровья и пожить подольше. Печеряне с трепетом относятся к людям, кто стоял у истоков Победы и принёс её. Россия крепка таким народом. Он был и есть, а это значит, что Россия непобедима!

V. ПЕЧЕРЯНЕ ВСПОМИНАЮТ

Лаур (Дубровская) Валентина Павловна,
краевед

Мои воспоминания

Я родилась 16 апреля 1933 года в д. Лаптево, на крайнем западе Печорского района в буржуазной Эстонии, в семье потомственных крестьян, присланных на границу с Ливонией в XVI веке по приказу Ивана IV, чтобы защищать Русь от вражеских набегов. Здесь были сплошные смешанные леса с преобладанием елей, сосен, берез. К моему рождению борьба с лесами давно была закончена, пригодные участки освоены, рас-

паханы и кормили крестьянские семьи. При мне начали осваивать заболоченные участки: рыли канавы, вспахивали трактором, который нанимали у хозяина — эстонца, сажали турнепс (кормовую брюкву). Жили небогато, много трудились, умели радоваться, веселиться. Пели в хоре «Ручеёк», созданным учителем Барсовым А. В., ставили спектакли, играли в струнном оркестре. Детей приучали к труду с раннего детства.

Взрослые старались иметь какую-то побочную профессию, чтобы поддержать семью материально в период зимы или межсезонья. Умели строить, делать печки, валять валенки, ковать лошадей, выделывать овчины, шить шубы и т. д. Шутили так: «Летом — соха, зимой подкована блоха».

Папа, Дубровский Павел Семёнович, родился в июле 1881 года в д. Лаптево Псковской губернии. Он был десятым ребёнком в семье, очень смышленным и любознательным. Окончил двухклассное училище в Авинчицах (теперь это посёлок Орава, Эстония). Но учиться дальше не было средств, и он продолжил путь крестьянина — хлебопашца. Мама, Ефимия Фёдоровна Яхонтова, родилась 15 сентября 1907 года. Родом из деревни Стехново Лавровской волости. В их семье было пять детей. Она училась в школе всего год, но была очень способной к рукоделию. Шила на машинке, ткала прекрасные вещи, вязала красивые рукавички, делала куклы из соломы, очень хорошо готовила.

Через шесть лет после моего рождения, 22 февраля 1939 года, в семье появилась сестричка Лида. Она окончила Печорскую среднюю школу и устроилась работать вязальщицей на Печорскую трикотажную фабрику. Когда она переехала в г. Валга Эстонии, то и там работала в сфере бытового обслуживания, тоже вязала на машинке. После развала СССР работала индивидуально. Вообще, вся её жизнь связана с вязанием. Она сейчас давно на пенсии, но вяжет вещи своим родным.

Вхождение Эстонии в состав СССР в 1940 году многие встретили настороженно, без радости, с опасением. А когда были мобилизованы молодые парни в Красную Армию, а потом от владельцев большие земельные угодья переданы малоземельным, то появилось много недовольных, говоривших, что творится беззаконие. Начались репрессии. Зажиточных соседей-эстонцев семьями увозили куда-то на Север как врагов народа.

Запомнились выборы в Верховный Совет. Выбирали Косыгина. Везде портреты, красные флаги, лозунги, агитаторы. Косыгин выбрали, но пришёл 1941 год.

Везде зазвучало слово — «война». По дорогам потянулись вереницы машин, спешащих к Востоку. Были и пешие отряды, растерянные, усталые, почти без оружия. Наша Армия отступала, на территории не прозвучало ни одного выстрела — всё прошло очень быстро.

В начале июля по тем же дорогам пошли бронированные машины с немцами, в касках, с автоматами наперевес. За машина-

ми были орудия, зенитки, танки. Всё было наполнено грохотом, шумом моторов, окутано дорожной пылью, но пугало силой и количеством. Мы оказались на оккупированной территории, где прожили три года. Немцев мы не видели, карателей тоже, так как у нас не было ни подпольщиков, ни партизан.

Крестьяне продолжали пахать и сеять. Правда, платили налоги продуктами: сдавали положенное количество мяса, молока, яиц и т. д. Получали приказы ехать на заготовку леса, торфа, строили оборонительные сооружения, чистили канавы, содержали дороги в порядке. Молодёжь была привлечена на строительство аэродрома в Затрубье, за Печорами.

Осенью 1941 года я пошла в школу в д. Янкино, где в доме Бандер было классное помещение. Учила нас эстонка Минна Матвеевна. Она почти совсем не говорила по-русски. Показывала, как красиво писать, аккуратно располагать столбики с примерами. Незаметно, без лишних слов, научила нас аккуратности и порядку.

Потом я училась в Лобанах, где была Новосельская начальная двухкомплектная школа с двумя помещениями. Ребят было много: в каждом классе по 12–15 человек. Никакой политики в школе не было: ни портрета Гитлера, ни гимна. Просто учились писать, читать, считать по программе и учебникам, по которым десятилетиями до нас учились деревенские дети. Школа давала прочные знания, которых хватало на всю жизнь. Много читали вслух, громко и выразительно. Пересказывали прочитанное. А сколько учили стихов! Интересно, что осенью — стихи и тексты про осень, зимой — о зиме. Главный праздник — Новогодняя ёлка, к которой готовились с осени. Разучивали хороводные песни с движениями и игрой, стихи, танец снежинок, делали игрушки из картона и бумаги для украшения ёлки. Клеили цепи, длиной метров 10, фигурки животных, снежинки. Всё это было так интересно и радостно, что не хотелось бегать, озорничать — лучше водить хороводы и петь народные песни, которые я знаю именно со школьной поры. Были уроки Закона Божьего, где учили молитвы, заповеди, говорили о Боге, о вере.

Баловались мы по дороге домой: лазали по сугробам, катались на льду, мальчишки натирали снегом лица девочкам, за-талкивали за ворот снег. Энергию тратили таким способом. Это была лучшая и незабываемая пора! В школе было тепло, уютно, интересно, а дома ждали дела. Нас нагружали хозяйственными делами, не думая о наших домашних заданиях. Сядешь за уроки с керосиновой лампой, когда все дела на дворе сделаны. Мама пряла или вязала, папа вил верёвки, плёл лапти, а я выводила буквы или читала вслух.

Училась хорошо, но никогда не была отличницей. С детства много читала и серьёзные книги. Например: «Дети капитана Гранта», «Отверженные», романы Мельникова-Печерского и другие. Это помогло грамотно писать и развить устную речь.

Зимой 1944 года фронт спешно приближался. Слышались разрывы снарядов и бомб, в небе — воздушные бои. Мужчин под конвоем отправили на строительство траншей в Ротово, женщинам с детьми на подводах приказали ехать в Миссо, но по дороге многие сворачивали вправо и прятались в Панском лесу. В ночь с 10 на 11 августа наши западные деревни освободили. Деревня не сгорела. После освобождения началась мобилизация в Красную Армию всех, подлежащих призыву, а уже в начале сентября пришли первые похороны. В нашем Лаптеве погибли три парня. Среди них — два моих двоюродных брата: Маковы Алексей Григорьевич и Николай Григорьевич. Ещё один соседский парень Серебряков Георгий Иванович. Все трое пропали без вести.

В январе 1945 года Печорский район вошёл в состав Псковской области, и в 4 классе мы уже учились в СССР. Учила нас Варвара Алексеевна Гаубольт, приехавшая из Тарту.

Это была культурная, музыкально образованная женщина, но одинокая. Семья осталась в Тарту. Здесь она жила с собачкой Мути. Очень любила пение, создала хор из молодёжи, а в школе пение было моим любимым уроком. Пятый класс я окончила в Шумилкине. До школы было пять километров пути по снегу и бездорожью. Уютная, двухэтажная школа в войну сгорела, и новое здание школы кое-как собрали из латышского дома. В школе было очень холодно, постоянно топили печь, где перед огнём

на переменах мы согревали руки. Простужались, болели. Директором школы был Дятлов Пётр Алексеевич. Но через год в 1946 году, по приказу свыше, школу закрыли, предложив учиться в Личникове, где был интернат для тех, кто жил далеко. Мой папа решил, что удобнее будет учиться в Печорах, туда чаще ездят по хозяйственным делам, хотя расстояние до Печор 18 километров. Жила на частных квартирах, имея спальное место и угол. Сначала я жила у Златинских, на Псковской 49, а последний год перед окончанием школы жила на Сельской улице у Удаловых. Дрова привозили из дома на лошади. Домой и из дома ходила пешком, неся с собой продукты питания. В 1947 году мне купили женский велосипед «Диамант» — стало проще преодолевать расстояние. Питалась всухомятку, лишь утром чай, в обед ела то, что принесла из дома. Постоянно хотелось есть. Хлеб в Печорах был по карточкам, а значит, и хлеб надо было принести из дома. Одежда самая скромная, часто перешитая из материнского гардероба. Денег не было, учебников на всех не хватало. Брала книгу у одноклассницы и писала конспекты. Так скучала по дому, что думала — не выдержу и вернусь навсегда. Училась старательно, особенно по литературе. Так я с 1946 по 1951 год окончила семилетнюю, а потом и среднюю школу № 1, получив аттестат зрелости.

В 1949 году началась массовая коллективизация. Добровольцев было мало, а сопротивление огромное. Приезжали уполномоченные из Качанова (тогда это был центр района), собирали крестьян, и начиналась силовая обработка: запугивали, грозили, оскорбляли, стучали кулаком, подсовывали готовые заявления, где нужна была только подпись и т. д. Не верьте, что с радостью приняли коллективизацию — это ложь. Просто не было другого выхода. Это для деревни был расстрельный выстрел. Всё нажитое поколениями, огромными усилиями, потом стало общим, а точнее — ничьим. Сначала пытались трудиться старательно, но увидев, как всё рушится, стали равнодушными и безразличными. Пустые трудодни, безденежье, бедность, несправие, бестолковое руководство — всё это привело к краху колхозов.

Мой отец сумел выйти из колхоза и в 1957 году купить домик в Печорах, точнее на станции Петсери. Из деревенского ху-

тора в собственности остался жилой дом, баня и свинарник. Дом продали на снос, а из бани сделали хлев с пристроенным сараем. Всё это сказалось на здоровье, и 26 октября 1963 года папа в 72 года умирает, прожив на новом месте всего 6 лет. Он похоронен в Печорах, и рядом место для мамы. Но мама похоронена в Эстонии, так как последнее время жила у сестры, а перевезти её мы не смогли. Граница.

Дом мама продала немецкой семье из Казахстана. Затем они уехали в Германию, и этот дом продавался несколько раз. Последний раз мы с сыном ездили туда, очень хотелось посмотреть, что там есть. Остался один дом, постройки все разрушены. Видимо, хозяин беспутный.

А я, окончив школу, в 1951 году поступила в Псковский учительский институт, на отделение русского языка и литературы с двухгодичным сроком обучения.

Стать учителем не было моей мечтой — мне хотелось лечить детей, но ехать учиться в Ленинград не было возможности, а потому выбрала то, что поближе — Псков. Я очень просила отца помочь получить высшее образование (надо было учиться 4 года), но он категорически отказал, сказав, что это можно сделать и заочно, работая в школе. Я успешно сдала вступительные экзамены и стала студенткой.

И опять езда на попутных машинах, холодное общежитие на окраине Пскова в сохранившихся в войну деревянных домах, пустые полки магазинов, кое-какое питание тем, что привезено из дома. Опять постоянное чувство голода, холода. Псков в 1951 году стоял в руинах, изрыт траншеями, которые зарывали лопатами на субботниках. От сегодняшнего Завеличья был виден железнодорожный вокзал, потому что не было целых зданий, не разрушенных войной.

Но молодости свойственна энергия, вера в лучшее, а потому старательно записывали лекции преподавателей (учебников не было), ходили в читальный зал, посещали театр (были студенческие дни), участвовали в самодеятельности, в демонстрациях (это было обязательно), а по вечерам, сидя в обнимку на кроватях, пели всё, что знали. Тогда было очень много политики в препода-

вании в ущерб профессиональной подготовке. Конспектировали статьи Ленина, Сталина, изучали историю партии, постановления пленумов и съездов. Но были запрещены Есенин, Бунин, Зощенко, Ахматова, Набоков, Вересаев и другие. Звучали стихи Маяковского, Симонова, из писателей — Фадеев и Шолохов. Потом, когда запреты были сняты, пришлось долго восполнять пробелы того периода обучения.

В июне 1953 года получила диплом об окончании института и приказ Облоно о направлении на работу в Лавровскую семилетнюю школу.

Начался новый трудовой период моей жизни, но что-то было постоянным. Опять частные углы у хозяев без всяких намёков на удобства, керосиновая лампа, кое-какое питание, пустые полки единственного магазина в доме Миериньш, где пространство заполняли банки с крабами «Чатка». Сегодня это деликатес, а тогда они совсем не пользовались спросом. Всем хотелось колбасы, сыра, конфет, а этого не было. За макаронными изделиями и крупой ездили в Псков, за промтоварами — в Выру, а продукты покупали на ярмарке, которая проходила в Лаврах по воскресеньям 2 раза в месяц. Здесь покупали копчёную свинину, сливочное масло, яйца, живых овец вскладчину. Мясо делили, солили и варили супы и щи из баранины. С тех пор я не ем баранину, её было многовато в моём меню. Помню, что масло стоило 30 рублей, а овца и баран 300 рублей.

Мой оклад был 500 рублей, на руки получала 470, т. к. платила взносы, за подписку на ежегодные государственные газеты, оплачивала квартиру и т. д.

Школа была послевоенной постройки, собрана из перевезённых старых домов, размещена в двух зданиях. Опять холодно, темно, скученность и теснота. Начало было трудным, как и у всех начинающих. Мне 20 лет, а некоторым ученикам по 14–15 лет.

Деревенские дети были послушные, старательные, а дети рабочих совхоза «Лавровский», оказавшиеся здесь занесёнными войной, чаще всего без отцов, были озорными, если не сказать жёстче — хулиганами. Матери на фермах, детей много, бедность, почти нищета — какая тут учёба! Как-то старалась подружиться,

не озлобить, а пригреть, хотя бы словами. Вместе читали, играли, ходили в кино на детские сеансы. К 7-му классу как-то подобрали, повзрослели. Повзрослела и я вместе с ними. 6 лет отдано Лавровской школе, которая при мне стала средней.

В 1953 году в Лаврах была организована МТС, началось строительство мастерской, гаражей, необходимых для МТС коммуникаций, заложен двухэтажный жилой дом для работников. Она обслуживала все колхозы вокруг Лавров тракторами и сельхозинвентарём, готовила кадры механизаторов. Население Лавров увеличилось, т. к. нужны были трактористы, слесари, токари, шофера, агрономы. Но в 1958 году МТС закрыли, признав нерентабельной и убыточной.

Здесь в 1955 году я вышла замуж за Лаура Илью Фёдоровича, работавшего механиком. Фамилия родителей мужа была Лавровы. Но когда проходила эстонская реформа, отец Фёдор Лаврентьевич взял фамилию Лаур. 11 августа 1956 года в нашей семье родился сын Володя.

Так что Лавры для меня — частица моего сердца, где всё связано с самыми светлыми и тёплыми воспоминаниями. Здесь появились друзья — коллеги, и родилась настоящая дружба на всю жизнь. Моей подруге, живущей в Санкт-Петербурге, исполнилось 90 лет, а подружиться мы с ней в Лавровской школе. Зовут её Межак Елена Андреевна, 31 октября 1932 г. р. Работала она учителем математики. С тех пор у нас завязалась дружба семьями на долгие годы.

После закрытия МТС муж оказался без работы. Ему предложили работу в Ротове, и мы приняли решение переехать на новое место. Так с 1959 года семья Лаур обрела постоянное место проживания и работы: сын окончил восьмилетнюю школу, а мы с мужем доработали до пенсионного возраста. Здесь я проработала 35 лет, из них — 21 год директором школы.

Опять всё то же: частная квартира, сын с 3-х лет сидел дома под замком, т. к. не было садика, вечная проблема с продуктами, заочная учёба в институте по ночам, когда все спали, поездка на сессию, когда все отдыхали. И работа в школе от темна до темна. Но, видимо, запас жизненной энергии был достаточен, да и

здоровье не подводило. Ведь мы тогда жили идеями и верой, что строим коммунизм. И отдавали этому всё время и силы.

Трудностей было гораздо больше, чем положительных эмоций. Но были старательные, умные, любознательные дети, родители, поддерживающие учителей, трудоспособный, ответственный учительский коллектив, а потому в школе, построенной в 1947 году, как временное помещение, а ставшей постоянной на 40 лет, шла успешная работа по обучению и воспитанию. Решались задачи трудового, патриотического, нравственного воспитания.

Школа жила яркой, насыщенной жизнью, участвуя во всех районных мероприятиях: смотрах, конкурсах, соревнованиях, выставках, олимпиадах. Пионерская дружина была правофланговой. Школа отмечалась грамотами за шефскую помощь совхозу, за работу по краеведению и т. д. Сколько будущих специалистов сельского хозяйства вышло из её стен! Сколько медиков, учителей, работников бытовой сферы! Это был наивысший пик активной педагогической работы в моей трудовой биографии. За это имею награды: Грамоты Министерства просвещения РСФСР, знак «Отличник народного просвещения».

В 1984 году построили новую двухэтажную школу на 192 ученических места. Уважительно и тепло простились со старой школой и начали обживать новую. Конечно, это был дворец, просторный, светлый, уютный, где всё продумано для успешной учёбы: классы-кабинеты, спортивный зал, столовая, туалеты, гардеробная, рекреации. Войдя в новую школу, как-то все присмирели, приглядываясь, привыкая жить и осваивать это новое здание. Школу построили быстро, без сбоев в работе, а потом обнаружились недоделки, технические сбои, а где-то просто халтура. Доделывали, переделывали уже после заселения. Много неприятностей доставляла плоская крыша, где по битуму пошли трещины, и стала просачиваться вода. Заливали снова, устраняя недостатки. Всё это требовало столько сил и постоянного нервного напряжения. Стало шалить сердце, мучить бессонница, общее недомогание. Надо было менять образ жизни. Несколько раз подавала заявление об освобождении от обязанностей директора по состоянию здоровья, но вопрос не решался.

На моё счастье, в школу приехала молодая семья Авдеевых, и Сергей Арсентьевич стал моим преемником. 28 августа 1985 года с чистым сердцем я передала ему школу, оставшись в ней учителем русского языка и литературы. Вот теперь бы жить и радоваться! Но началась перестройка. Всё на глазах рушилось, давало сбои. Появились карточки, опять пустые полки. Ухудшились отношения с соседями: эстонцами и латышами, которые громко называли нас налётчиками и оккупантами. А потом и «союз нерушимый республик свободных» распался. И осталась Россия одна со своими проблемами.

Школа — зеркало общества, а потому и её затронуло всё происходящее. Перестали функционировать детские организации, менялись символы государства. В верхах шла борьба за власть, а в низах — за выживание.

В 1988 году я стала пенсионеркой, но продолжала работать до 1994 года. Выпустив свой класс, попрощалась с коллегами, чтобы больше в школу не возвращаться. Трудовой период биографии длиной в 41 год закончился.

Было непривычно и грустно только 1 сентября 1994 года, когда все пошли в школу, а я осталась без неё, без всяких привычных забот и волнений. Но занимаясь домашними делами, оценила свободу и преимущества жизни пенсионера. Было хозяйство, огород, сад, были силы, поэтому жила домашними заботами.

А потом началась череда горьких потерь и прощаний. В 1998 году скоростипжно от инсульта умирает муж, потом мама, родные и близкие люди, милые школьные друзья и подруги, дорогие коллеги — учителя, добрые соседи. Уходят из жизни ученики, оказавшиеся слабыми в борьбе с жизненными ситуациями. Потери, потери, потери.

Оставшись одна, старалась заполнить пустоту постоянными делами: работала в огороде, читала то, что осталось непрочитанным в студенческие годы, писала историю семьи, деревни, составляла родословную, занималась рукоделием и краеведением.

Судьба подарила мне долгую, интересную, насыщенную событиями жизнь, но не без трудностей и испытаний. Но, видимо, испытания давались по силам — я их с трудом, но преодолевала и

шла дальше, не расслабляясь и получая удовлетворение от побед над житейскими барьерами и сложностями. Я себя считаю счастливым человеком. А как иначе? Ведь я прожила такую долгую жизнь — через несколько месяцев будет 90 лет! Была любимая работа, крепкая, дружная семья, тесные и тёплые отношения с многочисленными родственниками, верные, чуткие друзья, всегда хорошие соседи. Разве это не счастье?!

Были и любимые занятия. Это чтение, путешествия. Имею неплохую домашнюю библиотеку, на которую тратила скромную зарплату, стараясь приобрести книги в тех условиях, когда был книжный дефицит. Для этого сдавала макулатуру, оформляла подписку. А из Болгарии вместо вещей привезла чемодан книг.

Купив машину, мы с мужем летом старались много ездить по стране. Обычно тратили две недели отпуска. Очень любили литовскую Палангу. Литва тогда была гостеприимной, дружелюбной республикой, где было тепло, спокойно, уютно.

Мы оба очень любили бывать в разных интересных местах. Ездили по путёвкам в Пятигорск, Киев, Москву, Сочи, Ялту, в Карелию, летали в Грузию. Очень любили Белоруссию, Латвию. Были в Болгарии и Венгрии. Привозили сувениры, которые и сейчас напоминают о тех экскурсиях и наших увлечениях путешествиями.

Сейчас живу одна в трёхкомнатной благоустроенной квартире, стараюсь обслуживать себя, но без помощи уже не обойтись. Вокруг меня добрые, отзывчивые ученицы: они убирают, моют в квартире, приносят продукты, заботятся и оберегают от бытовых проблем.

У меня хороший, заботливый сын, который живёт в Санкт-Петербурге. Он с отличием окончил институт холодильной промышленности и работает инженером. У меня есть две внучки: Лена и Маша. Сын постоянно зовёт меня к себе, где есть все условия для жизни, но я привыкла к одиночеству, к жизни в деревне, не смогу жить по-иному. Меня здесь всё устраивает и что-то менять не имеет смысла. Здесь прошла жизнь, здесь дорогие могилы и здесь мой причал.

А что ждёт Россию? Опять испытание на прочность и жизнеспособность в труднейшей схватке с НАТО. Очень переживаю, молюсь, верю и надеюсь!

«Горит рябина, как лампада,
Пред образом святой Руси.
Господь, Россию сохрани!
Мне больше ничего не надо!»

— писала Е. Морозкина, историк и искусствовед из Пскова. Это и моя боль и тревога. На этом ставлю точку в своей биографии, но жизнь продолжается.

Лаур (Дубровская) Валентина Павловна,
краевед

Возвращение в память

Сестре Лиде посвящается

Милая тихая родина,
Край древнерусской земли,
Где предки наши с лесами
Трудную битву вели.

Корчуя, огнём выжигая,
За саженью сажень — вперёд!
И тощий живот поджимая,
Трудился упрямый народ.

Хоть почвы бедны перегноем,
А пашня — то взгорок, то падь,
Но потом крестьянским полита,
Сторицей старалась воздать.

Кормила и всех одевала-
Недаром зовут её мать.
Порою какие раздоры
Кипели за каждую пядь.

И край, где леса отступили,
Народ Новосельем назвал.
Здесь строился и обживался,
Культуру и быт создавал.

Все мы родом из детства.
И память смогла сохранить
Всё, что нам дорого было,
Что научило нас жить.

Лица родных и соседей,
Скромный крестьянский уклад,
Песни, что раньше звучали,
Жаль, что теперь не звучат.

Праздничный стол, ожиданье
Дальних и ближних гостей,
Хлопоты, встречи, прощанья,
Целый букет новостей.

Летом пастушья работа,
Ягоды в Панском лесу.
Белых кувшинок соцветья
С запруды я принесу.

Чтенье в сарае украдкой.
«Это ж безделье и блажь!» —
Так говорила нам мама,
Часто на дочек сердясь.

А дочки, конечно, ленились,
Хотели подольше поспать,
С подружками всласть наиграться,
Скорее «учёными» стать.

Рощи, поля с перелесками,
Сосны, тропинки во ржи,
Там наше детство беспечное
Где-то осталось в глуши.

Там наша юность прописана,
Там зарождалась любовь.
Всё, что ушло, в лету кануло,
В мыслях рождается вновь.

Дом у дороги просёлочной
С печкой огромной внутри.
Скучно теплом согревающей
В зимние ночи и дни.

Горка отлогая между
Баней и длинным гумном,
Где, утопая в сугробах,
Мы веселились вдвоём.

Там же колодец с кругами,
Загнутый вверх журавель-
Всё это Лаптево наше,
Нашей судьбы колыбель.

А возле бани — мочило.
В жаркие летние дни
Там мы барахтались в грязи,
Радуясь, что мы одни.

Вишни в весеннем цветении —
Розовый плат на заре,
Весь косогор покорившие.
Сок, как смола на коре.

Возле угла куст сирени,
Скромный ирис голубой.
Милая, добрая родина,
Что же случилось с тобой?

Где твои добрые пахари,
Мудрый крестьянский народ,
Землю любивший и холивший,
Вынесший столько невзгод?

Все вы на вечном покое,
С честью пройдя жизни путь,
В муках рождались и жили —
Можно теперь отдохнуть.

Долго сюда я стремилась,
Но не пускали дела.
Осенью тихой, погожей
В эти вернулась края.

Будто бы смерч бессердечный
Всё изничтожил, побил:
Нет ни людей, ни деревни,
Словно никто и не жил.

Только лишь сад одичалый
Да пепелище с трубой,
Еле заметный фундамент —
Признак деревни родной.

Всё заросло, одичало,
Поле и лес — всё не то.
Всюду лишь царство кабанье
Да лишь кричит вороньё.

Дикий бурьян да крапива
Там, где был наш огород.
А вместо луга — кустарник,
Самых бесценных пород.

Боль и глухое рыданье
В горле застряло моём.
Горькие крупные слёзы
С глаз полилися ручьём.

Слёзы и пот — всё впустую,
Труд же ушёл, как в песок.
Край полудикий, заброшенный,
Богом забытый кусок.

Вряд ли здесь жизнь возродится:
Люди сегодня не те,
Делать умеют лишь деньги,
Но без труда на земле.

Так и дичать тебе дальше,
Отчий наш край дорогой!
Скоро исчезнешь навеки,
Будто и не был такой!

Добрые наши родители:
Книжник, мечтатель отец,
Быстрая, ловкая мама
Разом пошли под венец.

Мало узнав друг о друге,
Судьбы сложили свои.
Разные в возрасте, вкусах
Прожили жизнь без любви.

Но привыкая друг к другу,
Хоть не без ссор и невзгод,
Строили, землю пахали
И продолжали свой род.

Здесь родились мы с тобою.
И по траве босиком
Все уголки исходили,
Мир познавая тайком.

Помнишь ли запахи детства:
Запах навоза и льна,
Кислого хлебного теста,
Тмина, ольхи, багуна?

Помнишь рождественский праздник:
Ёлка с цветной мишурой,
Сдобный пакетик печенья
И дед Мороз с бородой?

Сколько тут было веселья,
Радости, смеха, игры.
Наши с тобой выступленья
Помню до этой поры.

Первые школьные годы —
Школа была в Лобанах —
Путь до дороги проезжей-
Узкая тропка в снегах.

Сколько тропинок истоптано,
Пройдено сколько дорог!
Юность нас за руку вывела
В жизнь за отцовский порог.

Всякое в жизни бывало:
То вдруг одна чернота,
Дни без надежд и без солнца
В сердце, в душе — пустота.

То вдруг судьба улыбнётся:
Чувствуешь свет и тепло,
Жизнь наполняется смыслом.
Радостно, тихо, светло!

Жизнь же текла незаметно.
Юность ушла навсегда.
Лишь возвращение в память
Может согреть иногда.

Вот уж и старость подкралась —
Снег запорошил виски,
Дети семейными стали,
Внучками мы обросли.

Новые гложут заботы:
Как внучки? Всё ладно в семье?
И как со здоровьем, с работой?
Семейство не бьётся в нужде?

Вот так и живём, и всё ближе
Тот жизненный крайний предел,
Откуда не ждут возвращенья,
И это всех смертных удел.

Ну а пока ещё живы,
Будем любить и мечтать,
Не забывая о Боге,
Милость просить и прощать.

Эти корявые строки
Очень прошу сохранить:
Хоть иногда их читая,
В памяти всё воскресить.

Векшин Георгий Викторович,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка и истории литературы
Московского Политехнического университета

Людочка

Я рос по дороге на кладбище. Тетя Люда, отодвинув шершавую тюлевую занавеску и щурясь от бьющего ей в очки солнца, глядела на процессию со второго этажа (ее окна и выходили на Псковскую) и тянула: «Обратно несут...» (или это была чья-то байка?).

Носили же регулярно, ползя то беззвучно, то, в более серьезных случаях, с оркестром, где среди пронзительной лажи битых духовых инструментов твердый характер демонстрировала лишь барабанная бочка, ухающая на пузе последнего музыканта. В тети-Людиной комнате солнце просвечивает всё — высокую синюю вазу с долгожданными для нее розовыми гладиолусами, выращенными в нашем коммунальном саду, белоснежные кружевные салфетки, в углу клетку с ярко-желтым и лазоревым попугаями (мы купили их для тети Люды, чтобы было о ком заботиться в несезон). Солнце из окон врезается в будто бы хрустальную пепельницу с отбитым краешком и — самое главное! — высвечивает над нею стройную сизо-голубую струйку, стремящуюся ввысь от сигареты «Дымок» в якобы янтарном мундштуке, выдающем на солнце свои внутренние ходы. Вот — стоит войти в комнату — и небесная струя, как рука дирижера перед началом увертюры, всколыхнется, чтобы вновь плавно вытянуться в струну. А когда сухая рука тети Люды возьмется за сигарету, комната плывет в сероватом облаке. Всё голубое, полезное, легкие впитывают. Отходы клубятся бледно, дивно преломляя и расслаивая упорные лучи.

Такой всплывает и существует в моей памяти одна из самых важных картинок детства.

Тетя Люда живет через коридор от нас, напротив. Но и сама она, с её комнатухой, тоже считается нашей, а в особенности моей. Не имея никаких с нами родственных связей, она была мне второй бабушкой, отчаянно ревнуя меня к настоящей бабушке и к маме. Стоило маме подвергнуть меня законному воспитанию, как тетя Люда затягивала свою полупесню-полуприсяжку: Мама Гулю муучила-мучила... Если же мучение исходило от бабушки, песня не звучала: трехсложное бабушка ломало бы ритм заветной фразы.

Правда, мелодия её жила скорее в уме, чем в воздухе. Переболев в юности дифтеритом, тетя Люда была бы глухой совершенно, если бы не золотая коробочка слухового аппарата, прицепленного к комбинации на худой груди, да проводок, ведущий к круглому розовому наушнику, время от времени выдававший душераздирающий свист, соперничавший только с похоронным гобоем. Этот свист тетя Люда обнаруживала среди нас в последнюю очередь, хватаясь за грудь и торопливо крутя колесико.

До войны у неё была кареглазая дочка Ира. Жили они вдвоем, напротив нашего дома — ветлечебницы. В доме Свидзинских, среди подруг моей мамы и её сестры Тани, Ира была человеком близким. Мама вспоминала, что более надёжного друга и поверенного в сердечных делах было трудно найти. Люби меня как я тебя... И две птички карандашом в альбоме Ляли Свидзинской.

Писали, что Ирина, не окончив гимназию, «вынуждена была зарабатывать на жизнь — устроилась продавщицей в галантерейный магазин», а с приходом советских войск в Эстонию отправилась в Таллин, где «работала монтажницей в "Главкинопрокате"... В первые дни войны Ирина должна была эвакуироваться, но, доехав до Нарвы, почему-то вернулась обратно в осажденный Таллин»...

Ирина Береснёва

Зимой 43-го года дедушка вдруг встретил ее в Печорах укутанной в шарф и муфту на сумеречной соседней улице. — Ира, как ты, где ты?.. Опустив распушившиеся в инее ресницы, она твердо попросила: — Дядя Гога, если что-то случится, не оставляйте маму.

Через неделю Ира, вместе со всею сходкой партизанской дружины, была схвачена, а потом замучена и расстреляна в концлагере в эстонском местечке Клоога. Считалось, что немцы сбросили ее и всех (кроме выдавшего место той сходки) в яму — в братскую могилу. Над ней потом поставили памятник, теперь, может быть, разрушенный за ненадобностью самой памяти. Тетя Люда

иногда отвозила туда свои гладиолусы и ноготки, но рассказывать было нечего. Была ли Ира в тот последний тайный визит дома, смогла ли поговорить с матерью, этого я не знаю¹.

¹ В очерке об эстонском антифашистском подполье в газете «Советская Эстония» (Е. Зайдельсон, А. Крон. И если не дано уйти от смерти. Документальная повесть о Таллинском подполье в годы Великой Отечественной войны // Советская Эстония. №№ за 26–30.09.1986) писано, что Ира появилась в Печорах летом 43-го и что жила она у матери: «Через некоторое время Ирина приехала в Печоры к матери. Александра <Лойт, подруга Ирины>, встречала ее на станции. ... Только они отошли от платформы, как их остановили два человека в гражданской одежде и отвели в участок. Агенты фашистской полиции безопасности тщательно обыскали Иринин саквояж, но ничего крамольного там не обнаружили.

Допрашивали их порознь. У Шуры допытывались, не заметила ли она, будучи в гостях у подруги, каких-нибудь собраний молодых людей. Шура отшутилась: девушка Ирина молодая, привлекательная, вот ухажеры и надоедают. Спасу от них нет. Продержали девушек в участке несколько часов и отпустили.

В тот самый приезд в Печоры Ирину повстречал местный врач Георгий Владимирович Свидзинский. Ирина показалась ему необычно взволнованной. Она сказала:

— Дядя Гога, если со мной что-нибудь случится, не оставляйте маму.

— Что же может с тобой случиться, Ирина?

— Время такое, — ответила она. — Каждый должен решить для себя, как жить по правде.

На следующий день Ира возвратилась в Таллин, а вскоре пришла весть о ее аресте.

Людмиле Федоровне Березневой <так в газете> пришлось сообщить в Печоры горькую правду. По документам ее дочь Ирина была «за деятельность, направленную против оккупационного режима, приговорена немецким судом к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение в Таллине 8 августа 1944 года».

Значит, возможно, она не была в концлагере, была расстреляна немедленно, а тело ее было сброшено туда, куда сваливали тела умерших и расстрелянных заключенных, рядом с концлагерем в Клоога. Впрочем, что Ира покоится именно там, тетя Люда лишь предполагала, а доподлинно об этом ничего не известно.

Ирины фотографии стояли на фанерной этажерке между окнами, а над нею висел большой ретушированный Ирин портрет. И на них никогда не падал солнечный свет.

Людмила Фёдоровна носила фамилию Береснева, а рождена она была Куликовой, значит, побывала замужем, но когда именно — никто не помнил. Говорили, что муж ее, кажется, умер от туберкулеза. Куликовы были знатные печорские купцы, но тетя Люда была отпрыском их разорившейся ветви, и от купцов ей достался разве что занозистый характер да рачительность в денежных делах. Этим она и пригодилась ветлечебнице, куда дедушка после войны взял ее в качестве бухгалтера, о чем в душе временами жалел, сталкиваясь с ее упрямым ведением книги приходов и расходов тогда, когда надо было без мзды отпустить несчастного владельца обреченной коровы.

Между тем уже и много позже смерти деда, главврача Сви-дзинского, в переехавшей на окраину ветлечебнице прибегали к помощи худенькой, но жилистой Людмилы Федоровны, за что она получала небольшую прибавку к пенсии в 27 рублей. На эти деньги прожить было решительно невозможно, но в собесе считалось, что у нее был недостаточный стаж. Благородная опрятность в одежде, гордая волна на аккуратной прическе из легких когда-то белокурых волос подчеркивали ее несгибаемый нрав.

Тетя Люда даже позволяла себе роскошь — утренний хлеб у нее жарился без корочек. Туда же разбивалось одно яйцо. Зато сами корочки аккуратно складывались в крафтовый (правда, такого слова тогда не знали) пакет из-под картофеля и хранились на верхней полке низкого буфета, сделанного когда-то из ящиков и аккуратно оклеенного обоями, покрытыми затем коричневой краской для пола, поверх которой время от времени неровно намазывался мебельный лак, отчего ненадежно шуршащие пупырчатые стены буфета имели благородный отблеск. Извлекаемый из буфета пакетик, набитый черными корочками, торжественно относился в людскую — в противоположное крыло нашего этажа, тете Марусе Вихровой, для курочек, за что тете Люде со столь же торжественной покорностью приносились свежие яйца. Тетя

Маруся-то, держа во дворе курятник, хоть и попивала, работала уборщицей в городской столовой на углу Псковской и площади, напротив водонапорной башни, и ей с ее весёлоглазым сыном Сережкой и типа-типулями хватало. Но этот соседский ритуал она соблюдала твердо.

До войны Людочка зарабатывала шитьем (Ира помогала обметывать швы) и вязанием кружев, и эти навыки у нее никогда не пропадали, однако кружева, красиво плетомые тоненьким крючком, уже выходили из моды, да и для зрения были теперь трудны. Зато, закусив мундштук с дымящейся папиросой, Людочка ловко заправляла нитку в иголку Зингера, мягким толчком руки запуская вращаться никелированное колесо, и машинка начинала глотать стежки, а ткань под лапкой ползла, оставляя на себе безупречно ровный шов. Шитье иногда выручало. Да и мама каждый месяц посылала тете Люде от своей небольшой зарплаты телеграфный перевод.

В холодные времена года тетя Люда оставалась одна, присматривая за всем нашим имением, а летом у нее появлялась семья. Жизнь у Свидзинских, в доме покойного дедушки и моей голубых кровей деловитой, но никогда не служившей статной бабушки, — оживала, а временами и бурлила.

Бабушка, помимо дел светских и церковных, отвечала за провиант и готовила, а Людочка убирала и мыла посуду. За столом она, конечно, всегда была с нами, но иногда отлынивала от застолий, ссылаясь на неотложные хлопоты. Дверь в ее комнату, как и противоположная бабушкина, всегда была насквозь открыта для всех гостей и домашних, тетю Люду все воспринимали как часть нашей семьи. И все-таки из всех ее дел важнейшей была одна миссия. Этим делом жизни был я.

Мои завтраки (бабушка отправлялась в церковь, на базар и по знакомым) были всецело в ведении тети Люды. В неизменном почти меню гвоздём программы был жареный хлеб без корочек. При нашем священном утреннем застолье тетя Люда всегда присутствовала, обычно разделяя его со мною.

Людмила Фёдоровна Береснёва с автором воспоминаний

«Мишка-миш, мохнатый мишка, Мой лохматенький малыш!
Жили-были кот да мышка... Не шалили! Слышишь, миш?.. Са-
мый мой любимый бантик повяжу тебе на грудь: Будешь милый,
будешь франтик, — Только ты послушным будь...».

В светлой ее комнате — высокое мягкое кресло полукругом, одетое в белый, многократно и аккуратно штопанный чехол до пола. Под его полкой мой загашник — коробочка с драгоценными находками, позже — с ворованными у тети Люды сигаретами Плиска или Прима — не столько для себя, сколько для авторитета в глазах дворовых моих дружков, от которых я постоянно отста-вал в возрасте на 5 лет.

Когда-то, сидючи с ними на склоне школьного сада, и сам я храбро вдохнул, едва не задохнувшись. Знала ли тетя Люда о моем тайнике? Да уж конечно, убирала же, мыла пол. Но свято берегла мою тайну. Мне прощалось много. И, хотя нашего кота Чикю я преследовал безжалостно, тетя Люда только журила. —

Что ты тут набедокурил?.. Тришка-тришка, где штанишки? — потерял, потерял...

Кутенька, кушай яичко. И женился Як на Цыпе, Як Цидрак на Цыпе-дрипе, а Як Цидрак Цидрони — на Цыпе-дрипе Лим-помпони.

А на пузырящийся от масла жареный хлеб — запах его ни с чем невозможно спутать — сыпался зеленый сыр. Это было уже признаком подлинно роскошной жизни. Потом манная каша с сахаром, а то и вишневым вареньем. А на половинке горячего яйца вкрутую таял кусочек масла от куска, плававшего в стеклянной банке в мутноватой соленой воде.

— Ты вот как попробуй!.. (те же картошки Каратаева). Это были моменты нашей абсолютной гармонии. Про счастье и говорить нечего.

Мама иногда писала мне в Печоры письма в стихах. «Часто я думаю о тёте Люде, всё подает она Гульке на блюде». Я отвечал тоже в стихах, но обычно о себе.

В прежние годы летом под попечительством бабушки и при заботливом участии тети Люды в нашем доме возрастала шумная компания внуков Свидзинского — Лёки, Тани и Лены, приемной дочери Светы и Ксении, дочери друзей, Боровских. Тогда и дед еще был жив, задавая строй всему ветеринарному и, вместе с бабушкой, семейному хозяйству. А в овраге на скотном дворе, вдоль дороги на кладбище, кипела мычащая и блеющая жизнь.

Тогда тетя Люда, с ее счетоводственной дотошностью, была в конторе ключевым работником. В мои времена летом скотный двор был предоставлен детским играм, лечебница превратилась в многоквартирный дом, в кузнице был склад, а в конторе — столлярный класс для школьников, а в нашем дворе летом, вместе с соседскими девчонками, царствовали последыши — я и моя племянница, бабушкина правнучка Алюня. Как старший, я был больше предоставлен самому себе и своей дворовой компании. За день бабушка и тетя Люда, устав от нашей карусели и формально

уложив нас спать — выключив свет в большой комнате с окнами во двор, собирались напротив, за столом у тети Люды. Что там происходило у них, мы хорошо слышали. А это были жаркие сражения в карты. Бабушка так и говорила: Сразимся. Для них это были минуты отдохновения и священнодействия. Разговаривать с Людочкой было сложно, а вот игра в Хвост (до сих пор не знаю, как в цивилизованном мире называется эта семейная для нас игра, хотя известно, что именно из того мира она добралась до печорской гостиной, в которую вечером превращалась комната тети Люды). Сигаретный дым струился и клубился в ней, сплетаясь с немногословными репликами игроков и писком слухового аппарата. Екатерина Михайловна, карту, карту!.. — протяжно действовала бабушке на нервы тетя Люда. Бабушка отвечала что-то неотразимое, Людочке неслышное.

Грозные летние вечера не слишком сочетались с неторопливым течением игры в Хвост. В сильную грозу ночью я бежал на первый этаж спасать свою дрожащую на первом этаже в одиночестве Светку, выволакивая ее из-под кровати и приводя к нам на второй. Еще и плясал однажды по лужам во дворе при вспышках молний и грохоте небес, убеждая таким образом свою тайную сердечную избранницу в том, что грозы не следует бояться.

Наутро бабушка, вспомнив о том, как во всем доме повыбило электричество и полопались лампочки, невозмутимо добавила: только у нас с Людочкой свет был. Потому что чёрт за лампочку держался.

Когда бабушка умерла — тетя Люда растерялась, осиротела. Понимала она и то, что дедову-бабушкину комнату в нашем казенном доме теперь отберут и кончится жизнь. На второй день после бабушкиной смерти тетю Люду увезли в местную больницу с инсультом, на похоронах она не была, медленно поправлялась и наконец добралась до сигареты. Тут же вновь разорвались сосуды и наступил паралич. Ни лицо, ни речь ее потом вполне не восстановились. Мы с мамой приезжали в Печоры, было трудно приходиться в дом, где дома уже не было, хотя там была малоподвижная пополнившая тетя Люда, которая ждала в этой жизни только нас,

откладывала деньги мне на подарки ко дням рождения, а я покупал на них книжки, расхваливая сомнительные приобретения.

Мы жили обычно у дедушкиной фельдшерицы тети Лены Федотовой за монастырем, и зимой на финских санях привозили туда, бывало, Людочку. Я уже учился в институте, моя жизнь шла в гору, а тетя Люда была жива и всё ждала нас. У нее всегда была привычка гладить меня по голове, влюблённо заглядывая в глаза. Это было невыносимо: мою челку, которая претендовала на чубчик и бывала бодро побрасываема при ходьбе, она примасливила ко лбу. Теперь я становился терпеливее. Зато скопленное ею на сберкнижке состояние в сто семнадцать рублей с копейками, как и всё в ее комнатке, было отписано мне как наследнику.

Похоронили тетю Люду на глинистом куликовском месте, рядом с братом и старыми надгробьями Куликовых, гранитным и чугунным, которые были сплошь в лунках и пробоинах от пуль: при отступлении немцев за ними прятался снайпер. Потом папа, сам родом из Петрограда, сказал: Вот тут меня похоронишь, — и теперь рядом с тетей Людой могила Виктора Александровича. Карты, для парочки заядлых хвостисток привезенные отцом с гастролей в Америке, еще живы, хоть и потрепаны, можно сыграть. Нашу печорскую веранду насквозь просвечивает вечернее солнце.

Родная моя бабушка, скажу, была глубокой, гениальной веры человек. Об этом и о ее жизни надо бы отдельно писать. А у Людочки в углу висела икона щекастого румяного Спасителя в жемчугах (так, по крайней мере, воспринималась эта живопись никониянская). Я не помню тетю Люду за молитвой. «Она не знала сказок и не пела», моя Елена Кузина.

Хотя нет, пела. Я же помню очень странную ее песню, исполнявшуюся на одной то ли ноющей, то ли воющей ноте: «У меня в будурэ голубой абажур, у меня в будурэ всё окутал ажур».

Качкина Алевтина Николаевна,
член Псковского регионального отделения
Союза краеведов России

Студентки строят детдом в Печорах

Эта история началась в октябре 2021 года, когда в сообществе «Многоликая история России» в соцсети «ВКонтакте» появилась вот такая фотография.

Фото было подписано «Санаторий «Гороховое озеро», Островский район». В комментариях к этому фото я написала, что тоже в 1960-х лечилась в этом санатории. На что отозвалась хозяйка фото Наталья Дюбина, и мы подружились в той самой сети Вконтакте. Наталья старше меня на 6 лет (1952 г. р.) и лучше помнит, что и как было в этом санатории.

Но уже в личной переписке Наталья Евгеньевна рассказала, что у неё есть и прямая связь с Печорами: в 1972 году стройотряд Псковского пединститута, состоявший исключительно из девушек, участвовал в строительстве нового Детского дома в Печорах.

Наталья Евгеньевна, тогда Наташа Слепенкова, была в составе этого отряда и имела фотоаппарат! Хорошо, что фотоаппарат был ещё у одной девушки Любы, Трошковой, благодаря чему лучшими снимками они потом обменялись и снабдили своих подруг!

Итак, в июле 1972 года, студенческий Стройотряд под названием «СОФИЯ», что означает «Строительный Отряд Факультета Иностранных Языков» (от ПГПИ), начал трудовую деятельность на строительстве нового Детского дома в Печорах на улице Гагарина, 3. Сейчас в этом белого кирпича 2-этажном здании размещается Детсад «Звёздочка».

А тогда...

Студенты выполняли несложные задания подсобных рабочих, в том числе разгружали кирпичи. С ними сфотографировались три строителя. Одного из них, того, что слева, звали Володя. Строители занимались кладкой стен подсобного корпуса будущего Детдома, а девушки-студентки подносили им раствор и кирпичи.

Разгрузили машину кирпичей, сели отдохнуть и ... сфотографировались на память!

Наталья Дюбина на фото в среднем ряду справа крайняя, сидит на коленях у подружки. Пребывание студенток Псковского Государственного Педагогического Института длилось 2 летних месяца 1972 года — июль / август. Жизнь в стройотряде была интересной, хотя на работе девчонки всё же уставали.

В свободное от работы время девушкам нравилось посещать Псково-Печерский монастырь.

Влекла туда какая-то особая атмосфера добра и умиротворения. Кругом чистота, много цветов, особенно восхищали клумбы с розами, нет шума и суеты. Девчата обращали внимание на высоких, стройных и строгих мужчин в длинных чёрных одеждах, которые быстро шагали по дорожкам монастыря, не обращая внимания на глазающих на них девчонок. Иногда студентки заходили в храмы, в которых шла служба. И не было такого, чтобы кто-то их заставлял покрывать головы платочками...

Фото у ворот Псково-Печерского монастыря Наталья Дюбина прокомментировала так:

— Девушек и женщин в брюках не пропускал дежурный монах у ворот, но я прошла! Видимо, мой внешний облик позволил монаху принять меня за молодого парнишку!

Летний трудовой семестр 1972 года. Печоры. Бойцы ССО "СОФИЯ" на трудовом объекте. Строят детский дом.

В минуты отдыха на стройплощадке. На снимке печорский парень Павел Лешкин в форменной куртке стройотряда, позаимствованной у кого-то из девчонок, чтобы сфотографироваться на память со студенческим стройотрядом «СОФИЯ».

Завтраками и обедами студенток кормили в рабочей столовой, а вот ужин они организовывали сами.

Жили студентки в здании интерната для эстонских школьников. Когда-то это была школа № 4 — 2-этажный деревянный дом зелёного цвета на перекрёстке улиц Рижская и Кузнечная.

В здании кухни или не было, или просто был закрыт в неё доступ. Поэтому девушки не могли приготовить себе что-то на ужин, даже чай не на чем было согреть... Они покупали в магазине хлеб, колбасу, сыр, какие-то рыбные консервы, а у бабулек отоваривались огурцами и помидорами. И молоко с печеньем, иногда лимонад. «И ничего, не похудели!» — смеялись студентки.

Благодаря фотоаппарату Натальи Дюбиной, у печорских краеведов теперь появился первый снимок этого здания 1972 года. А через год от данной съёмки, в 1973 году, и я, автор данной статьи, а тогда Алла Федорченко, летом целый месяц пребывала в этом здании, т. к. здесь базировался Лагерь пионерского и комсомольского актива Печорского района! Насколько я помню, нас кормили 3 раза в день в небольшом здании во дворе Интерната.

Ну а вот так это место выглядит сейчас.

На танцы в печорский Дом культуры студентки ходили каждую субботу! Надо сказать, что они пользовались успехом у местных кавалеров! Во время танцев им не приходилось стоять в сторонке...

И вот при полном параде 17 девчонок сфотографировались у здания, в котором жили, среди них были 16 будущих педагогов и 1 девушка из медучилища.

Имена псковских студенток:

Верхний ряд стоят слева направо:

– Нина Сафронова (по мужу Победова), в 1990-ые годы работала на Псковском областном радио, вела для школьников передачу «ПЕРЕМЕНА». Жалко, что рано ушла из жизни. Нина родом из д. Лавры Печорского района, а в д. Пачковка жили её родственники;

– Нина Штыкова;

– Ира Битно-Шляхто (командир Стройотряда);

– Наташа Слепенкова (Дюбина);

– Надя Нахратова;

– Саша Изотова;

– Галя (медработник данного отряда, студентка медучилища, но работала на стройке наравне со всеми);

– Таня Петрова;

– Наташа Сергеева.

Средний ряд сидят на скамейке слева направо:

– Надя Черноброва

– Люба Волкова

– Света Фёдорова

– имя четвёртой девушки Наталья Евгеньевна Дюбина не помнит, т. к. девушка не с их курса, но захотела работать в стройотряде и её присоединили.

Нижний ряд присели слева направо:

– Люба Трошкова (автор многих снимков);

– Зина Мартынова;

– Ира Лыкова.

Фамилии всех студенток девичьи, до замужеств.

За хорошую работу Строительная организация подарила девчонкам поездку в Таллин, но не на экскурсионном автобусе, а на грузовике с фургоном для перевозки людей. Выехали ночью. В пути проезжали по ночным улочкам Тарту. Утром уже были в Таллине.

После поездки опять трудовые будни. Наталья Дюбина назвала это фото «Я и трактор».

А в корпусе Наталья Дюбина на первом этаже делала планировку пола в одной из комнат. Лихо стучала молотком по кускам кирпичей, превращая их в крошево, которым выравнились ямки на полу.

И ещё студентки узнали, что лютеранская Кирха действующая и в ней есть орган. Местные жительницы объяснили, что в выходной день, т. е. в воскресенье, можно будет прийти на службу, во время которой и будет звучать органная музыка. Далее рассказ Натальи Дюбиной:

— Нас предупредили, что пока идёт служба, нельзя ходить и покидать Кирху, надо присутствовать до конца богослужения. Нас это не смутило. И вот утром мы подошли к открытым дверям лютеранской церкви. Нас встретила и проводила наверх женщина, которая оказалась органистом (органисткой). Мы расположились на скамеечке возле клавишей органа. Служба началась с громких торжественных звуков музыки, потом они затихли... Внизу в зале на скамейках сидели прихожане, а перед ними за высокой кафедрой стоял священник (пастор) и произносил какие-то слова не на русском языке, а как нам сказала органистка, на эстонском. Мы тихонько прислушивались, разглядывая необычную для нас

лютеранскую церковь. Меня удивило то, что икон было совсем немного, но на возвышении, на столе, покрытом белой скатертью, стояли яркие букеты свежих цветов. Это были гладиолусы. Потом опять играл орган, и это было чудесно! Я впервые вживую слушала органную музыку, и она потрясла меня! И вот теперь, через 50 лет, мне хочется ещё раз услышать звучание печорского органа!

А вот что ещё рассказала Наталья Евгеньевна Дюбина:

— Начался новый учебный год, а мы в Пскове всё ещё вспоминали нашу интересную жизнь в Печорах. И вот как-то раз появилась идея в субботу после занятий поехать в Печоры и сходить в Дом культуры на танцы. Задумали — сделали! В Печоры прибыли ещё до наступления сумерек, ДК был закрыт, и поэтому мы решили свободных полтора часа провести в монастыре. Постояли на службе в Успенском соборе, поставили свечи перед иконами. Выйдя из храма, начали спускаться по широким ступеням, где были остановлены пожилым священником. Он осведомился, что мы тут делаем, кто мы, откуда приехали. И таким образом, слово за слово, мы всё рассказали батюшке о себе. И про танцы не утаили! Тогда батюшка вытащил из кармана своих длинных черных одеяний коробочку, открыл её и сказал: «Сейчас я каждой из вас подарю крестик. Если вы крещёные, то вы можете его носить, даже если вы и комсомолки! А если не можете, не пожелаете, потому что некрещёные, а есть среди вас такие? (я ответила утвердительно), тогда возьмите у меня крестик и передайте его вашей маме или бабушке, дедушке... Только не выбрасывайте святой крестик!».

Я тоже получила в подарок крестик, который дома, в Великих Луках, передала моей бабушке Лизе, она была очень набожной и ходила в церковь. Дома у неё была икона с лампадкой. А когда батюшка распрощался с нами и ушёл по своим делам, к нам сразу подошли несколько женщин, что стояли недалеко. Они поинтересовались, о чём это так долго разговаривал с нами наместник монастыря? И тогда я поняла, что нас как бы благословил крестиками очень важный человек в монастыре. Но спустя много лет я увидела фото наместника Псково-Печерского монастыря в те годы архимандрита Алипия. И мне кажется, что с нами беседовал не он, а какой-то другой священник. Он не был похож на фото отца Алипия. И вот я призадумалась — от кого же мы получили благословление? Хотелось бы поверить, что от отца Алипия, но не уверена... Вот такая история.

Примечание: Наталья Евгеньевна крестилась, уже будучи взрослой, в 1999 году в храме города Себежа.

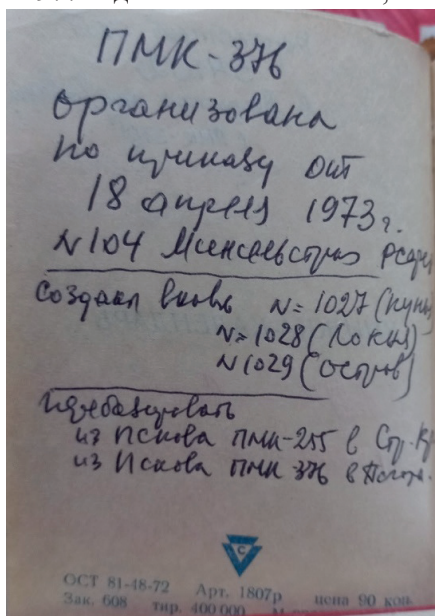
Теперь надо сказать, что начинал строительство Детского дома Печорский механизированный отряд, директор Волков. А потом строительство продолжила Передвижная механизированная колонна ПМК № 376. Стройка оказалась долгой.

Так, подводя итоги 1977 года, начальник ПМК-376 Николай Иванович Бедовый записал в своём блокноте: «К сожалению, в сфере сдачи объектов мы сделали далеко не всё. Мы не сдали в эксплуатацию Детский дом, а его ждут 120 детишек, для которых, заменяя родительский, он станет родным домом, и откуда они получат путёвку в жизнь».

Надо отметить, что и печорские комсомольцы приходили на помощь в окончании строительства Детского дома, о чём нам сообщает запись от 25 декабря 1977 года в том же блокноте, что в этот день на объекте был проведён воскресник с участием комсомольцев ПМК и из РК ВКЛСМ в составе 7 человек.

В блокноте Николая Ивановича Бедового есть запись от 3 января 1978 года: «Рабочая комиссия по сдаче в эксплуатацию общежития Детского дома. Присутствовали: зам. управляющего Трестом Васильев Е. Д., от заказчика Золотов Л. Г.».

А у студенток продолжалась учёба, они выходили замуж и появлялись детишки — всё как и положено молодому поколению...

Источники

1. Своими воспоминаниями и фото поделилась Наталья Евгеньевна Дюбина, которая после вуза (факультет иностранных языков ПГПИ им. С. М. Кирова) работала 3 года учителем иностранного языка в средней школе № 2 г. Великие Луки, в

1978 году перешла в систему высшего образования и более 20 лет преподавала иностранные языки в спортивном вузе (сегодня это ВЛ ГАФК), а потом ещё более 6 лет обучала студентов в Великолукской сельскохозяйственной академии (сегодня это ВГСХА). Ныне Наталья Евгеньевна краевед. Спасибо большое за доверие и помощь!

2. За выдержки из блокнота Н. И. Бедового благодарю его дочь, краеведа Надежду Николаевну Баранову!

СОДЕРЖАНИЕ

III. ЗДЕСЬ РОДИНЫ МОЕЙ НАЧАЛО

<i>Матвеев Н. П.</i>	
Лезги — деревня у истоков древности	3
Ротово	49

IV. ЗЕМЛЯКИ

<i>Айда Г. Н.</i>	
Их имена и в новый век возьмёт с собою человек	76
<i>Айда Г. Н.</i>	
История личности в истории города (Яр Вера Сергеевна)	88
<i>Кузьмина Н. Г.</i>	
Учитель учителей (Яснова Мария Федоровна)	95
<i>Матвеев Н. П.</i>	
Семья Воронковых — достойна своих изборских пращуров .	107
<i>Матвеев Н. П.</i>	
Судьба бойца трудового фронта	124

V. ПЕЧЕРЯНЕ ВСПОМИНАЮТ

<i>Лаур (Дубровская) В. П.</i>	
Мои воспоминания	139
<i>Лаур (Дубровская) В. П.</i>	
Возвращение в память	150
<i>Векшин Г. В.</i>	
Людочка	157
<i>Качкина А. Н.</i>	
Студентки строят детдом в Печорах	167

Научное издание

Не прервётся связь времён

Материалы Общества краеведов
при Печорской районной библиотеке

Выпуск 10

Часть II

Подписано в печать 23.04.2024. Формат 60×90/16.

Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 11,25.

Тираж 98 экз. Заказ № 6243.

Подготовка к печати и печать выполнены
в Псковском государственном университете

Отпечатано на Versant 2100.

Адрес издательства:

Россия, 180000, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4^а, корп. 3^а.

Псковский государственный университет